

У ХАНЬ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ЧЖУ
ЮАНЬЧЖАНА

Tyulemissov Madi مەدی ایواصل

tmadi1@gmail.com

朱元璋传

吳 晗

生活·讀書·新知三聯書店

一九六五年·北京

У ХАНЬ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ЧЖУ
ЮАНЬЧЖАНА**

Перевод с китайского
**Желоховцева А. И., Боровковой Л. А.,
Мункуева Н. Ц.**

Под редакцией
**доктора исторических наук
Илюшечкина В. П.**

Предисловие
**доктора исторических наук
Переломова Л. С.**

**МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1980**

Редакция литературы по истории

© Сокращенный перевод на русский язык
и предисловие, «Прогресс», 1980

У $\frac{10605-228}{006(01)-80}$ 41-80

050600

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге в беллетризированной форме излагаются события одного из переломных периодов истории Китая — второй половины XIV в., — который ознаменовался упорной вооруженной борьбой китайского народа против монгольских завоевателей, захвативших страну в XIII в. и утвердивших там свою власть, изгнанием их и установлением власти китайской императорской династии Мин. «Жизнеописание Чжу Юаньчжана» (1328—1398 гг.), одного из руководителей этой борьбы и основателя династии Мин, правившей в Китае с 1368 по 1644 г., — последняя работа известного китайского историка и политического деятеля профессора У Ханя.

У Хань родился в 1909 г. в семье бедняка уезда Иу провинции Чжэцзян. Уже в раннем детстве ему пришлось познать все тяготы непосильного труда. Мальчик тянулся к знаниям, но родители не могли послать его в школу: денег не хватало даже на пропитание, жили впроголодь. В среднюю школу У Хань смог поступить уже взрослым человеком, когда ему исполнилось 20 лет. Через два года, в 1931 г., юноша поступает в Яньцзинский университет, где некоторое время работает в университетской библиотеке. Все годы учебы, сначала в Яньцзинском университете, а затем в университете Цинхуа (1931—1934 гг.), У Хань сочетает с самой разнообразной работой — помощи ждать ни от кого не приходилось, родители были не в состоянии выслать ему даже одного юаня. Он упорно занимается и много читает, молодого студента увлекает средневековая история страны, насыщенная сложными и интересными событиями. Руководство университета Цинхуа обратило внимание на одаренного студента, успешно овладевшего древнекитайским языком и читавшего источники. Ему предлагают подготовить курс лекций, и в 1934—1937 гг. молодой ученый читает в университете Цинхуа курс лекций по истории Китая периода династий Юань (1271—

1368 гг.) и Мин. В 1936 г. выходит в свет первая самостоятельная научная работа У Ханя — «Общество эпохи Юань»¹. Эту пространную статью можно с полным основанием приравнять к монографии. В ней на основе тщательного анализа разнообразных документов изучено положение различных классов и прослоек китайского общества, особенно рабов и арендаторов, периода правления монгольской династии Юань. В том же году У Хань публикует второе исследование — «Крах империи Юань и создание династии Мин»². В этой статье освещается ход антимонгольских восстаний конца правления династии Юань, борьба между группировками повстанцев, победа Чжу Юаньчжана в этой борьбе, его Северный поход и создание им династии Мин.

Уже эти первые исследования поражали прекрасным знанием источников, глубиной исследования и образностью изложения. К У Ханю приходит заслуженное признание научной общественности, его приглашают читать лекции на юге Китая в Юньнаньском университете, где он в 1937 г. становится профессором.

Профессор У Хань никогда не был кабинетным ученым, его волновали судьба простого народа и политические события в стране. В 1944 г. он вступает в Демократическую лигу Китая, объединявшую главным образом прогрессивную интеллигенцию страны. Со времени вступления в эту организацию У Хань постоянно представлял ту ее часть, которая стремилась к сотрудничеству с Коммунистической партией Китая. В 1946—1948 гг., являясь профессором университета Цинхуа в Пекине, У Хань по заданию КПК вел подпольную работу. В эти годы господства гоминьдановской реакции профессор У Хань помог многим коммунистам-подпольщикам, прежде всего студентам, тайно перебраться на территорию Освобожденных районов. В январе 1947 г. У Хань избирается в состав Центрального Комитета Демократической лиги Китая и остается на этом посту до последних дней своей жизни.

После образования Китайской Народной Республики профессор У Хань включается в активную общественно-политическую деятельность. Он отдает много сил и энергии

¹ У Хань. Общество эпохи Юань. — «Шэхуй кэсюэ», 1936, т. I, № 1.

² У Хань. Крах империи Юань и создание династии Мин. — «Цинхай сюэбао», 1936, т. XI, № 2, с. 359—423.

построению нового общества. Сфера его деятельности многогранна: он был заместителем мэра Пекина (с ноября 1949 г. по декабрь 1966 г.), членом ЦК Всекитайской федерации демократической молодежи (с мая 1949 г. по декабрь 1969 г.), депутатом Всекитайского собрания народных представителей — высшего органа власти в стране, членом Комиссии по культуре и образованию при Государственном административном совете, членом правления Общества китайско-советской дружбы, вице-президентом пекинского отделения Всекитайского комитета защиты мира, членом Китайского народного комитета защиты детей, членом Всекитайского общества историков, вице-президентом Административного комитета университета Цинхуа и многих других комитетов и обществ.

Несмотря на чрезвычайную занятость, профессор У Хань не забывал и о научной работе. То были плодотворные годы для многих китайских историков. Именно в первое десятилетие существования КНР (1949—1959 гг.) наблюдается бурное развитие исторической науки в Китае на качественно иной, марксистской основе. В КНР в эти годы издаются десятки переводов исследований крупнейших советских историков. Китайские историки Лю Яоду, Чжан Цзяцан и другие, подытоживая в одной из статей результаты достижений историографии КНР за это десятилетие, отмечали: «Мы должны также поблагодарить Советский Союз, так как, располагая передовым опытом работников советской исторической науки, мы имели возможность пойти по проверенной широкой дороге»¹. В этот период профессор У Хань получил возможность ознакомиться на китайском языке с работами крупнейших советских специалистов по истории древнего мира и медиэвистов — исследованиями В. К. Никольского, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, А. В. Ардиховского, В. В. Струве, В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина и других. Перед исследователем средневековой истории Китая открылись новые горизонты. У Хань убеждается в необходимости и важности изучения социально-экономических отношений, развития производительных сил. В научном журнале «Лиши яньцзю» (1955, № 3) он публикует обширную статью «Развитие производительных сил в нача-

---

¹ «Еженедельник изучения истории». Кайфын, 1959.

ле правления династии Мин». Одновременно он дополняет и пересматривает свои прежние работы и в 1956 г. издает сборник статей «Записи, сделанные при чтении династийных историй» (Пекин, 359 с.). В статьях сборника исследованы важные проблемы, относящиеся к самым разным темам. Здесь и заметки об отдельных социальных и государственных институтах, и разбор терминов, и статьи по различным проблемам истории Китая периода правления династий Юань и Мин.

Профессор У Хань никогда не стоял в стороне от крупных политических событий своего времени, тем более событий, затрагивающих судьбы развития страны. Конец 50-х — начало 60-х годов ознаменовались в Китае усилением культа личности Мао Цзэдуна. Стремление маоистской группировки навязать стране политику «большого скачка», пагубно отразившуюся на развитии Китая, вызвало недовольство в партии и народе. Оппозиция стала косвенно критиковать линию Мао, обратившись к традиции. Факты древней и средневековой истории страны приобретали в это время все более современное звучание. Политическая и гражданская позиция У Ханя, прекрасное знание им истории и его высокий личный авторитет выдвинули его в число наиболее активных участников и руководителей этой борьбы в области культуры и исторической науки. «История,— писал У Хань,— фиксирует опыт и уроки наших предшественников в экономической и классовой борьбе. Мы, современники, должны из их опыта сделать соответствующие выводы, извлечь самое ценное, сделать выводы из нашей истории за все время от Конфуция до Сунь Ятсена»¹.

Прежде чем перейти к анализу исторических произведений У Ханя, написанных им в 50—60-х годах, в частности «Жизнеописания Чжу Юаньчжана», необходимо хотя бы коротко остановиться на значении национальной исторической традиции в духовной жизни китайского народа. Самосознание каждой этнической общности хранит в своей памяти историю народа, как драгоценную реликвию. Обращение живущих поколений к своей исторической традиции — явление вполне реальное и законо-

---

¹ У Хань. Учеба. Пекин, 1963, с. 133. Подробно см.: В. Г. Градов. «Критика» У Ханя — канун «культурной революции». — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, с. 138.

мерное, свойственное многим народам. Общественные классы, государственные деятели и политические лидеры часто черпают в традициях уверенность не только в законности своего рождения, но и в праве на настоящее и будущее. Особенно ярко проявляется эта закономерность на переломных этапах истории. «Люди сами делают свою историю,—писал К. Маркс,—но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого... И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»¹. Можно привести десятки примеров из истории любой страны, подтверждающих справедливость и жизненность приведенных слов К. Маркса.

В Китае традиции играли и играют ту же роль, что и в других странах. В то же время они имеют и свои специфические черты: здесь значение их более глубоко, они чрезвычайно прочно вошли в жизнь народа на самых различных социальных уровнях, и к ним обращаются повседневно. Приверженность к традициям, к сложившимся нормам поведения, моральным и духовным ценностям, художественным образам, стереотипная оценка исторических деятелей — все это давно стало национальной чертой характера китайцев. Родилось все это не сразу и в силу определенных исторических причин, среди которых следует выделить раннее возникновение государства, культ предков, наличие конфуцианства как господствующей идеологии, выполнявшей подчас и функции религии, патронимическую систему организации ячеек общества, основанных на кровном родстве, и т. д. Все эти компоненты не только сосуществовали, но и активно функционировали на протяжении более двух тысяч лет. Они весьма целенаправленно прививали людям чувство особого уважения к традициям и подчинения им. Немалую роль

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, с. 119.

сыграл в этом отношении и возникший еще в древности театр, где свыше 80% пьес и представлений ставилось на темы исторических сюжетов. Бродячие актерские труппы проникали в самые отдаленные селения, и всюду их неизменно ожидал самый радушный прием. Поэтому даже неграмотные крестьяне хорошо знали мифологию и выдающиеся события истории своей страны, главным образом древней и средневековой истории.

Политические деятели и идеологи XX в., учитывая уровень массового сознания и специфику политического мышления народа, как правило, оснащали свои теории примерами, мифическими, историческими и литературными героями старого Китая. Для всех них — независимо от партийной принадлежности — было характерно одно: постулаты Конфуция всегда использовались в качестве главного и неоспоримого аргумента. В этом отношении лидеры КПК не отличались от своих оппонентов, разница заключалась лишь в выборе и трактовке концепций и отдельных положений учения Конфуция.

Когда в Китае усилилось недовольство авантюристической политикой Мао Цзэдуна, оппозиция выступила с косвенной критикой линии Мао, справедливо обвинив последнего в нарушении основной доктрины Конфуция — заботы правителя о благе народа; она настаивала на соблюдении принципа «человеколюбия» («жэнь») в деятельности партийного и государственного аппарата. В 1959—1962 гг. У Хань публикует серию статей о средневековом чиновнике Хай Жуйе, прославившемся своей честностью и прямоотой. Хай Жуй стал своего рода эталоном и воплощением «совершенного человека» («цзюнь цзы») конфуцианского канона. 16 июня 1959 г. в центральном органе КПК газете «Жэньминь жибао» появилась статья У Ханя «Хай Жуй ругает императора». В основу статьи автор положил доклад чиновника Хай Жуйя, поданный им в 1566 г. минскому императору Шицзуну. Хай Жуй, основываясь на доктрине видного конфуцианца Мэнцзы о праве сановников критиковать правителя за неправильные поступки, выступил с резкой критикой императора. Нисколько не искажая доклад Хай Жуйя, У Хань цитировал те места из доклада, которые вызывали ассоциацию с политикой Мао и современным положением дел в стране (провал «большого скачка» привел к жестокому голоду): «Ныне налоги и повинности тяжелее, чем

было в обычае, и так повсеместно... Народ Поднебесной недоволен уже давно, при дворе и в провинциях чиновники и простолюдины поняли все. Помыслами Вы погрузились в мистику, в мечтах о бессмертии и вечной молодости помутился ум...»¹ Статья У Ханя, занимавшего в то время пост заместителя мэра Пекина, произвела эффект внезапно разорвавшейся бомбы. Читателям газеты, издающейся миллионными тиражами, был вполне понятен объект критики. В одном лагере статья вызвала восторженные отклики, в другом — пока еще с трудом сдерживаемый гнев. Вскоре появилась пьеса «Доклад Хай Жуя на высочайшее имя», написанная Сюй Сынянем в соавторстве с известным актером Чжоу Синьфаном. Впервые она была поставлена в Шанхае и прошла с успехом на сценах ряда театров страны. В конце 1960 г. друзья актеры попросили У Ханя самого написать пьесу о Хай Жуе. Тот с радостью согласился и засел за работу, он стремился осовременить Хай Жуя, сделать его образ более созвучным политическим требованиям 60-х годов, не искажая при этом исторической правды. Позже, делясь своими взглядами на значение исторических пьес для современности, он отмечал: «Будь то историческая книга или пьеса, их исторические герои — не возрожденные трупы. Описывая людей, изображая их на сцене, всегда нужно помнить о той роли, какую они играют для потомков, и делать из их опыта свои выводы. Одним словом, служить не мертвецам, а живым людям и восприимать боевой опыт и уроки предшественников, чтобы направить их на службу сегодняшнему дню, социалистическому строительству, древность поставить на службу современности»². Семь раз переделывал У Хань пьесу, прежде чем передал окончательный вариант в театр. Впервые она была поставлена в 1961 г. на сцене столичного театра — Пекинской музыкальной драмы, а вскоре пошла с возрастающим успехом во многих театрах страны. Зрителей особенно волновала сцена, где, критикуя императора, Хай Жуи говорит ему: «Раньше ты еще делал кое-что хорошее, а что ты делаешь теперь? Исправь ошибки, дай народу жить в счастье. Ты совершил много ошибок, а считаешь, что во всем прав, и поэтому отвергаешь критику».

¹ «Жэньминь жибао», 16. VI. 1959.

² У Хань. Учеба, с. 145. (Цит. по переводу В. Г. Градова. См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, с. 138.)

В то время многие в Китае усматривали в этой сцене прямой намек на письмо члена Политбюро ЦК КПК министра обороны Пэн Дэхуая от 14 июля 1959 г. на имя Мао Цзэдуна, содержавшее пространную критику маоистского политического курса. Пэн Дэхуай видел пьесу и, судя по всему, не только не возражал, но полностью одобрял такое воплощение «древности на службе современности». Позднее, на X пленуме ЦК КПК в сентябре 1962 г., Пэн Дэхуай открыто заявил: «Я не буду больше молчать. Я хочу быть Хай Жуйем».

У Хань понимает, что Мао Цзэдун никогда не простит ему подобной критики. И он спешит: в 1962 г. в Пекине вышел двухтомник «Хай Жуй», в составлении и написании которого У Хань принимал самое деятельное участие.

В целях развенчивания культа Мао Цзэдуна он широко использует и исторические материалы об основателе династии Мин Чжу Юаньчжане, выходеце из народа, прошедшем путь от рядового участника вооруженной борьбы против монгольских завоевателей до императора. История Чжу Юаньчжана занимает особое место в творчестве У Ханя. Над биографией Чжу Юаньчжана он работал свыше двадцати лет, постоянно обпоявляя и улучшая книгу в связи с обнаружением новых, дополнительных источников, которые позволяли уточнить некоторые события из жизни героя книги и его поступки, а также в связи с пересмотром своих взглядов на роль личности, народных масс и государства в истории. Первый вариант рукописи был создан им еще в июне 1941 г. и носил название «Биография минского Тайцзу». Тайцзу (Великий предок) — это храмовое имя Чжу Юаньчжана, которое он принял, став императором династии Мин. Под этим девизом он правил с 1368 г. и до самой смерти.

Второй вариант книги был закончен в августе 1948 г. и издан в апреле 1949 г. уже под нынешним названием — «Жизнеописание Чжу Юаньчжана». Проходят годы, У Хань более подробно и основательно знакомится с произведениями классиков марксизма-ленинизма и начинает уже по-новому смотреть на многие процессы исторического развития Китая и давать новую трактовку некоторых кардинальных проблем крестьянских восстаний, роли личности и масс в истории. В предисловии к четвертому, последнему варианту «Жизнеописания Чжу Юаньчжана», ко-

который дается здесь в переводе на русский язык, профессор У Хань отмечает, почему первые два варианта перестали удовлетворять его требованиям. Прежде всего, в них еще явно сказывался «надклассовый подход» к оценке революционных действий повстанческих отрядов; во-вторых, «учение В. И. Ленина о роли государства» помогло ему по-новому осознать значение государственной машины для средневекового Китая; в-третьих, в предыдущем издании автор использовал образ Чжу Юаньчжана для критики Чан Кайши, что не могло не отразиться на объективности освещения личности основателя минской династии. Поэтому, несмотря на чрезвычайную занятость, У Хань все же старался выкроить время, чтобы переписать целые разделы книги и исправить ошибки.

К середине 1955 г. третий вариант рукописи был в основном закончен. На этот раз автор отпечатал его только в ста с лишним экземплярах и разослал друзьям с просьбой высказать замечания по всем затронутым вопросам. Друзья не замедлили с ответами и прислали письма, в которых, как отмечал У Хань, «исправлялись многие недостатки и ошибки»¹. «Основной недостаток третьего издания этой книги, — писал У Хань, — заключался в том, что я уделил недостаточное внимание классовым отношениям, классовым противоречиям, классовому анализу, а также в том, что Чжу Юаньчжан был недостаточно всесторонне рассмотрен как историческая личность»².

В конце 1955 г. ученый вновь приступает к кропотливой работе, по-новому анализирует материал, особенно тот, который относился к положению крестьянства, его социальному составу, духовной жизни народа, роли религии и тайных обществ, взаимоотношениям китайцев (ханьцев) и монголов и т. п. Была проделана огромная работа, потребовавшая девяти лет напряженного труда. «В течение этих девяти лет изучения материала, — писал У Хань в апреле 1964 г., — некоторые уже известные мне проблемы стали высвечиваться несколько четче, особенно проблемы, связанные с классовым анализом, оценкой классов, классовой борьбы и исторической личности. Эти проблемы я изучал особенно тщательно и даже написал на данные

---

¹ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Предисловие к четвертому изданию. Пекин, 1964, с. 4.

² Там же.

темы несколько статей. В то же время многие читатели присылали письма, спрашивая, нельзя ли вновь издать «Жизнеописание Чжу Юаньчжана», поскольку книга была опубликована уже давно. Для того чтобы рассеять ошибочные мнения, распространявшиеся среди читателей, и восстановить истинный облик Чжу Юаньчжана как исторической личности, я воспользовался временным отдыхом после болезни и завершил четвертый вариант рукописи. Начиная с февраля этого года я ежедневно писал понемногу, и через два месяца рукопись была в основном завершена»¹.

Многолетние усилия У Ханя не пропали даром — четвертый вариант «Жизнеописания Чжу Юаньчжана» качественно отличается от всех предшествующих изданий. В нем дается не только яркая, насыщенная событиями, зачастую драматическими, жизнь главного героя книги, но и история крестьян, поднявшихся на борьбу с иноземными захватчиками.

Вряд ли целесообразно излагать в предисловии содержание книги: У Хань так образно и всесторонне освещает китайскую действительность того времени, духовный облик героя, жизнь крестьян, взаимоотношения различных социальных слоев и классов, взаимоотношения представителей различных национальностей на различных уровнях, функционирование государственной машины (император и чиновники, император и сыновья, центр и уделы, борьба группировок, центральные и местные органы власти, налоговая политика) и, наконец, роль религии и суеверий, что трудно даже специалисту добавить или изменить что-либо². Это отнюдь не означает, что в книге нет спорных проблем, но это в большей степени относится к уровню решенности политических задач, которые ставил перед собой автор, завершая многолетнее исследование. «Жизнеописание Чжу Юаньчжана» — логическое продолжение и

---

¹ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Предисловие к четвертому изданию. Пекин, 1964, с. 4.

² Читатель, заинтересующийся минским Китаем, может получить дополнительные сведения об этой интересной эпохе в работах советских китаеведов: Л. А. Боровкова. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971; Н. П. Свистунова. Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в. М., 1966; Установление о соли и чае. М., 1975; А. А. Бокщанин. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976.

завершение той борьбы с политическими противниками, которая была так успешно начата автором в связи с воссозданием образа Хай Жуя. Если в случае с Хай Жуем в центре повествования честный, конфуциански образованный сановник, то в данной книге — конфуцианский император, испытавший влияние буддизма и даосизма.

Широкому китайскому читателю было известно увлечение Мао некоторыми древнекитайскими императорами и вождями крестьянских восстаний. К числу его любимых героев, помимо императора Цинь Шихуана, относились Лю Бан и Чжу Юаньчжан. Лю Бан — один из руководителей первого крестьянского восстания в истории Китая (209—202 гг. до н. э.), основавший династию Хань, которая правила страной более трехсот лет. Чжу Юаньчжан также был крестьянским вождем, основавшим свою династию. Мао Цзэдун многое заимствовал у основателя империи Мин. В политической мудрости Чжу Юаньчжана он заимствовал такие «стратегические идеи», как «враг наступает, мы отступаем...», «бить превосходящие силы противника по частям», целый ряд положений о роли армии в объединении страны. Именно Чжу Юаньчжан был «наставником» Мао Цзэдуна в «премудростях» дворцовых интриг и методах уничтожения своих старых боевых соратников, с которыми он прошел вместе не один десяток лет. Именно у императора Чжу Юаньчжана заимствовал Мао Цзэдун политическую направленность такого физического наказания, как «синао», что в буквальном переводе означает «промывание мозгов». Согласно указу Чжу Юаньчжана, народу запрещалось беспричинно петь и танцевать на улицах китайских городов. Он добивался того, чтобы подданные плясали и пели, лишь когда это было угодно императору. Нарушителям же указа вливали воду в нос в течение трех дней — это и называлось «промыванием мозгов» («синао»). Мао Цзэдун «творчески» развил этот метод средневекового физического наказания, разработав на его основе сложную систему идеологического и психологического «промывания мозгов»¹.

Историческая критика У Ханя ведется в традицион-

---

¹ Весьма знаменательно, что советский китаевед М. Г. Степанов, написавший интересную книгу о методах массовой пропаганды в КНР, назвал ее: «Синао» — «промывание мозгов» (М., 1977 г.).

ной китайской манере. В книге отсутствует прямое сопоставление Чжу Юаньчжана с Мао Цзэдуном. Советскому читателю следует всегда помнить условия, в которых творил У Хань, и атмосферу культа личности Мао. Автор действует осторожно, но позиция его вполне понятна рядовому китайскому читателю. У Хань умышленно оттеняет негативные черты любимого героя Мао Цзэдуна: непомерное властолюбие, мстительность, подозрительность, пренебрежение к интеллигенции. А главное — У Хань осуждает Чжу Юаньчжана за «измену крестьянской революции» и методы управления страной. «Он (то есть Чжу Юаньчжан. — Л. П.), — пишет У Хань в конце книги, — ввел курс управления страной с помощью тирании, сверх меры пользовался услугами органов тайной полиции, фабриковал многочисленные кровавые судебные процессы, применял варварские и жестокие наказания и истреблял большое число людей, дойдя до того, что «не различал, мудры ли эти люди или нет, и не разбирался, добры ли они или злы». Многие выдающиеся полководцы и литераторы были варварски истреблены без всякой причины».

Китайскому читателю, воспитанному с детства на примерах исторических параллелей, намек был вполне понятен. Вновь вспоминали о герое гражданской войны и войны в Корее «выдающемся полководце» маршале Пэн Дэхуае, о литераторе Дэн То и многих-многих других жертвах маоистского произвола. А в это время пресса и радио КНР делали свое дело — в стране все сильнее раздувался культ Мао, председатель был провозглашен одним из «величайших исторических деятелей Китая во все времена». У Хань включается в этот процесс, но отнюдь не на стороне официальной пропаганды. Уже в предисловии к последнему изданию «Жизнеописания Чжу Юаньчжана» он четко излагает свою гражданскую позицию: «Перелистывая заново эту книгу, я преследовал вполне определенные цели: ...оценка деятельности этого конкретного человека была необходима для выработки критерия оценки исторической личности вообще, мерила ее деятельности...»¹ Каков же этот критерий? Если суммировать все, что говорит У Хань об идеальном правителе, то «выдаю-

---

¹ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Предисловие к четвертому изданию. Пекин, 1964, с. 4.

щаяся историческая личность» должна обладать следующими качествами: гуманность, образованность, бережливость, скромность, соблюдение законности, трудолюбие, проницательность, светлый и трезвый ум, пренебрежение к спиртным напиткам, отсутствие агрессивных устремлений в отношении соседних народов, не походить на императора Цинь Шихуана, и главное качество — забота об интересах простого народа. Только сочетание всех перечисленных черт дает человеку моральное право быть зачисленным в разряд «выдающихся исторических личностей». И тот из китайцев, кто успел прочитать «Жизнеописание Чжу Юаньчжана», убеждался, что Мао еще очень далеко до «выдающейся исторической личности». Мао Цзэдун также прочитал работу У Ханя и понял все полунамеки, а главное — ее политическую опасность. Через несколько месяцев после выхода книги, на первом же заседании Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК в октябре 1965 г., Мао Цзэдун выступил с резким требованием развернуть по всей стране критику У Ханя. Кампания критики У Ханя переросла в «культурную революцию», и профессор У Хань стал одной из ее первых жертв.

В последнее время в китайской печати появился ряд статей с реабилитацией У Ханя. Ныне печать КНР всю вину за критику У Ханя списывает на «банду четырех». В статье «Вновь обсудим книгу «Жизнеописание Чжу Юаньчжана», помещенной в газете «Гуанминжибао» от 31 декабря 1978 г., признавался тот факт, что Мао Цзэдун, «проговорив с У Ханем весь вечер», высказал ряд критических замечаний по черновому варианту рукописи. Однако автор статьи утверждает, будто Мао не видел текста, опубликованного в 1965 г., что, мол, вся дальнейшая критика этого произведения и самого У Ханя — дело «предательницы Цзян Цин, которая крайне возненавидела это произведение». В действительности же, и это известно многим как в КНР, так и в других странах, настоящим виновником травли и гибели У Ханя был сам «великий кормчий».

Книга У Ханя издается в переводе на русский язык в сокращенном виде. Сняты многие мелкие подробности, загромождающие изложение, детальные описания боевых операций, недостаточно понятные и просто непонятные для советских читателей обращения к героям китайской древ-

ности и т. д., а также весьма многочисленные ссылки на источники и громоздкие комментарии. Главы 1 и 2 переведены А. И. Желоховцевым, главы 3, 4, 5, 8—Н. Ц. Мункуевым, главы 6, 7—Л. А. Боровковой. Краткий терминологический словарь составлен В. П. Илюшечкиным.

Л. С. Переломов

Бродячая молодость

1. Юный послушник

В первую половину 4-го года эры правления императора юаньской династии Шуньди¹ (1344 г.) народ на берегах Хуайхэ пострадал от жестоких бедствий: засухи, саранчи и эпидемии.

Много месяцев не было дождя; всходы проса иссохли и пожелтели, поля растрескались и стали похожи на панцирь черепахи; всякому было видно, что на урожай нет надежды, но никто ничего не мог придумать. Повсюду возносили молитвы о дожде: молили царя Драконов проявить волшебную силу. Старики в коротких белых рубашках из мешковины с непокрытыми головами стояли на коленях под солнцем и почтительно отбивали поклоны царю Драконов, умоляя о милости.

Молитвы беспрестанно возносились много дней, но солнце жгло, по-прежнему не показывалось ни единого облачка. Крестьяне еще метались, как муравьи в накаляющемся котле, когда вся земля покрылась налетевшей саранчой, которая дочиста съела последние зернышки проса в тощих сухих колосьях. Взрослые с унылыми, скорбными лицами голосили или вздыхали; все говорили, что на их памяти не бывало такого года, что жизнь кончилась.

Неожиданно — беда не приходит одна! — вслед за засухой начался мор. В уездах Чжунли и Тайпин округа Хаочжоу (теперь Фэньян в провинции Аньхуэй) люди заболели один за другим. Они питались корнями трав и корой деревьев и, заболев, не выживали: сначала слабели, горели в жару, затем начинались понос и рвота, и через день-другой человек погибал. Когда в каждой деревне стало ежедневно умирать несколько десятков человек и в каждом доме кто-нибудь умер, люди поняли: настал мор.

¹ См. краткий терминологический словарь, помещенный в конце книги.

Началась паника, крестьяне с женами и детьми, как переселяющиеся муравьи, пустились в путь на дальнюю сторону к родным или знакомым. Не прошло и десяти дней, как уезд Тайпин обезлюдел, умолкли собачий лай и пугающий крик, край сделался безжизненной и мрачной пустыней.

В деревне Гучжуанцунь большая семья Чжу Пятьдесят четвертого¹ за полмесяца схоронила троих. Старому Чжу Пятьдесят четвертому было шестьдесят четыре года, он умер в 6-й день 4-й луны (18 мая 1344 г.), в 9-й день умер его старший сын, в 22-й день умерла спутница жизни старого Чжу. Второй сын, Чунлю, и младший сын Юаньчжан (первое имя — Чунба, второе имя — Синцзун), у которых на глазах один за другими умирали взрослые члены семьи, не имели средств, чтобы позвать врача или купить лекарство; они беспомощно рыдали, глядя друг на друга. Самой большой бедой была та, что при нескольких покойниках в доме не было ни одной монеты и не па что было купить досок для гроба. Нельзя было оставлять мертвых лежать, во что бы то ни стало надо было пайти землю для могилы и похоронить. Но своей земли у них не было ни пяди. Они думали, думали и решили пойти к землевладельцу Лю Дэ, у которого не один год арендовали землю, никогда не задалживали по арендной плате, ни в чем не провинились. Однако он отказал да еще обругал. В безвыходном положении застали их соседи, которые предложили им место для могилы на своей земле. Но погребальных одежд и гробов достать было негде и не у кого; пришлось надеть на усопших старое — рваные платья и рубашки — и отнести на поле семьи Лю для захоронения. Братья с плачем несли покойников; из последних сил они поднимались по косогору, когда налетела гроза, сверкнула молния и от громового раската, казалось, раскололись небеса; братья укрылись под деревом. Быстро пронеслась гроза и очистилось небо. Но, взглянув вниз, на горный склон, братья застыли пораженные: мягкая почва на склоне сдвинулась от потоков воды и толстым блином земли на-

---

¹ В феодальном обществе начиная с эпох Сунь и Юань люди из народа, не имевшие чина, обычно оставались без имени, их называли числом, которое получалось либо сложением возраста их родителей при рождении ребенка, либо по порядковому счету в роду.

крыла тела усопших. В пароде такое зовется «пебо похоронило».

Чжу Юаньчжану довелось еще некоторое время питаться травой и древесной корой; соседки бабушка Ван с дочерью жалели сироту и часто зазывали его поесть, и он кое-как прожил короткое время. Он ничего не мог придумать, не знал, как быть, и слонялся по деревне в поисках случайной работы, по богатеи давно бежали, спасаясь от мора, а бедняки и маломощные крестьяне голодали сами — кого они могли бы напать? Сколько ни бегай, выхода не было. Однажды, возвращаясь из соседней деревни, куда он ходил в поисках работы, он прошел мимо могилы родителей. Домой идти не хотелось, и он долго сидел у могилы на корточках, задумавшись о том, как дальше жить и как бы прокормиться.

Он был высоким и крупным юношей, на очень темном резко скуластом лице — крупный нос, большие глаза, густые брови; уши тоже были большие, а подбородок сильно выдавался вперед. Он был некрасив, но выглядел солидным и сосредоточенным, и кто бы ни видел его, не мог забыть этого странного малого.

Чжу Юаньчжан родился в 18-й день 9-й луны 1-го года Тяньли (21 октября 1328 г.), то есть в конце года, поэтому, когда ему по календарю считалось семнадцать лет, на деле не было полных шестнадцати. Отец его, скромный и честный крестьянин, всю жизнь был арендатором, всю жизнь терпел произвол землевладельцев, а когда от старости поседел, у него по-прежнему не было ни клочка собственной земли. Всю жизнь он скитался с места на место. Возможно, вам покажется, что Чжу Пятьдесят четвертый был непоседлив по натуре и любил переезжать с места на место, но это не так. 99 из 100 богачей-землевладельцев были недобрыми людьми; бедняки вносили залоговые деньги за аренду и подолгу умоляли о милости, прежде чем им сдавали несколько му земли; целый год надо было вставать до света, работать при луне, проливать пот, трудиться без отдыха, чтобы получить хоть какой-нибудь урожай, но из него $\frac{6}{10}$ шло помещику.

Арендатор вносил удобрения и поливал поля, обращал целину в плодородную пашню, но, когда можно было ожидать повышения урожая, землевладелец увеличивал плату за пользование землей, а если арендатор не соглашался, то сгонял его с земли, и ему приходилось перебираться

ся в другие места к новому богатей. Если же арендатор соглашался терпеть, то его все равно сгоняли через несколько лет. Поэтому Чжу Пятьдесят четвертый, хотя и имел сыновей и дочерей, но на одном месте более десяти лет не удерживался. Он никогда не жалел себя, скудно питался и бедно жил, был смирен и послушен, но всю жизнь землевладельцы издевались над ним и унижали его; к смертному часу у него не нашлось клочка земли для погребения.

Юаньчжан раздумывал: раньше, когда людей в семье было много и сил хватало, не жалея своих рук, все же можно было прокормиться и не умереть с голоду. Но как быть теперь? Работать в поле могли теперь только два брата, земля засохла и стала тверже камня, пересохли ручьи и речушки — какой толк от работы в поле?

Ели два раза в день, но зерна почти не осталось. А в полях нельзя было собрать даже на взнос арендной платы. Чем же кормиться? Жена старшего брата смогла найти выход: ушла в семью своих родителей. Второй брат сильно сдал, ослаб, стал малоподвижен. Ел он много и хоть мог справляться с грубой, тяжелой работой, но вся беда была в том, что в этом году даже сильному человеку некуда было наняться.

В детстве Юаньчжан несколько месяцев ходил в частную школу, но ни одного дня не учился по-настоящему, потому что был жаден до игр, да и работа в поле не отпускала в страду. Полагаясь на хорошую память, он выучил несколько сот иероглифов, но тонкостей письма тушью постичь не смог: ни купчей, ни письма не умел написать.

Да, как ни раскидывай, но к своей родне — далекой ли, близкой ли, кровной ли, сводной ли — подаваться было незачем. Куда же идти?

И хотя земля велика, но ему на ней некуда было податься. Он грустил все больше, прибежал домой мрачный и ложился спать, укрывшись с головой.

Дни проходили незаметно, как духи, а выхода все не было. Его закадычные друзья, старшие по возрасту, Чжоу Дэсин и Тан Хэ, сильные, энергичные и опытные, чтобы прокормиться, тоже ушли на сторону, и посоветоваться ему было не с кем. Полгода он слонялся без дела, но так и не придумал, как ему прожить. Жена старшего брата посоветовала ему пойти послушником в буддийский монастырь.

В один из дней 9-й луны (1344 г.) в монастыре Хуанцзюэ стало одним послушником больше. Чжу Юаньчжан обрил голову, так что она стала гола, как тыква-горлянка, обрядился в поношенную одежду монаха и со сложенными ладонями на груди стал приветствовать встречных поклоном — словом, сделался заправским буддийским монахом. Стал выполнять обычные уроки: подметать, жечь благовония, бить в колокол и в барабан, варить пищу и стирать. Живущих в монастыре он звал отцами-учителями, братьями-учителями или наставниками, а мирян — дарителями. С утра до вечера он слышал трели колокольчиков, бой барабанов, стук палочек о деревянные рыбы, бормотание читающих буддийские сутры. Он думал о своей судьбе, об одиноком и голодающем втором брате, вспоминал еще недавно шумную многочисленную семью, деревенских друзей, которые, чтобы выжить, разбрелись на все четыре стороны, и душу его томила щемящая тоска.

2. Странствующий монах

Буддийский монастырь Хуанцзюэ находился на склоне горы Цзюэшань к юго-западу от Гучжуанцунь. Это был сравнительно большой монастырь; сразу у входа по обеим сторонам стояли статуи четырех громадных стражей свирепого обличья, а в центре между ними восседал весь расплывшийся в улыбке толстопузый будда Майтрейя. Позади него стояла статуя небесного хранителя буддийского учения с губительной для демонов дубиной. Во втором дворе — большой храм великого Будды, где восседал будда Такагака, а по бокам его — 18 архатов. В третьем дворе был расположен зал созерцаний, слева от него — жилые помещения, а справа — дом настоятеля. Много лет не подновлялся монастырь, уже облупился лак с тронов будд и бодисатв, позолоченные статуи потемнели под толстым слоем пыли, черепичные кровли поросли иссохшей желтой сорной травой, брусчатка во дворах выщербилась, на все легла печать запустения. Два десятка монахов обычно кормились рисом, который взимали с арендаторов монастырского поля, к этому добавлялась плата за чтение молитв над покойниками из ближайшей округи и за исполнение обрядов. В те времена покинуть семью и стать монахом тоже означало выбрать себе профессию. Людей,

веривших, что, став монахом, сделаешься святым, было немного; были грешники, замаливавшие грехи ради будущего перевоплощения; были убийцы или поджигатели, которые в страхе перед законом брили голову и надевали рясу, лишь бы уйти от кары; но больше всего было бедняцких детей, которых не могли прокормить родители. Монах со всего света кормится: верующие приносят подношения, которых одному не съесть, так что находятся средства держать закладные лавки, ссужать в долг с ежемесячной выплатой. Монастырским старцам были пужны служки, чтобы убирать и подметать храм; разной работы хватало, и еще один смышленный послушник был даровой рабочей силой. Чжу Юаньчжан был молод, крепок, в расцвете сил, потому его беспрепятственно приняли в монастырь послушником.

Юаньчжан с детства любил игры и озорные проделки, любил делать все по-своему, любил, чтобы его слушались. В монастыре все стало иначе. Не говоря уже о множестве старших учителей, у Юаньчжана были еще «учителя» помоложе, а у старца, которому он прислуживал, — семья, и все были старшими над ним. Он должен был вести себя тихо, разговаривать почтительно, целыми днями с улыбкой им прислуживать. Юаньчжан был слугой у всей семьи старца да еще бегал по поручениям всех монахов. Работы было много; копились обиды, гнев кипел, но приходилось сдерживаться, чтобы кормиться, потому что, если прогонят, деваться некуда.

На людях ему нельзя было сорвать зло, и он срывал его на глиняных статуях бодисатв. Однажды, подметая храм со статуями будд, он устал и, когда дошел до зала духов—хранителей монастыря¹, от усталости споткнулся о пьедестал статуи духа-хранителя, упал и ушибся. В гневе он метлой исколотил статую божества.

Монастырь жил на арендную плату от своих земель, но в том году бедствие было велико и собрать рис не удалось; старшие монахи целыми днями обходили дворы арендаторов, требовали, грозили, запугивали, но ни отсидка в ямэне, ни угроза быть битым не помогали. Оставшегося зерна могло хватить лишь на несколько дней, а ртов было много, и расходовалось зерна немало, поэтому мона-

---

¹ Буддийский монастырь охраняется 18 духами — хранителями Целаньшэнь.

хини предложили, чтобы пеженатые монахи ушли первыми, а за ними пойдут искать пищу в странствии и остальные. Чжу Юаньчжан пробыл послушником только пятьдесят дней, и его выгнали за ворота. Делать было нечего, и, хоть он не умел читать сутры и исполнять обряды, все же предпочел изображать из себя монаха: надел плетеную шляпу, взял деревянную рыбу-колотушку, глиняную чашку-патру для подаяния, закинул за плечи узелок. Он простился с учителем и настоятелем и покинул родные места, стараясь не показать обиды.

Уходя на поиски пропитания, он получил совет идти на юг или на запад, где было полегче, а ему самому было все равно, куда идти, лишь бы выжить. Он брел, выбирая места поурожайнее, через города и деревни, стуча в деревянную рыбу у ворот богатей. Смиренно, но настойчиво он выпрашивал подаяния, ночевал в горах под открытым небом, испытал и ветер, и утренний иней, обошел известные города к западу от Хуайхэ. Он увидел мир, многое понял, многому научился и окреп физически.

Такую жизнь — взбудораженный, вечно скитающийся, с клокущей и кипящей душой — он вел три года. В 8-й год Чжичжэн (1348 г.) он услышал, что на родине неспокойно, и им завладело чувство тоски по родным местам. Он пришел в монастырь Хуанцзюэ таким, как вышел: в плетеной бамбуковой шляпе, с деревянной рыбой и глиняной чашкой-патрой.

В те годы, когда Чжу Юаньчжан странствовал, в Хуайси вел тайную проповедь Пэн Инъюй, впоследствии основатель западной группировки «красных войск»; он учил, что будда Майтрейя явился в мир и организовывал повстанческие силы. Пэн Инъюй тоже был бродячим монахом, и если Чжу Юаньчжан и не видел его самого, то с его учениками должен был встретиться непременно. Позднее в Хуайси возникла база «красных войск», но начало было положено еще Пэн Инъюем.

Вероучение Пэн Инъюя было синкретическим. Верующие должны были воскурять благовония и петь гимны, молиться будде Майтрейе и князьям Света (Мин-ван). Читались такие молитвы, как «Явление Майтрейи в миру», «Три времени двух учений», «Явление в миру старшего и младшего князей Света». Пэн Инъюй был уроженцем Юаньчжоу (ныне Ичунь, пров. Цзянси), проповедовал в Хуайси; его учение можно отнести к южной ветви секты

Белого лотоса. Другим было учение северной ветви, которую возглавляла семья Хань из Луаньчэна в округе Чжаочжоу (ныне пров. Хэбэй). Семья Хань уже несколько поколений давала патриархов секты Белого лотоса, но они были раскрыты, и местные чиновники сослали их в уезд Юннзянь области Гуапшин (ныне пров. Хэбэй). После того как главой секты стал Шаньтун, он разослал людей, чтобы те предсказывали большую смуту в Поднебесной, говорили о явлении в мир Майтрейи и князя Света; он собирал силы и готовил восстание. Обе секты после начала восстания объединились, поскольку у них была одна цель — борьба против династии Юань — и одна вера — вера в Майтрейю и князя Света. Восставшие верующие, чтобы отличаться от армии юаньской династии, обматывали голову красной повязкой, и современники звали их «красными войсками», или «красными платками», или «войском красных платков», или «благовонным войском»; они поклонялись Майтрейе и потому назывались еще сектой Майтрейи, они проповедовали приход князя Света и назывались также сектой Минцзяо.

Секта Минцзяо возникла в эпоху Тан на основе манихейства, которое вело свое происхождение от перса Мани (216—277 гг.). Главными принципами вероучения были дуализм и ступенчатость развития мира; ее последователи верили, что в мире действуют два разных начала: светлое — добро, разум — и темное — зло, страсть. Борьба двух начал проходит три ступени. На начальной ступени еще нет ни неба, ни земли, но уже существует антагонизм света и тьмы, разума и глупости. На средней ступени вторгается, растет темное начало, оно подавляет и изгоняет светлое начало и водворяет «великое зло», но тут является миру князь Света (Мин-ван), борется со злом и изгоняет темное начало. На последней ступени свет и тьма сливаются воедино. На этой ступени Свет обращается в Великий Свет (Да Мин), а тьма — в скопление тьмы (Цзи-ань). Начальная ступень борьбы света и тьмы — это прошлое, средняя ступень — настоящее, возвращение света и тьмы в исходное состояние — будущее. Духи в секте Минцзяо именовались святыми и князьями Света — мин-ванами. Манихейство проникло в Китай при танской императрице Ухоу (694 г.), тогда же его приняли правительство и весь народ уйгуров. Учение Минцзяо запрещало воздвигать статуи, не чтит духов, запрещало есть скоромное и

умерщвлять живые существа; верующие носили белые одежды и белые шапочки, принимали пищу только после наступления темноты. Уйгуры в те времена были союзниками танского двора, имели заслуги, а потому их религия тоже пользовалась покровительством при Танах. В середине IX в. уйгуры восстали и были разбиты танской армией. В 5-м году Хойчан (845 г.) императора Уцзуна были запрещены буддизм и манихейство, храмы были закрыты. С тех пор манихейство стало тайным вероучением, подпольно распространялось в народе, впитало в себя многое из буддизма, даосизма и различных народных верований, превратилось в секту Минцзяо.

Поскольку манихейство учило, что в настоящее время царствуют силы тьмы, но князь Света (Мип-ван) непременно явится миру и тогда свет восторжествует над тьмой, то для крестьян, которые долгое время подвергались жестокой эксплуатации помещиков, были необразованными, такое учение несло воодушевление и веру; догматы манихейства укоренялись в народе, оно становилось религией угнетенных и эксплуатируемых, завоевывало все новых верующих.

Секта Минцзяо постепенно смешалась с распространенными в народе двумя другими сектами: Майтрейи и Белого лотоса, которые произошли от буддийской школы Чистой земли; одна из них называлась Чистой землей Майтрейи, а другая — Чистой землей Митры. Майтрейя по преданию был милостивым к народу, хорошим раджей. При жизни будды Шакьямуни Майтрейя слушал его проповеди, был лучшим учеником. Когда со времен преставления будды Шакьямуни пройдет 5670 млн. лет, Майтрейя сойдет в мир людей и станет Буддой. Все сутры буддизма признают, что в далеком будущем Майтрейя сменит будду Шакьямуни. После преставления Будды мир изменился к худшему: умножились пороки, испортился климат, поля плохо родят, у людей появились дурные стремления, люди страдают и более не могут терпеть эти страдания. К счастью, перед преставлением Шакьямуни изрек, что в будущем сойдет в мир будда Майтрейя. Тогда мир сразу переменится: земля станет просторной и чистой, покроется золотым песком, исчезнут колючки и шипы, зазеленеют горы, повсюду появятся озера с чистой водой, тенистые зеленые леса, прекрасные цветы, благоухающие травы и различные прекрасные произведения природы, кото-

рым нет названий; изменятся и сердца людей: все будут наперебой творить добро, чем больше будут делать добра, тем дольше будет их жизнь, они будут жить мирно и счастливо. Население будет быстро расти, города богатеть. Рис и пшеница, однажды посеянные, будут давать семь урожаев, поля не надо будет ни пахать, ни полоть. После появления этого прекрасного мифа миллионы крестьян стали ждать дня прихода Майтрейи, проходили десятки и сотни лет, но по-прежнему верили и ждали. Как только разносился слух, что где-то явился Майтрейя, крестьяне устремлялись туда и принимали участие в восстании. Семьсот лет истории — от династий Суй и Тан до династий Сун и Юань — заполнены крестьянскими восстаниями секты Майтрейи. Члены секты тоже верили, что в мире свет борется с тьмой, а добро со злом, что было, в общем, сходно с возникшим позднее вероучением секты Минцзяо, и в конечном итоге обе секты слились воедино.

Общество Белого лотоса поклонялось будде Амитабхе, призывало людей читать сутры и совершенствоваться, творить добро и обещало тогда после смерти счастливую жизнь в Раю западной чистой земли у Пруда Белого лотоса. Это общество возникло в начале V в., к первой половине XII в. впитало догмы буддийской школы Тяньтай — ее догматы запрещали маринованный лук-порей, умерщвление живого, спиртные напитки; со временем это общество превратилось в секту Белого лотоса. Поскольку ее обряды и запреты были близки обрядам и запретам сект Минцзяо и Майтрейи, то к началу XIV в. эти три тайных секты, естественно, слились.

Последователи этих сект были недовольны действительностью, хотели изменить ее и верили, что скоро неизбежно возникнет лучший или самый лучший мир. Вестником наступления этого фантастического мира должно было стать явление князя Света или Майтрейи. Поэтому разговоры о явлении князя Света или Майтрейи стали популярнейшим и простейшим призывом, поднимающим крестьян на вооруженные выступления. Крестьяне, впадшие в крайнюю нищету, привлеченные этим призывом, вооружались мотыгами и бамбуковыми дубинками и отважно поднимались против тирании и гнета. Восстания каждый раз подавлялись правительственной армией, хорошо организованной и мощной, но поражение восстания не приводило к покорности. Крестьяне поднимались снова, веря, что настанет

день, когда люди воспрянут и в мир явится Мип-вап или Майтрейя!

В 4-м году Чжиюань юаньского Шуньди (1338 г.) последователь секты Майтрейи Чжоу Цзыван поднял восстание в Юаньчжоу (ныне уезд Ичунь, пров. Цзянси). Чжоу Цзыван был учеником монаха Пэн Инъюя из Цыхуасы в Юаньчжоу (его звали также Пэн И, а враги прозвали колдуном Пэном). Однако необученная крестьянская армия вскоре была разбита местными войсками, Чжоу Цзыван был убит, а Пэн Инъюй скрылся. Простой народ считал его живым божеством, а потому все помогали ему скрыться. Управа повела розыск со строгостью, в деревнях ему оставаться было нельзя и пришлось уйти в Хуайси, куда тоже допелась слава вероучителя Пэна, где простой народ прятал его от властей. Там он тайно продолжал проповедовать, организовывал новые силы и готовился повторить выступление.

Чжу Юаньчжан за эти годы бывал в Сичжоу, Чаньчжоу, Сишьяне — местах, где восстания секты Майтрейи терпели поражения, а также в Хуайси, где тайно проповедовал Пэн Инъюй.

3. Восстание «красных войск»

В 5-ю луну 11-го года Чжичжэн императора Шуньди (1351 г.) в бассейнах Хуайхэ и Янцзы поднялись беднейшие крестьяне, жестоко притесняемые монгольскими и китайскими феодалами; они были в коротких куртках и травяных сандалиях, головы повязывали платками. Крестьяне шли под красными стягами, с мотыгами и бамбуковыми кольями на плечах, с длинными копьями и топорами в руках. Они убивали чиновников, занимали города, раздавали зерно из хранилищ, освобождали заключенных из тюрем, сами жаловали своим соратникам титулы и звания. Это было знаменитое в истории восстание «красных войск», прозвучавшее похоронным звоном для монгольской династии Юань. Отряды «красных войск» появились повсеместно, и не прошло нескольких месяцев, как красные знамена развевались на территории от бассейна Хуайхэ на востоке до бассейна Ханьшуй на западе, и территория империи Юань оказалась рассеченной надвое.

Крах правительства Юань был вызван тем, что крестья-

янство, не вынесшее жестокой эксплуатации и беспощадного гнета монгольских и китайских бюрократов и помещиков, было вынуждено взяться за оружие и повести длительную и ожесточенную войну против них. Монгольская аристократия подвергала китайцев грубому и жестокому национальному гнету, грабила и истребляла их, а потому широкие массы народа смело поднялись на освободительную войну, которая была вызвана также загниванием правящей верхушки монголов, обострением противоречий внутри нее, расколами, распрями и междоусобицами. Эта верхушка рыла себе могилу. Восстание «красных войск» началось как война угнетенных против господствующих классов, но на заключительном этапе из-за участия в ней представителей помещиков она превратилась в освободительную войну китайского народа против политического господства монголов в стране.

Монголы, уничтожив империю Цзинь, превратили обширные пространства в пастбища — были пастбища в тысячу цинов и даже в сто с лишним тысяч цинов. После завоевания империи Сун они конфисковали «чиновничьи поля» и часть земель аристократии. Монгольские князья, императрицы и наложницы, принцессы и вельможи, полководцы, а также капитулировавшие перед завоевателями китайские чиновники и полководцы, буддийские и даосские монастыри завладели огромными земельными угодьями, а крестьян обратили в арендаторов. При Шуньди принцесса Нулун-Ильджэс владела 5 тыс. цинов земли. Вельможе Баяну было пожаловано в Ханани 5 тыс. цинов. Он же в уезде Баоди округа Цзичжоу отрезал землю у управления рисовых полей. Перешедшие на сторону завоевателей цзиньские и сунские чиновники не только сохранили прежние владения, но и воспользовались случаем округлить их; некоторые получали в год 200—300 тыс. даней зерна в качестве ренты, имели 2—3 тыс. дворов арендаторов. Поскольку династия Юань покровительствовала религиям, буддийские и даосские монастыри нередко владели сотнями тысяч цинов земли. Например, буддийский монастырь Дачэн тяньху шансы за два пожалования получил 325 тыс. цинов. Буддийский монастырь Дахугожэньвансы имел более 100 тыс. цинов орошаемой земли, 37 059 дворов арендаторов. Монах Шэнь Минжэнь из секты Байюнь захватил 20 тыс. цинов крестьянской земли. Южнее Янцзы, в Цзяннани, число монастырских

арендаторов превосходило 550 тыс. дворов. Хотя все эти земли не были захвачены одновременно и в течение всего периода правления юаньской династии не всегда принадлежали одним и тем же владельцам, однако приведенные данные свидетельствуют о ненасытной жадности монгольских и китайских помещиков во времена династии Юань к захвату земель, о высокой степени концентрации земель, резком росте числа арендаторов по сравнению с любым предшествующим историческим периодом, что неизбежно вызывало нарастающее обострение классовой борьбы крестьян против помещиков.

Монгольские князья, императрицы, императорские наложницы и вельможи получали также уделы на кормление от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч дворов, от одного до десяти с лишним уездов, от одной до трех областей. Максимум был у императрицы Борта-хатун в Чжэньдине: 80 тыс. дворов. Император Чэнцзун отдал в удел наследнику престола три округа: Аньси, Пинцзян, Цзичжоу. Чиновники в округах, отданных в удел, назначались по рекомендации держателя удела; крестьяне должны были сдавать владельцу шелковую пряжу от каждого пяти дворов и платить определенные денежные суммы, кроме того, платить подати и налоги в казну.

Огромные земельные угодья сконцентрировались в руках горстки монгольских и китайских аристократов и бюрократов, а крестьянство, средние и мелкие помещики теряли землю, превращались в арендаторов или бежали из родных мест. Арендаторы Цзяннани вносили землевладельцам от 50 до 60% урожая; им не хватало на пропитание от урожая до урожая; при засухе и наводнениях они бедствовали и занимали у помещиков зерно, чтобы после сбора урожая возратить с процентами. Собранное осенью зерно уходило к помещику в виде арендной платы и в счет погашения ссуды и процентов, а если его не хватало для расплаты, приходилось закладывать членов семьи и отдавать в погашение долга домашнюю утварь, даже мотыги и серпы уносились из дома, так что оставалось одно: бежать. Чем больше крестьян-арендаторов было в бегах, тем больше земель пустовало и сокращалось производство продовольственных культур. Другие арендаторы, внося высокую арендную плату, не могли покупать инвентарь и удобрения; как только урожайность снижалась, поме-

щик тут же отбирал у них землю, они теряли средства к существованию. А если в семье хватало рабочей силы и земля благодаря хорошему уходу становилась более плодородной, повышалась урожайность, то помещик повышал арендную плату и арендатор не мог обрабатывать ее на таких же условиях. В некоторых местностях арендаторы продавали помещикам сыпоев в услужение, а дочерей — в наложницы, составляя купчие, как при торговле скотом. Арендаторы продавались и покупались вместе с землей. На севере крестьянам жилось не легче, чем на юге: посе-вы постоянно вытаптывались монгольской конницей, часть пахотных земель была обращена в пастбища, в окрестно-стях столицы Даду (ныне Пекин) в целях использования полей осенью под пастбища крестьянам запрещалась осен-няя вспашка. В случае войны у крестьян отбирали лоша-дей и тягловых быков в казну, иногда платили за них немно-го, а иногда ничего не платили. Из мест к северу от Хуайхэ, из Хэбэя и Хэнани крестьяне толпами бежали на юг. В одном 20-м году Чжичюань императора Шицзу (1283 г.) бежали крестьяне 150 тыс. дворов. В 23-м году (1286 г.), поскольку в Цзяннани, южнее Янцзы, кормилось много северокитайцев, туда были посланы специальные уполномо-ченные, чтобы заставить их всех вернуться обратно. Особые чиновники были посланы для надзора за перепра-вами через Хуанхэ и Янцзы, чтобы воспрепятствовать бег-ству северокитайцев, не имеющих пропусков на юг. Кроме того, были изданы приказы об аресте и возвращении под коповое беглых крестьян в родные места, причем запре-щалось собирать их толпами свыше тысячи человек, нару-шителей запретов наказывали ста ударами большой палки. В 1-м году Юаньтун императора Шуньди (1332 г.) в столичном округе было сильное наводнение, более 400 тыс. человек голодало. На 2-й год большой голод был в провинции Цзянси и Чжэцзяне — голодали крестьяне более 590 тыс. дворов. Чем тяжелее становился помещичий гнет, тем труднее было жить крестьянам. Чем быстрее помещики увеличивали свои земельные владения, тем ча-ще крестьяне применяли свой метод сопротивления — бегство.

Чтобы смягчить недовольство крестьян, юаньское пра-вительство прибегало к снижению налогов и податей, пы-талось в районах бедствий оказать помощь голодающим, учреждало «зернохранилища регулярного выравнивания

цен на хлеб», посылало на места чиновников для надзора за развитием сельского хозяйства и т. п., но освобождение от налогов сказывалось только на помещиках и крестьянах-хозяевах, арендаторы же продолжали вносить прежнюю арендную плату. В 4-м году Чжиюань (1344 г.) на севере Хэнапи был большой голод, а на следующий год — эпидемия, погибло пять человек из каждых десяти, и двор, заговорив о помощи бедствующим и начав продавать чиновничьи должности, собрал какое-то количество бумажных денег и зерна. Но потом при дворе якобы прослышали, что какой-то урожай все-таки был собран, и помогать бедствующим не стали, а собранные средства присвоили. «Зернохранилища регулярного выравнивания цен» были пусты. Если же там и был рис, то он попадал в руки чиновников и помещиков, а не крестьян.

Помимо классового гнета монгольских и китайских помещиков, существовал еще национальный гнет в отношении китайцев со стороны выходцев из Средней Азии. Монгольская знать, чтобы укрепить свое военное господство, навечно удержать в угнетении и порабощении бедняков, в основном китайцев, разделила общество на четыре сословия: первыми (благородными) были монголы, за ними шли среднеазиаты (сэму), северокайцы были третьими, а южнокитайцы — четвертыми, низшими. Монгольская военная знать еще до завоевания империи Цзинь покорила Хорезм и другие государства Средней Азии. Уроженцы тех стран стали именоваться сэму и использовались для угнетения северокайцев, покоренных позже. Северокайцами именовались подданные бывшей цзиньской империи, включая китайцев, корейцев, киданей и другие народы, южанами же называли покоренных позже всех подданных сунской империи, большинство которых составляли китайцы. Чтобы расколоть китайцев, правящая монгольская верхушка предоставила некоторые политические преимущества северокайским помещикам в отличие от южнокитайских. Права и обязанности четырех сословий были неравными, а особенно свирепыми были запреты и ограничения для южан-простолюдинов. Одновременно в монгольских племенах бедняки пастухи подобно беднякам крестьянам из северных и южных китайцев подвергались жестокой эксплуатации. Их заставляли нести службу в войске и самим обеспечивать себя конями и оружием.

Надо отметить, что национальный гнет проявлялся лишь в отношении простого народа, лишенного политических прав. По существу, монгольские и среднеазиатские феодалы и китайские помещики совместно эксплуатировали, грабили и порабощали бедняков всех национальностей, и потому в конечном счете этот гнет по своему характеру был гнетом классовым.

Монгольские властители во время завоевания империй Цзинь и Сун не только захватывали территории, но и порабощали население, порабощенных они называли цюйкоу. Последние мало чем отличались от рабов; их потомки оставались в этом приниженном положении из поколения в поколение. Монгольские и китайские чиновники также обращали многих в рабов. В Шанду (ныне уезд Долонь в автономном районе Внутренняя Монголия) и в Даду были конные, бычьи, овечьи рынки и рынок рабов, где людьми торговали наравне со скотом. В Цзяннани торговля людьми процветала еще больше. Хозяева, опасаясь бегства рабов, опаивали их особым зельем, чтобы они немели, или же клеймили им ноги, как животным. Цюйкоу фактически приравнивались законом к рабам, различие между ними состояло в том, что рабам запрещалось иметь семью и хозяйство, а цюйкоу могли иметь их, но им не разрешалось менять местожительство. Совершеннолетние цюйкоу ежегодно вносили в казну подушный налог в 1 дань зерна с человека, для хозяина они обрабатывали поля, прислуживали ему, вносили за него налоги, отбывали за него воинскую повинность. В первые годы XIV столетия южнее Янцзы чиновники и помещики захватывали и обращали сотни и тысячи, а подчас и десятки тысяч крестьянских семей в рабов. Солдаты монгольских гарнизонов и монголы-простолюдины тоже жили бедно, им нередко случалось продавать в рабство своих жен и детей. При династии Юань казенные и частные рабы составляли очень высокий процент населения. Чем больше было рабов, тем меньше оставалось арендаторов, а это не только препятствовало развитию производства, но и вредило интересам мелких и средних помещиков, что создавало противоречия в среде господствующего класса.

В центральных административных органах при династии Юань крупными чиновниками могли быть только монголы, а не китайцы. Второстепенными чиновниками в большинстве тоже были монголы и среднеазиаты. В 4-ю

луну 3-го года Чжюань императора Шуньди (1337 г.) было еще раз подтверждено, что на посты начальников в органах центрального правительства, военном совете, цензурате, министерствах, полицейских управлениях, следственных управлениях и на посты старших чиновников в ставках племен могут назначаться только монголы и среднеазиаты. Южнокитайцы вообще были вытеснены из центрального политического руководства. Военная власть тем более была недоступна китайцам. Обычно старшими чиновниками в провинциальных правительствах были монголы, и только при нехватке чиновников доходила очередь до среднеазиатов и северокитайцев. На местах главным управляющим был северокитаец, а его заместителем — среднеазиат, но реальная власть находилась в руках надзирателя-монгола (даругачи). Дворцовая стража состояла исключительно из монголов и среднеазиатов, в нее запрещалось принимать китайцев. Отпрыски монгольской знати начинали службу в дворцовой страже и быстро делали карьеру. Китайцы же могли выдвинуться лишь путем сдачи экзаменов. Экзамены тоже проводились по национальному признаку, монголы и среднеазиаты экзаменовались в одном потоке, а китайцы — в другом, первые экзаменовались дважды, а вторые — трижды, для первых темы были легкими, а для вторых — трудными, после экзаменов первым давались чиновничьи должности повыше. При приеме учащихся в государственные школы критерием служила принадлежность к той или иной национальности. В Академии сынов отечества монголов было пятьдесят, среднеазиатов — двадцать и китайцев — тридцать человек. Выпускники школ — монголы получали шестой ранг, среднеазиаты — седьмой ранг первого класса, северокитайцы — седьмой ранг первого класса, а южнокитайцы — седьмой ранг второго класса.

Монголы и среднеазиаты из числа военных и гражданских чиновников пользовались преимуществом в продвижении по службе. Монголы получали должности и ранги выше, чем среднеазиаты, а последние — выше, чем китайцы. Законом устанавливались наказания для нерадивых чиновников, причем китайцев могли предать смертной казни с конфискацией имущества, а монголам делалось исключение. Монгольская знать и среднеазиаты не только пользовались защитой особого суда, но в серьезных случаях право окончательного решения принадлежало монголь-

ским вельможам. Если монгол убивал китайца, с него брали штраф на похороны и приговаривали к отправке с войском в карательный поход. Если монгол бил китайца, последнему не разрешалось дать сдачи, а можно было только принести жалобу в управу с указанием свидетелей. Напротив, если китаец убил или побил монгола, то учинялся суд над ним по всей строгости. Китайцам запрещалось собираться толпой и драться с монголами. За воровство и разбой китайцам ставили клеймо на лице, а монголы и среднеазиаты освобождались от клеймения.

В районах, населенных китайцами, порядок поддерживался военной силой; ставили правительственные охраняемые гарнизоны; устапавливали систему взаимной поруки. Население было обязано сдать холодное оружие, плети и батоги с железным наконечником чиновникам. Лошади отбирались в казну. Хранящие тайно оружие предавались смертной казни. Скверное оружие шло на переплавку, то, что получше, раздавалось среднеазиатам, а лучшее шло в арсеналы для монголов. В походе китайцы после боя сразу же сдавали оружие, которым разрешалось пользоваться лишь в сражении. Необходимое для борьбы с разбойниками оружие — луки и стрелы — строго ограничивалось: в каждой области десять комплектов, в округе — семь, уезде — пять. Китайцам запрещалось охотиться и учиться военному делу. Им запрещалось также собираться для молитв и поклонения духам предков, совершать моления и жертвоприношения духам и божеству Земли, устраивать ярмарки. Им даже не разрешалось учиться монгольской и арабской письменностям.

Основной силой в гарнизонах были монгольские войска и войска тамачи (из различных среднеазиатских племен), которые стояли в районах Хуанхэ и Лохе и провинции Шаньдун; войска тамачи, северокитайские войска и капитулировавшие сунские войска охраняли территорию к югу от Хуайхэ вплоть до Южно-Китайского моря. Командовали всеми этими войсками монгольские князья. Монголы вместе с семьями жили в лагерях, другие войска в установленном порядке переводились с места на место.

Объединение населения в шэцзя («пятидесяти- и двадцатидворки») являлось основой системы власти монгольских и китайских помещиков на местах. Еще до завоевания империи Сун, в 7-м году Чжюань (1272 г.), император Шицзу приказал создать во всех деревнях об-

щины (шэ) по 50 семей в каждой и выбрать из стариков, сведущих в земледелии, одного — главой общины; если в деревне было более 100 дворов, то в ней назначали еще одного главу; если же меньше 50, то соединяли ее с близлежащей деревней и создавали одну общину. Юаньское правительство ввело такую систему с целью укрепления своего господства и выколачивания налогов, но общины становились и легальной формой деятельности крестьянских тайных обществ. Через три года, чтобы лучше контролировать северокитайское население, воинам-тамачи было приказано повсеместно вступить в общины наравне с податными крестьянами; монголы же не входили в китайские пятидесятидворки. Так было на севере. На юге же после уничтожения империи Сун население было организовано в двадцатидворки (цзя) во главе с монголом, который пользовался абсолютной властью над семьями, включенными в двадцатидворку. «Ел, пил и одевался как и сколько ему угодно, мальчиками и девочками распоряжался как хотел». Двадцатидворки были созданы всюду в городах и в деревнях, монголы — главы этих объединений силой отбирали и бесчестили жен и дочерей простых крестьян, и никто не смел слова сказать. Ночью запрещалось ходить по улицам, нарушителей карали 27 ударами малых палок. Только после утреннего колокола и до закрытия рынка разрешалось зажигать огонь в печах, торговать, читать и работать при дневном свете. Монгольские и китайские помещики через глав пятидесятидворок и двадцатидворок жестоко грабили крестьянство; в середине правления юаньской династии размеры земельного налога, податей и повинностей, включая разнообразные трудовые повинности различных названий, возросли по сравнению с начальным периодом более чем в двадцать раз. Это привело к тому, что уровень сельскохозяйственного производства падал по всей стране и массы крестьян разорялись.

По официальным документам, в государстве Сун в 16-м году правления Цзядин (1223 г.) было 12 670 тыс. дворов с населением 28 320 тыс. человек. В государстве Цзинь в 7-м году Тайхэ (1207 г.) было 7684 тыс. дворов с населением 45 810 тыс. человек. В обоих государствах дворов получается около 20 млн., а населения — около 74 млн. человек. А после завоевания Китая монголами, в 18-м году Чжюань императора Шицзу (1281 г.), во всей

стране насчитывалось только 13 200 тыс. дворов с населением 58 830 тыс. человек, включая монголов и среднеазиатов. Как видно, итогом длительных войн и разрушений было сокращение числа дворов на 7 млн., а численности населения — на 15 млн. человек. В 1-м году Чжишунь императора Вэньцзуня (1330 г.) число дворов по всей стране все еще составляло 13 400 тыс., что немногим отличалось от данных за 1281 г. За 50 долгих лет число дворов осталось практически прежним, что при всей ненадежности тогдашней статистики показывает убыль населения за эти годы. Таков был трагический результат классового и национального гнета при господстве монголов.

Одной из внутренних причин крушения юаньского правительства было обострение противоречий внутри правящей верхушки монгольских завоевателей и ее загнивание.

Монгольский каганат состоял из нескольких ханств, полученных в уделы потомками Чингисхана, центральное положение среди них занимала юаньская империя. С тех пор как Хубилай-каган (юаньский император Шицзу) нарушил монгольский обычай созыва курилтая для выборов кагана и назначил в соответствии с китайской феодальной системой своим наследником старшего сына от первой жены, обострилась борьба за престолонаследие внутри верхушки монгольской знати, перевороты и смуты следовали непрерывно, ослабляя власть юаньского правительства и создавая политическую нестабильность. В результате длительных междоусобных войн монгольский каганат распался. Шицзу и его потомки правили только Китаем.

После Шицзу вопрос о престолонаследии решался если не придворными интригами, то войнами за захват престола между представителями знати, обладающими реальной силой, а принятие решения курилтаем стало всего лишь формальным актом, предпринимаемым ради соблюдения обычая. За сорок лет, от кончины императора Шицзу до воцарения Шуньди (1294—1333 гг.), сменилось девять императоров, каждые четыре-пять лет происходил переворот, а за шесть лет, с 1328 по 1333 г., сменилось шесть императоров. Противоречия среди верхушки монгольской знати углублялись и обострялись, что ослабляло силы господствующего класса; чем слабее становилась власть императорского правительства, тем более усиливалась власть на местах; центр был слаб, а периферия сильна,

приказы не исполнялись; в конечном счете это создало обстановку, благоприятствующую войнам между представителями военной знати.

Таким образом, представители господствующей верхушки вели междоусобную борьбу за власть и богатства и самоистреблялись, в то же время они погрязли в разврате и пьянстве.

Юаньский Шицзу после завоевания империи Сун, стремясь овладеть еще большими богатствами, неоднократно начинал агрессивные войны против соседних с Китаем стран. В 19-м году Чжиюань (1282 г.) стотысячное войско, посланное в Японию, было рассеяно тайфуном и вернулось с потерями. Кроме того, трижды посылались войска в Аннам (1284—1294 гг.), дважды в Бирму (1282—1287 гг.), в Тямпу (Южный Вьетнам) (1282—1284 гг.), на Яву (1292 г.). Бремя военных расходов росло, возникли затруднения в финансах, и правительство было вынуждено назначить на высокие должности купцов, способных драть семь шкур с кого угодно, чтобы добыть средства. Пришлось повысить налоги, продавать должности и звания.

Кроме огромных военных расходов, были еще огромные пожалования князьям и представителям знати, ежегодные подарки в определенные сроки и особые дополнительные подарки, раздаваемые на сборах при дворе и на курилтаях. Годовое пожалование сановнику Отджигиню составляло 100 динов серебра (дин равен 50 лянам), 598 кусков шелковой тафты, 300 кусков шелкового атласа, разных вещей на общую сумму 120 динов бумажных денег, пятьсот овечьих шкур, 16 динов и 45 лянов золота. Особое пожалование в 4-м году Чжунтун (1263 г.) принцессе Губа составило 50 тыс. лянов серебра. Пожалование на сборе при дворе во 2-м году Юаньчжэнь (1296 г.) были определены роду Тайцзу в 1 тыс. лянов золота и 50 тыс. лянов серебра, роду Шицзу — в 500 лянов золота и 25 тыс. лянов серебра. Хотя курилтаи были формальностью, на них в благодарность за поддержку князьям и знати раздавались подарки на еще более огромные суммы. Например, в 4-м году Чжида (1311 г.) по случаю воцарения императора Жэньцзуна общая сумма пожалований составила 39 550 лянов золота, 1 849 050 лянов серебра, бумажных денег на сумму 203 279 динов и шелковых тканей 472 434 куска. В том же году дополнительные пожалования соста-

вили в бумажных деньгах свыше 4 млн. динов. Пожалования были фактически взятками князьям и знати с целью добиться их поддержки, а источником были богатства, созданные тяжелым трудом китайцев. Кроме того, больших расходов стоило содержание буддийских монахов. Юаньские императоры исповедовали буддизм, перед вступлением на престол принимали буддийские обеты, назначали «фаньских монахов» (то есть тибетских монахов) императорскими или государственными наставниками и оказывали им всяческое почтение.

В 4-м году Чжида расходы правительства за год в бумажных деньгах составили 20 млн. динов, доход от постоянных налогов — всего 4 млн. динов, причем в столицу Даду было доставлено денег только на 2800 тыс. Дефицит превысил годовой доход более чем в семь раз. В тот год к 11-й луне (1312 г.) в государственном казначействе оставалось только 110 тыс. динов бумажных денег. Дефицит погашался путем досрочной продажи купцам лицензий на получение соли на государственных солеварнях, повышения налогов и податей, а также путем инфляции. Во 2-м году Чжишунь (1331 г.) казна имела за финансовый год убыток в 2400 тыс. динов. В первые годы династии Юань выпуск бумажных денег представлял собой довольно совершенную систему: они выпускались в определенном количестве, могли немедленно обмениваться на золото, находились в определенной пропорции с ценами на товары, имели хождение во всем каганате и пользовались доверием населения. Когда же финансы империи оказались в безвыходном положении, а правительство израсходовало все металлическое обеспечение бумажных денег, последние превратились в бумажки, не обменивающиеся на металл. Кроме того, они выпускались без ограничений, и, чем больше выпускалось бумажных денег, тем больше падала их стоимость, тем выше подсакивали цены на товары. Населению ничего не оставалось делать, как обменивать товар на товар; правительственная казна оказалась на грани краха.

Политическая ситуация соответствовала экономической. Начиная со времени императора Уцзуна (1308—1311 гг.) при назначении на должности не интересовались способностями назначаемых; достаточно было добиться расположения императора, чтобы стать крупным чиновником. Князья и представители знати могли и казнить, и

рекомендовать на должность чиновника. Помещикам и богачам, подлежащим казни за правонарушения, было достаточно найти доступ к императорскому наставнику (диши) или государственному наставнику (гоши) и подкупить их, чтобы получить особое прощение от императора. Впоследствии должности и титулы стали просто продаваться, взятки давались открыто. Крупные чиновники кормились за счет мелких, а мелкие — за счет народа. Народ высмеивал чиновничьи права в стихах:

За деньги отпустят разбойника, да еще ударят в барабан,
Встречая чиновника, бьют в два барабана и гонги;
Деньги и барабаны делают свое дело:
Чиновники и разбойники друг с другом не спорят.

После уничтожения империи Сун армия была расквартирована в цветущих городах, во внутренних районах Китая. Со временем она разложилась и разучилась сражаться, да и не желала сражаться. Большинство офицеров получали должности по наследству, погрязли в пьянстве и азартных играх, разворовывали военный провиант, грабили простопародье. Главные силы монгольского войска — потомки храбрецов и богатырей — выродились и утратили воинственный дух.

Классовый и национальный гнет давил простых китайцев, но чем тяжелее был этот гнет, тем сильнее становилось их сопротивление. Вооруженные выступления трудового народа Северного и Южного Китая, особенно на юге, фактически не прерывались вплоть до самого восстания «красных войск».

Хотя причины многочисленных антимонгольских восстаний были различными, но цель их была единой: свержение классового и национального гнета. Основные военные силы Юань были сконцентрированы на севере в районе столицы Даду, а на юге войска были послабее, потому и восстания там поднимались чаще. Когда же непрерывные восстания на юге ослабили власть монголов, население севера также стало восставать. Так сложились условия для всеобщего восстания, которое получило название восстания «красных войск». Оно началось в 11-м году Чжичжэн (1351 г.).

Юаньский Шуньди (Тогон-Тэмур), когда он был еще принцем, пошел походом на столицу из Гуанси и стал императором. Его сопровождал и поддерживал монголо-китайскими войсками глава провинции Хэнань Баян. Он

был назначен первым министром и благодаря своим большим заслугам перед императором захватил власть при дворе. Баян был алчен, совершал злоупотребления, возвысил своих братьев и племянников. Он ненавидел китайцев и был против того, чтобы монголы учились китайской грамоте. Он издал приказ, запрещающий китайцам иметь оружие и лошадей. В 3-м году Чжюань (1337 г.) произошли восстания в округах Жуни и Синьян, в Хуйчжоу, в Чжанчжоу, в 4-м году Чжюань (1338 г.) — в Юаньчжоу и в Хэнани. Баян был взбешен и говорил, что все китайцы бунтовщики и что при дворе есть китайцы-чиновники, пусть последние подумают, как переловить и истребить бунтующих китайцев. Затем он выдвинул предложение — истребить всех китайцев, носящих распространенные фамилии: Чжан, Ван, Ли, Лю и Чжао, чтобы запугать остальных. В 4-ю луну 5-го года (1339 г.) был повторен указ, запрещающий китайцам иметь оружие, и обнародован декрет, который запрещал китайцам оказывать сопротивление, если на них нападали монголы. К тому же Баян рассорился с императором Шуньди и сговорился с вдовствующей императрицей низложить императора. Об этом узнал и донес императору племянник Баяна старший цензор Токто. Воспользовавшись тем, что Баян выехал на охоту, император отстранил его от командования войсками и приказал закрыть перед ним городские ворота; смещенному Баяну осталось только покончить жизнь самоубийством. Брат Баяна Маджартай наследовал должность министра. Но Токто уговорил его выйти в отставку и сам стал первым министром.

Семья Баяна и Токто держала в своих руках пост премьер-министра и проводила политику ненависти и вражды к китайцам, что поставило всех северян и южан перед необходимостью сплотиться и организовать, взяться за оружие, оказать сопротивление властям и, опираясь на собственные силы, сбросить с себя национальный гнет. Сложилась напряженная обстановка, при которой достаточно было с любого холма бросить клич, чтобы откликнулась вся страна.

В 5-ю луну 3-го года Чжичжэн (1343 г.) Хуанхэ прорвала дамбу в Ваймаокоу. В 5-ю луну 4-го года (1344 г.) дожди шли свыше двадцати дней подряд, вода в Хуанхэ бурно поднялась, на севере прорвало дамбу Баймаоти, а в 6-ю луну — дамбу Цзипьти, вода затопила округа Цао-

чжоу, Пучжоу, Цзичжоу. Затопило не только крестьянские посевы и дома, в зоне опасности оказались и соляные промыслы, отчего сильно пострадали налоговые доходы правительства. Кто-то предложил заделать прорывы в дамбах. Токто послал обследователей, которые доложили, что работы велики и что начать их трудно, к тому же в районе Хэнани повсюду бродят отряды восставших крестьян и если собрать на работы несколько десятков тысяч человек, то они могут присоединиться к восставшим и с ними тогда не справиться. Токто не принял совета и решил приступить к работам. Он назначил Цзя Лу главой министерства общественных работ и уполномоченным по защите от наводнения на Хуанхэ. В 22-й день 4-й луны 11-го года Чжичжэн (17 мая 1351 г.) из 13 округов в районе Баньяна и Дамина было отправлено на работы полтора миллиона крестьян, а из Лучжоу и других мест — двадцатитысячное охранное войско и начаты работы по возвращению Хуанхэ в старое русло на протяжении 280 ли от Хуанлингана на юг до Баймаокоу и на запад до Янцинцуня. Глава секты Минцзяо Хань Шаньтун, узнав об этом, разослал людей, чтобы они всюду говорили: «Каменный человек — одноглазый, он взбудоражит Желтую реку, и вся Поднебесная взбунтуется».

По указанию Хань Шаньтуна тайком был высечен из камня одноглазый идол и закопан в Хуанлингане на месте предстоящих земляных работ. Это было сделано в предвидении того, что средства, отпущенные юаньским правительством на ведение речных работ, будут, как обычно, расхищены чиновниками и землекопы, не получая денег в положенный срок и в установленном количестве, будут голодать и возмущаться. Кроме того, Хань Шаньтун послал несколько сот верующих на работы, где они занялись пропагандой: скоро в Поднебесной начнется великая смута, Майтрея спустился на землю и князь Света (Мип-ван) явился в мир.

Однажды землекопы, дойдя до отрезка Хуанлингана, действительно выкопали из-под дерева каменного одноглазого идола; сразу поднялся шум, зевак подходило все больше и больше, десятки тысяч землекопов встали плотной стеной, пораженные чудом; кроме того, агитация присланных Хань Шаньтуном вмиг перевернула все; люди, бормоча буддийские молитвы, разбились на небольшие группы, наперебой обсуждали событие; все считали, что

это знак свыше: пришел час освобождения, настала пора схватиться с врагом.

Хань Шаньтун, собрав 3 тыс. человек в Байлучжуане, принес в жертву Небу и Земле белого коня и черного быка и объявил себя потомком сунского императора Хуэйцзуна в восьмом поколении. Лю Футун, как потомок сунского главнокомандующего Лю Гуанши, обязался помочь ему вернуть Поднебесную. Все единодушно провозгласили Хань Шаньтуна князем Света (Мин-ваном) и назначили счастливый день начала восстания. Во все стороны были разосланы гонцы, чтобы сообщить, что необходимо выступить одновременно и что знак повстанцев — красная повязка на голове. В самый разгар восторга и ликования, когда повстанцы давали клятву верности, обмазывая губы кровью, распределяли между собой обязанности, отряд чиновника из уезда Юннань внезапно окружил Байлучжуан плотным кольцом: кто-то проболтался о восстании. Хань Шаньтун не успел бежать, его схватили и убили. Его жена с сыном Линьэрмом в суматохе пробралась сквозь двойное окружение и укрылась в горах Ваньшань под чужим именем. Лю Футун с боем прорвался, перегрушировал свои отряды и, застигнув врага врасплох, захватил Инчжоу, Лошань, Шанцай, Чжэньян, затем Иян, Есянь и другие пункты. Землекопы, получив сигнал к восстанию, убили своих надзирателей, намотали на головы красные повязки и сплошным красным потоком влились к повстанцам. Меньше чем за десять дней численность «красных войск» выросла до 50—60 тыс. человек.

Крестьяне-бедняки, ремесленники и мелкие торговцы, деклассированные элементы из Лянхуая, Цзяндуна и Цзянси, долгие годы ждавшие этого часа, днем и ночью спешили к войску и приходили в отряды, как к себе домой. Слава о «красных войсках» шла по всей стране. Они захватили Жунин, Гуан и Си с большими складами продовольствия; численность войск возросла до нескольких сот тысяч человек. Их отряды штурмовали и захватывали города, открывали зернохранилища, освобождали заключенных, устанавливали свою власть, соблюдали религиозные заповеди, не убивали простых людей, не насильничали и не развратничали, не грабили — и все более завоевывали поддержку народа.

Чжу Юаньчжап в монастыре постоянно узнавал о происходящих событиях. Отряд «красных войск» взял Сянь-

ян, юаньские войска понесли большие потери; другой отряд занял Нанькан, а юаньские войска бежали без сопротивления; Конопляный Ли и Чжао-староста с восемью людьми собрали землекопов и за одну ночь захватили Сюйчжоу. Рассказчики говорили увлекательно, а слушатели давали волю гневу. Воззвания «красных войск» перечисляли преступления юаньской династии. Наибольшим успехом пользовались слова: «Бедность всего страшнее южнее Янцзы, все богатства утекают к монголам». Раньше Чжу Юаньчжан недоумевал, почему бедняки осуждены на жизнь, полную страданий, а теперь понял причину бедности и страданий и осознал, кто враг. Чтобы жить, надо свергнуть власть монголов. Через несколько дней пришла весть, что повстанец Сюй Шоухуэй провозгласил Цишуй столицей государства Тяньван, а сам стал императором и назвал год правления Чжипин.

Потом стало известно, что Токто назначил своего брата цензора Есянь-Тэмур главой военного ведомства и собрал огромную трехсоттысячную армию, которая покорила Жунин. Ее передовой отряд из нескольких десятков тысяч человек расположился на берегу реки Шахэ в Жунипе. Военачальники пьянствовали и забавлялись с захваченными женщинами, когда ночью врасплах на них напали «красные войска». Юаньский отряд потерпел поражение, самого командира нашли на следующий день в гряде трупов. Юаньское войско быстро отступило на несколько сот ли. Есянь-Тэмур сам повел армию и дошел до Жунина, но еще до сражения, увидев, что «красные войска» очень многочисленны, предпочел ускакать обратно. Местные чиновники схватили его лошадь за поводья, но он обнажил саблю и с криком: «Я вас зарублю!» — умчался. Вся трехсоттысячная армия разбежалась, бросив оружие и припасы. Есянь-Тэмур возвратился в Даду с 10 тыс. воинов, но не был наказан, поскольку его брат был первым министром, и, как прежде, остался цензором. Правительственные войска оказались небоеспособными и терпели поражения. Упорное сопротивление повстанцам оказывали лишь созданные местными чиновниками и крупными помещиками добровольные отряды ибин или миньбин. Чиновники боялись расправы, а помещики боялись за имущество, они дрожали перед крестьянской мезтью, поэтому за большие деньги нанимали городских бродяг или рабочих соляных промыслов, и те сражались стойко, но сил

им не хватало, отряды были разрознены и не могли противостоять поднявшимся повсеместно отрядам «красных войск». Эти помещичьи отряды носили утвержденную правительством синюю одежду и синие шапки, а потому назывались «синей армией».

Во 2-ю луну 12-го года (1352 г.) прошел слух, что Хаочжоу занят «красными войсками», во главе которых стоят Го Цзысин, Сунь Дэяй, а также Юй, Цзэн, Пань. Го Цзысин был известным помещиком уезда Динъюань (ныне пров. Аньхуэй). Его отец сначала жил гаданием, а потом женился на слепой дочери одного из помещиков, которую никто не хотел брать замуж. Отец Го Цзысина получил в приданое имущество. У них родилось трое сыновей, Го Цзысин был вторым. Братья хорошо умели считать и торговать; они скупали землю, открывали лавки, за двадцать лет разбогатели и стали крупными помещиками. Однако они были низкого происхождения, поэтому чиновники унижали их и вымогали деньги. Даже конные лучники въезжали в ворота с требованиями и, чуть чем были недовольны, начинали сразу грозить, стучать по столу, и приходилось раскошелиться. Такая несправедливость заставила их вступить в секту Майтрейи, держать вооруженных наемников, принимать повстанцев, устраивать молебны. После восстания «красных войск» крестьяне из Чжунли и Динъюаня, вооружившись мотыгами и граблями, собрались толпой в несколько десятков тысяч человек; местные чиновники, которые умели только вымогать деньги, притихли и прикинулись ничего не замечающими, поскольку ничего не могли поделать. В 27-й день 2-й луны Го Цзысин в темную ночь повел несколько тысяч человек на Хаочжоу и незаметно вошел в город. Там повстанцы напали на окружную управу, убили чиновников, а пятеро вожаков объявили себя «полководцами — покорителями Хаочжоу». Юаньский военачальник Чели Бухуа, боясь напасть на «красные войска», стал лагерем в 30 ли к югу от Хаочжоу. Он разослал воинов по окрестным деревням и приказал хватать молодых парней; схваченным наматывали на головы красные повязки и объявляли военнопленными, а начальству докладывали о победах. Народу стало невмоготу от произвола юаньских войск, и все побежали укрываться в Хаочжоу, где силы повстанцев росли и росли.

Чжу Юаньчжан размышлял: если верить словам Пэн

Инъюя, то юаньское правительство скоро рухнет, а бедняки воспрянут, начало всего этого на глазах. Значит, надо идти в Хаочжоу. Однако люди говорили, что в городе пятеро полководцев и каждый распоряжается по-своему, никто друг другу не подчиняется, враждуют и присоединяться к ним опасно. Останешься в монастыре — правительственные войска придут рано или поздно, и можно лишиться головы. Он ни на что не мог решиться.

Однажды из Хаочжоу к нему пришло письмо от земляка Тан Хэ, который с десятком крепких парней присоединился к «красным войскам», а теперь командовал тысячей воинов. Тан Хэ звал его вступить в войско. Чжу Юаньчжан читал письмо, таясь от других, и в нем разгоралось честолюбие. Он колебался, сидя в молитвенном зале, потом вдруг спалил письмо на свече, но решиться не мог. Через несколько дней один из братьев сказал ему, что о письме стало известно и будет донос властям, лучше уходить побыстрее. Чжу Юаньчжан бросился в деревню посоветоваться с недавно возвратившимся Чжоу Дэсином. Долго размышлял Чжоу Дэсин, а потом сказал, что надо идти в «красные войска», иначе жив не будешь, еще посоветовал погадать у Будды — идти или не идти. К счастью или к несчастью?.. Юаньчжан в смятении побрел обратно в монастырь, но еще издали почувал запах гари; он испугался и побежал вперед. Перед ним лежала грудa черепицы и кирпичей, дымились бревна столбов и стропил; уцелел лишь угол большого зала, трапезная монахов сгорела дотла. Двор был завален конским навозом, порванными рясами, черепками посуды; монахов никого не было видно, и куда они девались — неизвестно. В одиночестве возвышались тяжелые бронзовые статуи сидящих будд. Оказалось, что юаньские войска решили, что в монастыре молятся Майтрейе, чье имя стало девизом «красных войск». Все окрестные монастыри были сожжены, и в тот самый день очередь дошла до монастыря Хуанцзюэ. Юаньчжан постоял, подумал и понял, что пристанища ему здесь больше нет, надо уходить в «красные войска». В тот год ему было двадцать пять лет.

Полководец „красных войск“

1. Командир девятки

В 1-й день 3-й високосной луны 12-го года Чжичжэн (1352 г.) Чжу Юаньчжан дошел до Хаочжоу. Город был окружен отрядами юаньских войск, которые стояли лагерями поодаль. Поэтому «красные войска» в городе испытывали беспокойство, на городских стенах сновала стража, развевались знамена, там же были заготовлены метательные камни и известь, воины ходили с луками наготове, клинки были вытянуты из ножен, а караульные непрерывно вели наблюдения за окрестностями города. На рассвете у ворот стража задержала оборванного, в лохмотьях монаха; на допросе он твердил, что хочет вступить в войско, ничего больше не сказал и был принят за лазутчика юаньских войск; подозрительный монах затеял свару и был связан; человек был послан к полководцу Го просить разрешения на казнь. Го Цзысин выслушал доклад и усомнился, что лазутчик станет так себя вести. Возможно, это славный воин, и понапрасну убивать его не стоит. Он подъехал верхом к воротам и уже издали увидел толпу из двадцати-тридцати воинов, которые кого-то били и бранили. По его окрику воины расступились, и он увидел монаха необычной наружности, большого роста, опутанного веревками и привязанного к коновязи. Одет он был в лохмотья, но тело было крепким, глаза сверкали гневом, держался он спокойно и ничуть не боялся. Го Цзысин сошел с коня, потому что монах ему понравился, и стал расспрашивать его. Когда он узнал, что тот родом из Гучжуанцуня, приобщен к вере, пришел по письму Тан Хэ и знаком со многими братьями из «красных войск», то велел развязать его и принял в войско пешим воином.

Вступив в отряд и представившись командиру, Юаньчжан в тот же день начал обучаться воинскому делу. У него было крепкое телосложение и хорошая память. И дней через десять он стал лучшим в своем отряде. Несколько раз он выходил из города в дозор. Он был решителен, серьезен, сообразителен, и все охотно слушали его

распоряжения. Каждый его выход приносил успех, он не потерял ни одного воина, и его так полюбили, что даже командир отряда стал с ним советоваться. Прошло два месяца с небольшим. Однажды полководец Го выехал со своим конвоем на разведку и проехал мимо лагеря, где размещался отряд Юаньчжана. Го Цзысин вспомнил о нем и спросил, каково поведение и дух нового воина. Командир отряда расхвалил его и назвал редкостным человеком, одним из тысячи. Обрадованный Го Цзысин приказал назначить Чжу Юаньчжана начальником девятки в своем конвое.

Юаньчжан был смел, но осмотрителен. Получив приказ, он выполнял его быстро и хорошо. В бою он бросался впереди всех, а трофеи, будь то золото, серебро, одежда, скот, зерно, все отдавал полководцу. Заслужив награду, говорил, что это заслуга всех, и делил ее по справедливости между всеми воинами отряда. Обычно был неразговорчив, но говорил веско и разумно. Он знал грамоту, и, когда в отряде требовался грамотный человек, все искали его для зачтения приказов полководца, манифестов главных руководителей восстания Ду Цзуньдао и Лю Футуна, писем воинам из дому. Через несколько месяцев в отряде о нем пошла добрая слава, его признали храбрым, способным, щедрым, знающим, справедливым, добрым к людям. Полководец Го приблизил его к себе и полюбил, часто советовался с ним о делах, прислушивался к его мнению и следовал его советам.

Вторая жена полководца Го, госпожа Чжан, воспитывала девушку-сироту, порученную ему старым другом Ма Гуном. Ма Гун был родом из Сучжоу, и когда Цзысин восстал, то поехал в Сучжоу поднимать войско, но внезапно там скончался. Цзысин очень переживал потерю и нежно относился к сироте. Полюбив Юаньчжана, Го Цзысин захотел закрепить его преданность и посоветовался с госпожой Чжан, не взять ли его в приемные зятя. Госпожа Чжан знала, что у Юаньчжана выдающиеся способности, а у Цзысина плохой характер и он не ладит с четырьмя другими полководцами, нуждается в помощи и совете способного и преданного человека, а потому всемерно содействовала задуманному и выбрала день для вступления в брак. Юаньчжан, став любимцем полководца, получил опору в жизни и охотно сделался его зятем. С той поры Юаньчжана в войске стали пазывать молодым господилом

Чжу, он приобрел положение и взял себе чиновничье имя Юаньчжан и второе имя Гожуй.

Сунь Дэяй и другие руководители повстанцев были выходцами из крестьян-бедняков, прямодушными и откровенными, но дела понимали плохо и не умели высказаться. При распределении поставок зерна для войска Сунь Дэяй с товарищами хотели побольше брать с помещиков, потому что требовать с крестьян-бедняков поставок зерном, которого они не ели досыта, было все равно, что лишать жизни. Го Цзысин же считал, что с помещиков надо брать поменьше, поскольку на окрестной территории всего лишь несколько десятков крупных помещиков, и если брать с них помногу, то помещики не вынесут и уйдут; а с крестьянина-бедняка хотя можно взять немного, зато их самих очень много, и в итоге получится крупная сумма. Начались споры и раздоры. Го Цзысин не мог переспорить четверых, что его очень огорчало. Ему не нравилась их грубость и проявление невоспитанности в разговорах, поступках и выходках, и, хотя их слава была большей, чем у Цзысина, он презирал их и все чаще ссорился с ними. При обсуждении дел Сунь Дэяй и трое других придерживались единого мнения, а Цзысин всегда был против, спорил и даже позволял себе оскорбительные замечания, которые трудно было сносить. Сунь Дэяю и другим тоже надоело спорить с капризничающим Го Цзысином, и потому все дела они обсуждали заранее между собой, так что ему волей-неволей приходилось соглашаться. На каждый совет Сунь Дэяй и трое других приходили всегда вовремя, а недовольный Го Цзысин всегда опаздывал; если же ход совета ему не нравился, то он в гневе покидал его, и остальные четверо решали без него по-своему, а Цзысин злился еще больше. Однажды совет собрался после долгого перерыва, и, когда Цзысин явился, остальные четверо молча уставились на него. Цзысин почувствовал, что ему с ними не справиться, забеспокоился, не знал, как быть, и стал намеренно оставаться у себя, не вмешиваясь в дела. Пять военачальников не слушали друг друга, не желали подчиняться, отдавая свои приказы. Они стояли в Хаочжоу больше полугода и ничего не могли предпринять, только собирали с четырех окрестных уездов зерно, фураж и скот.

Цзысин знал, что четверо полководцев объединились против него, и старался выработать собственную позицию.

Он посоветовался с Юаньчжаном. Юаньчжан уговаривал его ободриться, по-прежнему ходить на совет, стараться соглашаться с остальными, укреплять и улучшать свое положение. Если он устранился от участия в делах, то все равно кто-то будет управлять! Из-за отсутствия согласия дело идет плохо, страдают все, обе стороны одинаково несут урон. Цзысин послушался и пошел на совет, но через три дня повздорил и порвал с членами совета. Отношения между сторонами стали еще хуже, они подозревали друг друга и принимали меры предосторожности. Совет Юаньчжана не подействовал на Цзысина, поэтому Юаньчжан тайно принял меры предосторожности — установил связь с Сунь Дэем и, стремясь избежать междоусобицы, сказал ему много добрых слов.

В 9-ю луну 12-го года Чжичжэн (1352 г.) юаньский первый министр Токто собрал стотысячное войско и напал на Сюйчжоу. В окрестностях города он набрал 30 тыс. рабочих соляных промыслов и здоровяков носильщиков; одел их в желтое платье и шапки, назвал «желтой армией» и стал использовать в качестве передового отряда. Город обстреливали огромными камнями, штурмовали днем и ночью — и взяли. Был дан приказ вырезать горожан; убивали всех, кто попадался на глаза; все дома были сожжены. Главари повстанцев Пэн Да и Чжао Цзюньюн прорвались с отрядом из города и отступили к Хаочжоу. Токто приказал преследовать их. Пэн Да и Чжао Цзюньюн привели с собой большой отряд, и все пятеро хаочжоуских военачальников оказались у них в подчинении. Пэн Да был храбр, умен, решителен и инициативен, он сблизился с Го Цзысином. Чжао Цзюньюн прежде был старостой; Сунь Дэяй и его друзья сблизились с ним, и обе стороны начали длительную открытую и тайную борьбу. Сунь Дэяй придумал способ убить врага чужими руками: он пустил слух, что Го Цзысин признает только Пэн Да, а Чжао Цзюньюна презирает и ненавидит. Чжао Цзюньюн в гневе послал Сунь Дэяя во главе своих конвойных, которые прямо на улице схватили Го Цзысина, избили его и посадили под замок. В то время Чжу Юаньчжан отсутствовал, но, когда узнал о происшедшем, вернулся. В семье Го все были в панике, и никто не знал, что делать и как помочь Цзысину. Юаньчжан решил, что на этот раз вся беда идет от Чжао Цзюньюна и помочь может только Пэн Да. На следующий день Юаньчжан вместе с госпожой Чжан и

двумя сыновьями Го Цзысина прибыли к Пэн Да с жалобой. Пэн Да действительно рассердился и сказал: «Они слишком самоуправствуют. Пока я жив, никто не посмеет погубить полководца!» Он приказал своим войнам следовать за Юаньчжаном. Они окружили дом Суня, разбросали черепичную крышу и спасли Цзысина. У Цзысина на шее была канга, на ногах — оковы, все тело — в следах от побоев. Его освободили и отвели домой. Чжао Цзюньюн, узнав, что вмешался Пэн Да, не решился порвать с ним отношений и оставил дело без последствий.

Между тем правительственная армия окружила Хаочжоу. Перед лицом общего врага вожди «красных войск» на время оставили взаимные распри и начали совместно оборонять город. Осада Хаочжоу длилась семь месяцев — всю зиму и весну следующего года. Но стены были высоки, рвы — глубоки, в городе — изобилие зерна. Юаньские войска не знали о положении осажденных и считали, что если осадить город, не допуская подвоза продовольствия и подхода подкреплений, то «красные войска» попадут в трудное положение и победа достанется без потерь. Поэтому боев не было, войска стояли друг против друга. Когда заболел и умер юаньский военачальник Цзя Лу, юаньские войска, утомленные долгой осадой, утратили боевой дух и сняли осаду. В Хаочжоу вздохнули свободнее, хотя за время осады понесли значительные потери в людях и лошадах.

Юаньчжан водил отряды брать Ухэ и Динъюань. До осады он водил отряды на Хуайюань и Аньфэн, набирал там воинов. Во время осады он прорывался с отдельными отрядами и нападал на уезды Ханьшань, Линьби и Хунсянь.

После ухода юаньских войск Пэн Да назвался князем Лухуай, а Чжао Цзюньюн — князем Юньи. Го Цзысин, Сунь Дэй и другие остались без титулов.

2. Командир крупного отряда

В Хаочжоу не хватало зерна и воинов. Юаньчжан раздобыл соль, обменял ее в Хуайюане на несколько десятков даней зерна и поднес их Го Цзысину. Затем вернулся в Чжунли, где занялся вербовкой в «красные войска». Ког-

да стало известно, что Юаньчжан стал командиром в «красных войсках», к нему начали приходить на службу друзья молодости и односельчане: Сюй Да, Чжоу Дэсин, Тан Хэ, Го Ин и другие. Сюй Да был моложе Юаньчжана на три года. Рослый и широкоскулый, прямодушный и отважный, он близко сошелся с ним. Тан Хэ вступил в «красные войска» раньше Юаньчжана и был на три года старше его. Он был ростом 7 чи, характером — необузданный, очень хитрый и, хотя сам был командиром, испытывал к Юаньчжану уважение. Все они подобно Чжоу Дэсину участвовали с Юаньчжаном в атаках и штурмах и стали его опорой среди подчиненных. Все они были родом из Хуайси, связаны родственными и земляческими узами: по мере роста воинских сил Юаньчжана земляки из Хуайси становились военачальниками, костяком его армии. Впоследствии, когда Юаньчжан стал императором, полководцы и советники из Хуайси стали саповниками. Имея боевые заслуги, они пользовались большим влиянием, и в первые годы династии Мин люди из Хуайси, естественно, заняли выдающееся положение.

После вступления в «красные войска» Сюй Да и других один за одним начали стекаться добровольцы, меньше чем за десять дней, к великой радости Цзысина, набралось 700 человек. В 6-ю луну 13-го года Чжичжэп (1353 г.) он произвел Юаньчжана в чин уполномоченного по умиротворению, а через год за боевые заслуги повысил в главнокомандующие.

Войскам двух князей, Пэна и Чжао, недоставало выучки и дисциплины. Юаньчжан понял, что бездеятельное стояние в Хаочжоу мешает накоплению сил и рано или поздно приведет к распрям. Поэтому, передав новых воинов полководцам, он взял с собой 24 таких друзей, как Сюй Да и Фэй Цзюй, и направился на юг в Динъюань, где набербовал воинов. Он узнал, что в Чжанцзябао и Люйпайсае находится трехтысячный отряд ополченцев, оказавшийся без продовольствия, в тяжелом положении. Он сам поехал в Люйпайсай, где командовал знакомый Го Цзысина. Юаньчжан сказал ему, что изолированный и голодный отряд не устоит, если на него нападут. Он предложил командиру, пока не поздно, перейти к ним, сохранив силы, ибо другого выхода нет. После нескольких дней переговоров командир согласился. Юаньчжан оставил у него Фэй Цзюя и других верховых. Вдруг через три дня

Фэй Цзюй прискакал и доложил, что все переменялось и отряд хочет уйти. Юаньчжан тут же повел туда 300 воинов, но, как ни старался, убедить не мог. Пришлось прибегнуть к хитрости: он пригласил командира к себе, окружил его своими воинами и увел за десять с лишним ли, после чего к войску был послан гонец с приказом командира двигаться следом. 3 тыс. воинов повиновались и пришли. Так Юаньчжан получил войско и приказал ему идти на восток и напасть на Хэнцзяньшань.

В Хэнцзяньшане стояло 20 тыс. ополченцев, которыми командовал Мяо Дахэн из Динъюаня. Он собрал вооруженные помещичьи отряды, напал на Хаочжоу, но, когда захватить город не удалось, он вступил с 20 тыс. воинов в Хэнцзяньшань. Среди подчиненных Юаньчжана напелся человек, бывший в приятельских отношениях с Мяо Дахэном, он и был послан для переговоров о капитуляции. Не видя выхода, Мяо Дахэн согласился. Юаньчжан получил власть над семидесятитысячным населением и 20 тыс. хорошо вооруженных воинов, из которых создал большой отряд, ставший грозной силой.

Получив новое войско, Юаньчжан установил в нем новые порядки и усилил боевую подготовку. Больше всего внимания он уделял дисциплине. Во время смотра новых войск он сказал воинам: «Вас и раньше было много, но без боя пришлось перейти ко мне. В чем причина? Во-первых, у командиров не было дисциплины, а во-вторых, воины были не обучены. Теперь надо установить твердую дисциплину и пройти суровую боевую подготовку, чтобы одерживать победы и совершать великие дела. Всем вам от этого будет только польза». Все три войска выслушали его и остались довольны. Тогда же он обзавелся способными советниками.

Два брата из Динъюаня, Фэн Гоюн и Фэн Гошэн, владели несколькими сотнями му земли, на которых работали свыше десяти семей арендаторов. Они были средними помещиками. Братья были начитанными людьми, хорошо разбирались в военном деле. Гоюн был мастером составлять планы, а Гошэн отважен и хитер. После восстания «красных войск» они объединили силы местных помещиков. Но сил было мало, и они боялись, что их поглотят другие отряды ополченцев. Капитуляция Мяо Дахэна показала всю опасность их положения. Узнав о твердой дисциплине в войске Юаньчжана, они со своими воинами

перешли к нему на службу и встретили хороший прием. Юаньчжан спросил, как лучше наступать на врага. Гоюн предложил сначала захватить Цзянькан (Цзянлин, ныне Нанкин), защищенный естественными прикрытиями — в древних книгах он назывался «обителью дракона и тигра», — как место, в котором с древних пор императоры и князья учреждали столицу. Теперь надо было сразу занять его, заложить там базу, постепенно расширять ее, захватывая все новые земли. Не гоняться за мальчиками, девушками, драгоценностями и тканями, а побольше творить добрых дел, завоевывать поддержку народа, и тогда будет легко доверить великое дело — основать государство. Юаньчжан очень обрадовался совету и назначил Гоюна тайным советником.

На юге при наступлении на Чучжоу (ныне Чусянь, пров. Аньхой) Ли Шаньчан из Динъюаня пришел в войско и попросил о встрече. В тех местах Ли Шаньчан был видной фигурой; начитанный и мудрый человек, он умел обсуждать дела и знал учение школы легистов-законников. Уже молодым он мог самостоятельно читать книги, поскольку был выходцем из помещичьей семьи и ему не надо было трудиться, зарабатывая себе на пропитание. Своими речами он расположил к себе Юаньчжана. Юаньчжан спросил, как водворить мир в стране, когда повсюду возникают смуты? Шаньчан посоветовал ему подражать основателю Ханьской династии Гаоцзу. Гаоцзу тоже вышел из простого народа, был человеком большой души, дальновидным, с широким кругозором. Он умело использовал людей, не убивал их зря и за пять лет умиротворил Поднебесную. Ныне сердца людей отвернулись от юаньской династии, беспокойно в верхах и низах, власть монголов дошла до распада и краха. Если учиться достоинствам у Гаоцзу, то Поднебесная легко будет умиротворена. Юаньчжан прерывал его возгласами одобрения, а потом назначил своим секретарем и сказал: «Ныне повсюду поднялись войска, и Поднебесная распадается; надо хорошо воевать, и самое важное — набрать хороших советников. Я вижу, что у большинства полководцев ведающие бумагами чины и советники любят хулить военачальников. Когда между военачальниками и чиновниками нет единства, войны на поле брани неспособны проявить свои качества и поражение неизбежно. Поражение военачальников ставит самого полководца в положение птицы без

крыльев, и его собственные изолированные силы непременно погибают. Для меня ты должен служить опорой, ты должен содействовать военачальникам, а не следовать дурному примеру других чиновников». С тех пор Юаньчжан все время в помыслах и поступках брал пример с императора-земляка, вышедшего из простого народа; он старательно подражал ему во всем: в речах, ведении дел и в сражениях.

Шаньчан стал прекрасным начальником чиновников, поскольку он понимал стремления воинов, чиновников и военачальников. Он предлагал награждать и повышать отличившихся и способных, наказывать нерадивых чиновников, делать так, чтобы все подчиненные работали в полную силу своих способностей и трудились со спокойным сердцем. Однако у него на всю жизнь сохранился недостаток: очень сильное пристрастие к землякам. В годы войны этот порок был еще не так заметен, но после объединения Юга и Севера Шаньчан в делах управления исходил из интересов земляков из Хуайси. Чжу Юаньчжан поднялся, опираясь на людей из Хуайси, но по сравнению с Ли Шаньчаном он был дальновиднее, обладал большим кругозором и хотел иметь более широкую опору.

Чужжоу охранялся слабыми силами, а потому начальник авангарда Юаньчжана на коне ворвался на вражеские позиции, вся армия под гром барабанов последовала за ним и захватила Чужжоу.

Племянник Юаньчжана, зять Ли Чжэнь с племянником Баоэром (позднее принял имя Вэньчжуна) присоединились к нему. От них он только узнал, что второй и третий брат умерли, и скорбел о них.

Юаньчжан усыновил трех подростков, дал им фамилию Чжу. Усыновление было тогда в войсках распространенным обычаем, так как полководцы хотели воспитывать преданных себе людей и любили держать при себе лучших и храбрейших юношей, которые в бою могли бы пожертвовать жизнью, а в трудных ситуациях могли служить военачальникам как доверенные глаза и уши. У Юаньчжана было более двадцати приемных сыновей, и в дальнейшем, занимая города и области, он посылал их к назначенным правителям инспекторами для совместного управления.

Кроме надзора со стороны приемных сыновей, другой способ контроля состоял в том, что семьи военачальников должны были оставаться в тылу. Этот прием стал приме-

няться сразу же после переправы через Янцзы. Когда Юаньчжан во главе войск взял Цзицин, госпожа Ма и семьи военачальников оставались в Хэчжоу (ныне Хэсянь, пров. Аньхой). После взятия Цзицина был издан приказ: «Все жены и дети военачальников, вместе со мной взявших город, должны жить в столице, не разрешается вывозить их из нее». «При исполнении поручений вне столицы жены военачальников остаются в ней. На местах можно брать наложниц». Таким образом, военачальники, беспокоясь за безопасность жен и детей, не могли переходить к врагу или бунтовать, переводить их с места на место тоже было удобнее. Но случалось и обратное. Храбрый военачальник Шао Жун замыслил покушение на Чжу Юаньчжана именно потому, что в течение долгих лет походов был разлучен с семьей.

Юаньчжан принял меры предосторожности против сговора военачальников с образованными людьми и постановил: «Для охраны завоеванных городов назначаются военачальники. Конфуцианцам запрещается рассуждать с ними о древности и современности; разрешается иметь одного чиновника для переписки, все упущения будут взыскиваться с него».

В 11-ю луну 14-го года Чжичжэн (1354 г.) юаньский первый министр Токто собрал армию и под Гаою разгромил Чжан Шичэна, а затем, разделив войска, окружил Люхэ.

Чжан Шичэн, чье настоящее имя было Девяносто четвертый, был родом из Байцзюйчана, в Тайчжоу (ныне уезд Тайсянь, пров. Цзянсу). Тайчжоу был прибрежным районом, жители которого жили тем, что занимались выпариванием соли из морской воды; они страдали от повинностей, жили очень тяжело, ненавидели правительство. Чжан Шичэн с малых лет был человеком волевым, с острым чувством справедливости, большой физической силы, умелым в искусстве боя. Вместе с братьями Ши, Шидэ, Шисинем и всей семьей он жил на средства от контрабандной торговли солью, которая приносила огромные прибыли. Шичэн презирал богатство и помогал бедным, чем завоевал симпатии народа; контрабандисты, промышляющие солью, выбрали его своим старшиной. Местные помещики покупали у них соль по заниженным ценам и обманывали их, иногда вообще не оплачивая счета, а пожаловаться было некому. Лучник Цю И постоянно пор-

тил кровь торговцам солью, брал с Шичэна взятки, а потом продолжал досмотр и обыски. Шичэн не вынес обиды и, пользуясь тем, что повсюду поднимались повстанцы, собрал восемнадцать молодцов. Они убили Цю И и ненавистных помещиков, сожгли их дома. Мятеж разросся, рабочие соляных промыслов, бродяги, бедняки-крестьяне охотно вступали в ряды повстанцев. Были взяты Тайчжоу и Гаою, захвачено 36 соляных промыслов. Чжан Шичэн присвоил себе титул Чэнского князя, основал государство Дачжоу, а эру своего правления назвал Тянью. Все это произошло в начальный месяц 14-го года Чжичжэн (1354 г.).

Из окруженного юаньской армией Люхэ послали гонца к Го Цзысину с просьбой о помощи. Люхэ находился к востоку от Чучжоу и служил его естественным форпостом; чтобы удержать Чучжоу, надо было защищать Люхэ. У Го Цзысина была распря с командиром из Люхэ, и он не хотел посылать войска. Юаньчжану с трудом удалось уговорить его. По слухам, юаньская армия насчитывала 1 млн. воинов, поэтому никто из военачальников не хотел идти ей навстречу, ссылаясь на неблагоприятные знамения и гадания. Цзысин послал с войском Юаньчжана. Юаньские воины потоком ринулись в атаку и уничтожили городские укрепления Люхэ. Защитники города стояли насмерть, в бою восстанавливали разрушенные укрепления, но их сносили вновь. Стало ясно, что выстоять не удастся, оставалось лишь под охраной переправить старых и малых в Чучжоу. Юаньчжан устроил засаду и велел одному из командиров изобразить бегство. Юаньские воины бросились в погоню и попали в засаду, защитники Чучжоу напали на них и нанесли поражение. Юаньчжану досталось много хороших коней. Но он боялся, что если юаньские воины вернуться с подкреплением и осадят город, то Чучжоу останется в изоляции и никто не придет на помощь. Скрепя сердце пришлось послать местных старейшин к правительственным войскам с вином и мясом, возвратит коней и сказать, что здесь собрались для обороны от разбойников благонамеренные подданные, которые-де согласны прислать великой армии продовольствие, чтобы совместными силами ударить на Гаою, если местное население будет пощажено. Юаньские воины только что потерпели поражение и потеряли коней, о чем не посмели докладывать вышестоящему начальству. Вняв дружелюб-

ным речам, они сочли за благо принять коней, ушли в другом направлении и оставили Чучжоу в покое.

Огромная армия Токто всеми силами обрушилась на Гаою и взяла штурмом внешние стены города; Чжан Шичэн понял, что удержаться в городе не удастся, но, страшась кары, сдаваться не решался. В безвыходном положении он со страхом стал готовиться к прорыву сквозь ряды осаждающих, чтобы уйти в море. Вдруг юаньский император Шуньди издал указ о смещении Токто. После оглашения указа вся армия рассыпалась; часть воинов перешла на сторону «красных войск», которые сделались еще сильнее. Чжан Шичэн перешел в наступление, усилился и расширил подвластную ему территорию.

Токто повиновался и сложил с себя военную власть. Он был сослан на Запад, в земли туфаней, где был отравлен.

После смерти Токто юаньский Шуньди сделался еще беспечнее и творил что хотел. В это время рисопроизводящие районы Юго-Востока — Чанчжоу, Пинцзян, Хучжоу (ныне Усин, пров. Чжэцзян) — были захвачены Чжан Шичэном, прибрежные районы Чжэцзяна — Фан Гочжэнем, Великий канал находился под контролем «красных войск», таким образом, сухопутные и водные пути на Север оказались перерезанными. Другой район продовольственного снабжения, Хугуан (ныне пров. Хунань и Хубэй), был потерян еще раньше. Рис с Юга перестал поступать на Север, и сразу же свыше 1 млн. воинов и жителей Даду оказались без продовольствия и начали голодать; к этому добавилось затянувшееся на несколько лет бедствие на равнинах Северного Китая: нашествие саранчи, засуха и войны. Там крестьяне питались саранчой, а в столице горожане и воины не имели даже саранчи; от голода умерло несчетное число людей; начались эпидемии; дошло до людоедства. И в эти критические дни юаньский Шуньди, не задумываясь ни над чем, занялся постройкой корабля-дракона в дворцовом парке и лично изготовил чертеж: корабль-дракон был длиной 120 чи, шириной 20 чи, голова, глаза, пасть и хвост шевелились на плаву, а внутри скрывался механизм, с помощью которого дракон загребал воду. Император любил технические поделки, музыку и танцы. Всему этому он посвящал свои дни, но не любил заниматься государственными делами. Целыми днями он катался на лодках и пировал, даже не выслушивая докла-

дов о войне. Люди массами умирали с голоду, но его ничто не беспокоило. Оставшиеся весьма ограниченные запасы зерна он отослал семье своей фаворитки, жалованье чиновникам пришлось выплачивать чаем, бумагой и прочими мелочными товарами. Жизнь во дворце оставалась такой же роскошной и развратной, как и во времена процветания и благополучия.

В Чучжоу после начала восстания находилось несколько десятков тысяч повстанцев, зерна стало не хватать, и поднялся ропот. Юаньчжан предложил двинуться на юг и занять Хэчжоу, чтобы обеспечить войска провиантом. Он назначил в авангард Ху Дахая из Хунсяня, рослого человека с темным лицом, выдающимся умом, пришедшего в войско со всей семьей. Авангард с одного приступа взял Хэчжоу. Это произошло в начальный месяц 15-го года Чжичжэн (1355 г.). Цзысин получил доклад о взятии Хэчжоу и послал туда Юаньчжана в качестве командующего войсками.

Среди военачальников Цзысина Юаньчжан был самым молодым; назначенный на пост командующего, он боялся, что подчиненные командиры не будут повиноваться ему. После долгих раздумий он приказал убрать из зала кресло командующего и поставить деревянную скамью. Наутро, когда военачальники явились, Юаньчжан нарочно запоздал. По монгольскому обычаю в то время место на правом конце считалось старшим, но Юаньчжану осталось только место на левом конце с краю, куда он и сел. Когда же началось совещание, оказалось, что военачальники, привыкшие к боям и атакам, не могли хорошо разобраться в делах и только молча глядели друг на друга. Юаньчжан сразу же выдвинул разумные предложения, и военачальники постепенно примирились с ним. Было решено для защиты от нападения врага привести в порядок городские стены и рвы. Каждый отвечал за определенный участок; работу следовало выполнить в три дня. По истечении срока все начальники пошли проверять выполнение работы, и оказалось, что только на участке Юаньчжана все работы были выполнены, а на других они не были завершены. Юаньчжан помрачнел, сел в кресло командующего лицом к югу, вынул приказ Цзысина и сказал: «Я командую войсками по приказу главнокомандующего. Моя ответственность велика. Ремонт стен — дело важное; мы уже решили, кому и где ремонтировать, и установили срок.

Никто в срок не управился, и если подступит враг, то как мы будем сражаться? Сейчас точно говорю, что за прошлое не виню, но отныне с неисполняющих приказ буду взыскивать по военным законам, невзирая на то что мы братья по оружию!» Военачальники, нарушившие распоряжение, чувствовали себя виновными, возражать не посмели, а признали вину и просили прощения. Но и теперь старые подчиненные Цзысина в душе не покорились. Один Тан Хэ был осторожен и услужлив, исполнительен и дисциплинирован, стал образцом для всех. Ли Шаньчан сновал повсюду и примирял недовольных, постепенно укрепляя положение Юаньчжана в качестве командующего.

Во 2-ю луну 15-го года Чжичжэн (1355 г.) верховный полководец «красных войск» Лю Футун посетил в Цзяхэ (пыне уезд Даншань, пров. Цзянсу) спасшегося вместе с матерью в начале восстания Хань Линьэра, сына погибшего верховного главы повстанцев, привез его в Хаочжоу и поставил императором. Его называли Сяо Мин-ваном, а приближенные и народ величали чжугуном (государем). Государство назвали Сун, а девизом правления избрали Лунфэн. Разобрали на бревна дворец Тайпингун в Луи, чтобы построить новый дворец. На войсковых знаменах были начертаны изречения: «Три тысячи храбрецов устремляются к землям Янь, Дракон-государь взлетел на трон, восстановил Поднебесную Великой Сун». Лю Футун сделался главным министром (чэньсяном). Скоро он получил звание великого хранителя (тайбао). В его руках фактически была сосредоточена верховная власть над «красными войсками». Новая политическая власть династии Сун рода Хань еще не успела окрепнуть, как начались распри среди руководителей «красных войск».

Го Цзысин смертельно ненавидел Сунь Дэя и хотел убить его, но не смог. Теперь он впал в уныние, грустил целыми днями, ничто его не радовало. Он тяжело заболел и через три месяца скончался. Его похоронили в Чучжоу. Делами войска стали управлять его сын Тяньсюй, младший брат жены Чжан Тянью и Юаньчжан. Они опасались, что Сунь Дэй, воспользовавшись случаем, захватит власть над войском. Однако вскоре последовал указ Сяо Мин-вана, который назначил Го Тяньсюя верховным полководцем, Чжан Тянью — правым полководцем, а Юаньчжана — левым полководцем.

3. Великий полководец

В Хэчжоу командовали три полководца, главным из которых считался Го Тяньсюй. Однако он был молод, не имел военного опыта и не высказывался, а Чжан Тянью, храбрый человек, был беспомощен в решении дел. Чжу Юаньчжан не только имел при себе мужественных и опытных военачальников, таких, как Сюй Да, Шао Жун и Тан Хэ, но, что важнее, располагал собственной, хорошо организованной армией, которая составляла костяк войск в Хэчжоу. К тому же, стремясь укрепить свое положение, он привлек к себе таких образованных помощников, как Ли Шаньчан и Фэн Гоюн, и влияние его росло. Поэтому, занимая по рангу третье место в войске, Юаньчжан стал в нем хозяином, решал дела и фактически сделался главнокомандующим.

Хэчжоу на юге и востоке примыкал к Янцзы. Город был невелик, а войска стояло в нем много. Юаньская армия несколько раз окружала и штурмовала его, и, хотя город еще держался стойко, у повстанцев кончился запас продовольствия. У войска не было риса, а на том берегу простым глазом были видны рисовые склады и хранилища, отрезанные бурными волнами Янцзы. Но как переправиться без судов? Небольшое число лодок не могло помочь делу: требовалось не меньше тысячи. Разве возможно было построить столько сразу? Дни и ночи Юаньчжан советовался с военачальниками, но ничего не могли придумать.

Как раз в это время главарь пиратов из Чаоху Ли-головорез (Гошэн) прислал своего военачальника Юй Тунхая для обсуждения военных дел. Оказывается, после восстания «красных войск» в Иншане в районе Чаоху поднялись последователи Пэн Ипьюя. У них было свыше 1 тыс. судов, больших и малых, свыше 10 тыс. лодочников. Будучи окружены, они трижды присылали гонцов с просьбой о помощи. Юаньчжан воспользовался этим и сам поехал в Чаоху устанавливать связь. Он предложил им, чем стоять насмерть и погибнуть, лучше объединить силы с ним и вместе переправиться через Янцзы. В 5-ю луну дождь шел более двадцати дней подряд, уровень воды больших рек поднялся и корабли без всякого труда вышли из Чаоху. Большие и малые суда собрались в Хэчжоу.

В 1-й день 6-й луны начального года Лунфэп (1355 г.) Юаньчжан во главе армии и флота переправился через

Янцзы, с копьём наперевес выскочил на берег, а за ним под гром барабанов устремились остальные. Юаньские воины в страхе побежали и были разбиты, укрепления по берегу Янцзы были захвачены с ходу. Изголодавшиеся воины «красных войск» хватали рис и скот и тащили на берег, рассчитывая переправить в Хэчжоу. Юаньчжан посоветовался с Сюй Да, возвращаться ли в Хэчжоу, где через некоторое время снова начнется голод, или же продолжать наступление. Решили, используя благоприятную ситуацию, взять расположенный по соседству город Тайпинфу. Отдали приказ перерубить чалы и оттолкнуть суда от берега; течение подхватило их и понесло на восток; река опустела, ни одного паруса не стало видно на водном просторе. Все войско в ужасе закричало. Юаньчжан разослал глашатаев объявить, что прямо перед ними — город Тайпинфу, где вдоволь женщин, драгоценностей и тканей. Воины выслушали и после обильной трапезы ринулись на город и взяли его первым же приступом. Начались резня и грабеж, но Юаньчжан заранее приказал Ли Шаньчану заготовить надписи: «Грабить и захватывать пленных запрещается, виновные будут наказаны по военному закону». Запреты расклеивали повсюду, по улицам были разосланы патрули. Воинам пришлось остановиться. Один нарушил запрет и был немедленно обезглавлен. В Тайпинфу и округе население сразу же успокоилось. Но чтобы удовлетворить воинов, был дан приказ местным богачам преподнести им в дар золото, серебро, драгоценности и ткани, и все независимо от чина были удовлетворены.

Местные конфуцианцы из Тайпинфу Ли Си и Тао Ань пришли к командованию «красных войск». Тао Ань заявил: «Ныне всюду поднимаются смельчаки, штурмуют и захватывают города, оспаривают друг у друга старшинство. Они хватают девушек и женщин, драгоценности и ткани, жгут и грабят, убивают и насилуют; жизнь сделалась невыносимой. Если полководец будет поступать иначе: не будет убивать, грабить и жечь, на востоке возьмет Цзицин и, используя его расположение, начнет посылать войска во все края страны, — то сможет утвердиться во всей Поднебесной». Юаньчжан счел его слова правильными и оставил при канцелярии командующего писарем, а правителем (чжифу) области назначил Ли Си.

Юаньские войска окружили Тайпинфу с двух направлений: флот блокировал город крупными судами со сто-

роны реки, отрезав «красным войскам» обратный путь в Хэчжоу, а на суше их атаковал командующий добровольцами Чэнь Есянь, возглавлявший несколько десятков тысяч воинов. Положение стало опасным. Юаньчжан лично возглавил оборону. Недавно взятая им вторая жена, Сунь, чтобы приободрить воинов, посоветовала вынести из хранилищ золото и серебро и выдавать в награду отличившимся. Сюй Да вывел из города отдельный отряд и атаковал юаньскую армию с тыла. Осажденные тоже пошли в атаку; зажатая в клещи юаньская армия понесла тяжелое поражение. Чэнь Есянь был взят в плен, и Юаньчжан уговорил его капитулировать. Он заколол белую лошадь и черного быка в жертву Небу и Земле, и они поклялись быть побратимами. На другой день вся армия Чэнь Есяня сдалась, и объединенное войско выступило на штурм Цзицина.

Есянь был крупным помещиком, люто несправедлив «красные войска» и тайно приказал своим воинам лишь прикидываться сражающимися, но ни в коем случае не сражаться по-настоящему; он рассчитывал через два-три дня вырваться из плена и обратить оружие против «красных войск». В 7-ю луну (1355 г.) «красные войска» подступили к Цзицину; юаньский полководец Фу Шоу яростно сражался, а из «красных войск» воевала лишь половина, а другая половина празднично наблюдала за сражением, поэтому город не был взят, войска потерпели поражение, и хорошо, что вернулись живыми.

В 9-ю луну того же года «красные войска» вновь плотно осадили Цзицин и сражались семь дней. Есянь заранее сговорился с юаньским полководцем Фу Шоу о том, что изменит «красным войскам». Он устроил пир, на котором напоил двух полководцев этих войск, а среди циновок спрятал воинов, схвативших Го Тяньсюя и Чжан Тянью живыми для подарка Фу Шоу. Тот немедленно казнил обоих. Юаньская армия воспользовалась моментом и ударила, а «красные войска» понесли тяжелое поражение, потеряв свыше 20 тыс. человек убитыми. Чэнь Есянь сразу ободрился и пустился преследовать «красные войска». Он гнал их до самого Ляна, где местные юаньские ополченцы, не разобравшись, в чем дело, а зная только, что он капитулировал перед «красными войсками», устроили засаду и убили Чэнь Есяня. Войска перешли под командование его сына Чэнь Чжаосяня.

После гибели полководцев Го и Чжана все прежние войска Го Цзысина перешли под командование Юаньчжана. Теперь он и по существу и по должности стал командующим, полководцем Сяо Мин-вана.

Когда Юаньчжан повел войско переправляться через Янцзы, его супруга Ма и семьи воинов остались в Хэчжоу. Там была тыловая база, на которой оставляли родных для безопасности; семьи воинов тоже были защищены, что помогало им спокойнее сражаться. Сообщение между Хэчжоу и Тайпинфу поддерживалось только по воде, но водный путь был перерезан юаньской армией, и никаких сведений из Хэчжоу не поступало. Во 2-ю луну 2-го года Лунфэн (1356 г.) Юаньчжан разбил юаньский флот, захватил боевые корабли, и только тогда восстановилось сообщение и воины успокоились. В 1-й день 3-й луны Юаньчжан вывел из Тайпинфу флот и войско для третьего штурма Цзицина. Стоявшие под городом войска Чэнь Чжаосяня потерпели поражение и капитулировали, еще 36 тыс. воинов присоединилось к повстанцам. Цзицин был взят штурмом. Вступив в город, Юаньчжан созвал чиновников, военачальников и население и торжественно объявил: «Власть юаньской династии прогнила, повсюду против нее поднимаются войска, народу надоело терпеть муки. Вы жили в осажденном городе, подвергаясь опасности, ваша жизнь не была защищена. Я привел сюда войско, чтобы избавить вас от смуты. Все могут спокойно записаться своими делами, не надо сомневаться и бояться. Благородных и образованных людей, которые захотят помочь мне в великом деле, я буду использовать по обычаю. Чиновникам запрещается чинить произвол и притеснять народ. Скверно обращавшихся с народом при старом режиме я немедленно смещаю». Одной речью он успокоил сердца людей и восстановил порядок. Обрадованные люди поздравляли друг друга. Юаньский округ Цзицинфу был переименован в Интяньфу, была учреждена концелярия командующего флангом армии возрождения Поднебесной в Цзянькане. Сяо Мин-ван, получив донесение о победе, возвел Юаньчжана в чин заместителя заведующего общими делами военного округа, а затем произвел в чин управляющего политическими делами провинциального правительства Цзяннани и других мест, Ли Шаньчан получил звание ланчжуна (старшего секретаря управления), а прочие военачальники — звания полководцев.

Юаньчжан превратил Интянь в центр своей территории, которая на западе ограничивалась линией от Чучжоу до Уху, а на востоке — от Цзюйжуна до Лияна. На западе граница была длинной, а на востоке — короткой, так что вся территория имела форму ковша, причем к западу было обращено его доньшко, а к востоку — ручка. Территория, занимаемая армией Юаньчжана, была невелика, войско — довольно слабым, враги окружали со всех четырех сторон, поэтому, несмотря на наличие продовольствия, положение было крайне неблагоприятным.

К счастью, в это время юаньская армия сосредоточила все силы против Сяо Мин-вана и пренебрегла районом, который контролировал Чжу Юаньчжан. В 12-ю луну предыдущего года (1355 г.) юаньский полководец Даши Батыр разгромил Лю Футуна под Тайканом, осадил Хаочжоу и вынудил Сяо Мин-вана бежать в Аньфэн. Главные силы «красных войск» были временно ослаблены, но активизировался Чжан Шичэн; Сюй Шоухуэй захватил города у рек Сян и Хапъ, в результате чего юаньская армия оказалась зажатой между двумя фронтами и ее действия скованы. Осенью 2-го года Лунфэн (1356 г.) главные силы «красных войск» Сяо Мин-вана были пополнены и реорганизованы. Решено было начать походы на Север. Первый удар привел к падению Угуаня (ныне восточная часть уезда Шансянь, пров. Шэньси), падению Шанчжоу и вторжению в Гуаньчжун (ныне пров. Шаньси). Второй удар привел к захвату севера провинции Шаньдун. На следующий год Лю Футун разделил войска по трем направлениям. Войска первого направления захватили Ляо и Луи (ныне уезды Ляосянь и Чанчжи, пров. Шаньси), взяли Цзиниц (ныне Тайюань, пров. Шаньси), папали на Баодин (ныне пров. Хэбэй), взяли Ваньчжоу (ныне уезд Ваньсянь, пров. Хэбэй), разграбили Датун (ныне пров. Шаньси) и Синхэ (ныне уезд Чжаобэй в автономном районе Внутренней Монголии), где жили цекитайские племена, взяли Шанду, разграбили Ляоян (ныне пров. Ляонин) и вторглись в Корею.

Они прошли с северо-запада на северо-восток, описав полукруг.

Войско второго направления взяло Фэсян (ныне пров. Шаньси), Синьюань (ныне Наньчжэн, пров. Шаньси) и на юге вступили в Сычуань. Войско третьего направления заняло северо-западную часть провинции Шаньдун и север

Хэнани, а на севере захватило Цзичжоу (ныне уезд Цзисянь, пров. Хэбэй), разорило Кочжоу (ныне уезд Тунсян в 45 ли к югу от Пекина) и разграбило Люлинь, непосредственно угрожая Даду.

Сам Лю Футун занял юго-запад Шаньдуна, север Хэнани и разорил там районы по обоим берегам Хуанхэ. В 5-ю луну 4-го года Лунфэн (1358 г.) он взял Бяньлян (ныне Кайфэн), объявил его столицей и привез туда Сяо Мин-вана.

Куда бы не приходили «красные войска», они одерживали победы на местах, чиновники юаньской династии, едва прослышав о приближении «красных войск», бросались в бегство, спасая жизнь. Тогда была сложена песенка:

Весь город охвачен пламенем пожара,
Чиновники попрятались или разбежались,
Никого из жителей не видно,
В городской управе стоят «красные войска».

Несколько лет длились дальние походы «красных войск», которые прошли с боями десятки тысяч ли в разных направлениях, и главные силы юаньской армии делали все, чтобы дать им отпор, а потому не уделяли внимания вожаку «красных войск» на юго-востоке Чжу Юаньчжану. Последний воспользовался тем, что у юаньской армии не было сил для удара по нему, и постепенно укреплял свою базу, увеличивал войско, уничтожал разрозненные отряды юаньской армии и расширял подвластную территорию. Хотя она со всех сторон была окружена врагами, но ее отделяли от главных сил юаньской армии три противостоящие ей военные группировки: на востоке — во главе с Сюй Шичэном, на севере — во главе с Сяо Мин-ваном, на западе — во главе с Сюй Шоухуэем. Это дало возможность Юаньчжану окрепнуть. А к тому времени, когда военные силы Сяо Мин-вана были разгромлены юаньской армией, Чжу Юаньчжан распространил свою власть на юг и юго-восток в ходе наступления на изолированные и разрозненные отряды юаньской армии, создал многочисленную армию и обеспечил ее источниками снабжения. Его войско сделалось могущественной военной силой, обученной, организованной и закаленной в боях, которая вполне могла соперничать с юаньской армией.

Чтобы обезопасить территории, находящиеся под ее контролем, Чжу Юаньчжану прежде всего требовалось на

востоке выбить Чжан Шичэна из Чжэньцзяна, откуда тот мог непосредственно угрожать Интяню, а на юге выбить Сюй Шоухуэя из района Нинго, который вклинивался в его территорию, как нож в спину. Прежде всего Юаньчжан, укрепившись в Интяне, направил войско во главе с Сюй Да на Чжэньцзян. Когда Сюй Да взял Чжэньцзян, он строго запретил войскам обижать население, поэтому народ оставался спокойным, уличная жизнь и торговля шли по-прежнему, как будто и не было никакой войны. Во всех окрестных городах жители, узнав, что армия Чжу Юаньчжана не убивает население и соблюдает строгую дисциплину, вздохнули свободнее. Все это способствовало новым успехам и укреплению позиций Чжу Юаньчжана. Подвластная ему территория непрерывно расширялась, его экономическая база и военные силы крепили с каждым днем. Его полководцы взяли Чансин и Чанчжоу, а он сам — Нинго; постепенно были захвачены Цзяньинь, Чапжэ, Чичжоу, Хуэйчжоу, Янчжоу. В 3-й год Лунфэн (1357 г.) в течение одного года были захвачены все стратегические пункты вокруг Интяня; они стали форпостами для дальнейшего расширения территории. На востоке была создана стратегическая линия обороны — от Цзяньиня вдоль озера Тайху на юг до Чансина, — перекрывавшая Чжан Шичэну вторжение на запад; в Нинго и Хуэйчжоу была размещена большая армия в качестве подготовительной меры к вторжению в восточный Чжэцзян; в западных районах, пограничных с государством Тяньвань (так назвал свое государство Сюй Шоухуэй), была принята тактика обороны во имя будущего наступления; на севере стояла дружественная армия, а потому туда была направлена малая часть войск лишь для поддержания порядка на местах. Юаньчжан верно оценил обстановку, сконцентрировал силы и направил удар на юг, где уничтожил изолированные и беспомощные юаньские войска в восточном Чжэцзяне. Так, за один год положение радикально изменилось в его пользу. Занимая новые земли, Юаньчжан непременно посещал местных конфуцианцев и привлекал их к себе как мягкими, так и крутыми мерами: им предлагалась работа при его ставке в качестве секретарей, советников, консультантов; тех же, кто выказывал преданность, назначали старшими чиновниками на места. При падении Хуэйчжоу старый конфуцианец Чжу Шэп сказал Юаньчжану три фразы: «Строй стены выше. Запа-

сай больше зерна. Не спеши назваться князем». Смысл их был в том, что следовало укрепить тыл, заботиться о сельском хозяйстве и быть умеренным в целях. Этим советом воспользовался Чжу Юаньчжан.

Вскоре после переправы его войска через Янцзы начались трудности в связи с нехваткой зерна. Повсюду уже несколько лет шла междоусобная война, многие мужчины ушли из деревень в войска, повсеместно ощущалась острая нехватка рабочей силы; вдобавок ко всему в результате военных действий многие плотины были разрушены, тягловый скот истреблен и резко упало производство зерна. Войско Юаньчжана снабжалось на местах расквартирования и было вынуждено прибегнуть к реквизициям, расклеивая повсюду объявления к населению с требованием сдавать зерно и сено войску. Но чем больше зерна изымалось у крестьян, тем больше они разорялись, отчего производство зерна снижалось и армия не могла есть досыта.

Подобная ситуация была повсеместной, в Янчжоу «армия синих» дошла даже до людоедства. Войско Чжу Юаньчжана в походе не получало зерна. Он дал приказ: «При вступлении на вражескую территорию следует собирать фураж. Если город оказывает сопротивление, то полководцы и воины получают право «полной реквизиции», то есть все в нем принадлежит им. Если же сдается, приказываю успокоить народ и ничего не брать. Только так можно побудить воинов стремиться вперед, брать все города и побеждать во всех боях». Под военными поставками имелись в виду поставки зерна для воинов. При реквизиции отбирали все дочиства, ничего не оставляя. Некоторые возражали против такой практики, считая, что сбор поставок был невыносим для народа и не оправдывал себя. Юаньчжан подумал вместе с приближенными и остановился на старом способе: «широко запастись зерно», то есть, помимо сбора продовольствия с народа, войско само должно было заняться производством зерна. В древних книгах имелись записи о военных поселениях, где производилось зерно для армии, то был хороший опыт. Чжу Юаньчжан стал рассылать военачальников в разные места с целью организовать обработку залежных земель и целины силами солдат и установил правило, что войскам нужно и сражаться, и пахать, и, кроме обеспечения довольствием, также запастись зерно впрок. Через год созданные им военные поселения получили 15 тыс. даней зерна, из

них 7 тыс. даней могли пойти в запас. Юаньчжан отдал приказ о наградах, в котором указал, что надо покончить с нехваткой зерна и создавать военные поселения, чтобы облегчить бремя крестьян и обеспечить воинов достаточным питанием. Через несколько лет военные поселения повсеместно процветали, хранилища были наполнены, и армия обеспечена продовольствием. В 5-ю луну 6-го года Лунфэн (1360 г.) приказом было запрещено взимать в уездах с крестьян зерно в счет военных поставок, и крестьянство было этим очень довольным. Было исправлено много ирригационных сооружений, в связи с чем возросла и продуктивность сельского хозяйства. В ополченцы отбиралась крепкая молодежь, которая в сезон полевых работ трудилась на полях, а в свободное от страды время проходила военное обучение, чтобы уметь поддерживать порядок на местах. Таким образом, регулярная армия получила возможность сосредоточить силы для походов.

Когда военная угроза извне ослабла и производство зерна на своей территории было обеспечено, Юаньчжан предпринял наступление на плодородные рисовые житницы и шелкопроизводящие районы восточного Чжэцзяна. Сначала были захвачены уезды вокруг Ваньняня. Затем была занята область Цзяньдэ, которую переименовали в Яньчжоуфу. Передовые войска достигли Пуцзяна, охватывая Юйчжоу с фланга.

Во 2-ю луну 4-го года Лунфэн (1358 г.) Юаньчжан повел армию в 100 тыс. человек на Юйчжоу. Когда город был осажден, конфуцианец того же уезда Ван Цзунсянь явился сказать, что между военачальниками в городе нет согласия. На второй день осажденные открыли ворота и сдались. Перед тем как вступить в город, был отдан приказ, запрещающий грабежи, и, когда некий Хуан, сановник, хранитель печати, отобрал имущество для себя, ему немедленно отрубили голову. Через несколько дней был созван большой военный совет военачальников, на котором Юаньчжан сказал: «Чтобы умиротворить Поднебесную, следует соблюдать гуманность и справедливость; опираясь только на военную силу, поддержки народа не добиться. В боях и при штурме городов надо применять оружие, но, чтобы успокоить сердца людей, следует быть гуманным. По мере возможности следует позаботиться, чтобы население радовалось, когда попадает под нашу власть, и тогда другие области и уезды, узнав об этом, подчинятся

нам сами. Если мы сможем достичь этого, то совершим великое дело и умиротворим Поднебесную».

Более двухсот лет Юйчжоу был центром конфуцианства, многие знаменитые ученые были отсюда родом. Многолетние междоусобные войны заставили конфуцианцев рассеяться на все четыре стороны, поэтому никто уже более не учил здесь наукам. Юаньчжан попросил 13 местных известных ученых вести беседы о конфуцианских канонах и истории. Он учредил специальную школу и пригласил ученых стать в ней учителями и наставниками.

В 5-ю луну 5-го года Лунфэн (1359 г.) Сяо Мин-ван дал Чжу Юаньчжану звание левого министра провинциального правительства, ведающего делами южнее Янцзы. В 8-ю луну войска Юаньчжана, расположенные в восточном Чжэцзяне, взяли Чжунци, Цюйчжоу и Чучжоу, ликвидировав изолированные опорные пункты юаньской армии на юго-востоке. Теперь территория его граничила на севере и востоке с базой Чжан Шичэна, на западе с базой Чэнь Юляна, на юго-востоке с базой Фэн Гочжэня и на юге с базой Чэнь Юдина. Из четырех враждебных соседей Чжан Шичэн был самым богатым, Чэнь Юлян — самым сильным, а Фан Гочжэнь и Чэнь Юдин заботились лишь о сохранении собственной самостоятельности и не имели далеко идущих планов на будущее. Поэтому Юаньчжан изменил военные планы в соответствии с обстановкой: на юго-востоке он перешел к обороне, а на северо-востоке и западе — в наступление. Используя против врагов разную тактику, Юаньчжан проявлял инициативу и создавал себе преимущество. Хотя восточный Чжэцзян уже в основном был усмирен, представители местной знати, пользовавшиеся известностью и влиянием: Е Чэнь, Чжан И, Лю Цзи и другие, — укрывались в горах и не соглашались выходить к победителю. Юаньчжан отправил к ним посланцев, чтобы пригласить к себе с почетом. Все они были помещиками, противниками «красных войск» и имели собственные войска, но воинов в них было мало, и оказать сопротивление они были не в силах, поэтому сражаться против «красных войск» они не посмели и, чтобы переманить их на свою сторону, оказалось достаточно уговоров и посулов.

В 3-ю луну 6-го года Лунфэн (1360 г.) трое конфуцианцев неохотно прибыли в Интянь. Их приезду Юаньчжан

очень обрадовался, он построил особую палату мудрецов, где их разместил. Все они были помещиками и чиновниками юаньской династии, местными богачами и представителями знати. Они решительно поддерживали старый режим и порядки, ненавидели «красные войска» и называли их «злыми оборотнями», «красным врагом», «красными оборотнями». Они энергично создавали помещичьи армии, организовывали сельских ополченцев и добровольцев (сянбинов и ибинов), помогали правительству юаньской династии бороться против «красных войск». Только после полного уничтожения военных сил юаньского правительства в восточном Чжэцзяне, потеряв опору и боясь мести со стороны «красных войск», они вышли из укрытий в горных ущельях. Юаньчжану пришлось многократно посылать гонцов, обещать прощение старых грехов, а при условии перехода к нему на службу обещать безопасность семьям, сохранение имущества, назначение на чиновничьи должности, чтобы совместно управлять Поднебесной. Когда они поняли, что эта новая власть не враждебна помещикам, а напротив, ее интересы полностью совпадают с их интересами, у них полегчало на душе, к тому же Юаньчжан был внимателен и щедр, прислушивался к их мнению, и они хотя и неохотно, но поступали к нему на службу. Опираясь на мощные военные силы Чжу Юаньчжана, они стремились создать единое государство, чтобы наслаждаться мирной и спокойной жизнью, стремились с помощью новой власти укрепить и сохранить тысячелетний феодальный строй, культуру и обычаи, защитить классовые интересы помещиков. В прошлом они в сотрудничестве с юаньским правительством вели решительную борьбу против «красных войск», но теперь, поскольку Чжу Юаньчжан намеревался осуществить их желания, присоединились к Юаньчжану и повели борьбу за свержение юаньской династии. Поддержка и сотрудничество части старого помещичьего класса с Юаньчжаном вели к дальнейшему ослаблению сопротивления юаньского двора; переход Лю Цзи и других видных представителей помещиков гарантировал также твердый порядок на местах. Таким образом, вслед за военными победами и расширением подвластной территории все больше представителей интеллигенции из помещичьего класса присоединялось к Чжу Юаньчжану, а его военные силы становились все крепче и одерживали новые, еще большие победы. В то

же время подчиненные Юаньчжану военачальники, в большинстве своем последователи религии Минцзяо, хотя и ненавидели старый помещичий класс, стали занимать высокое положение, приобретать рабов, земли и прочее имущество и превращаться в новых помещиков. Сотрудничество части старого помещичьего класса с этими новыми помещиками постепенно коренным образом изменило сущность политической власти Чжу Юаньчжана: она все более превращалась в политическую власть класса помещиков. Новая политическая власть стала ко всем вопросам подходить с точки зрения интересов помещичьего класса, подчиняя им интересы крестьянства. В то же время борьба с династией Юань способствовала сплочению всех помещиков, крестьян и интеллигентов, что ускоряло конечную победу. Чжу Юаньчжан твердо решил добиваться сотрудничества с помещичьим классом и опираться на конфуцианскую идеологию, чтобы основать и укрепить собственную династию.

Пока военные силы Сяо Мин-вана были еще значительными и могли на северном фронте сковывать юаньскую армию и обороняться, Юаньчжан продолжал формально подчиняться ему и, издавая приказы и распоряжения, исходил из «священных повелений императора». Когда же военные силы Сяо Мин-вана были уничтожены юаньской армией, Чжу Юаньчжан резко изменил позицию и целиком перешел на позиции класса помещиков, устно и письменно клеймя «красные войска» как «врагов» и «злодеев». Он непрерывно поминал Конфуция и Мэнцзы, провозглашал себя восстановителем старых порядков и защитником старой культуры. Он все более подвергался воздействию интеллигенции, вышедшей из среды старого феодально-помещичьего класса, и все более воспринимал конфуцианство, обслуживавшее интересы господствующего класса феодального общества.

От гуна до князя

1. Решающая битва на озере Поянху

Когда восстание в Юаньчжоу потерпело поражение в 4-м году Чжиюань (1338 г.), руководитель секты Майтрейи Пэн Инъюй бежал в район Хуайси и, скрываемый местным населением, начал тайно проповедовать свое учение и создавать вооруженные отряды, готовя еще более крупное восстание. Это был человек твердых убеждений и сильной воли, обладавший талантом оратора и умевший организовать, убедить и воодушевить людей. Живя среди крестьян, он постоянно беседовал с ними, говоря им об их страданиях, убеждал, что власть династии Юань непременно будет свергнута народом, и вселял надежду и веру в этих людей, терпящих бедствия и лишения. Пэн Инъюй в труднейших условиях вел пропаганду четырнадцать лет, и вокруг него сплотились десятки тысяч людей, изнемогающих от тяжелого труда. В 11-м году Чжичжэн (1351 г.) он создал западную группировку «красных войск» и поднял знамя восстания.

Пэн Инъюй выдвинул в руководители секты бывшего коробейника Сюй Шоухуэя, сказав, что он — перевоплощение Майтрейи и должен стать владыкой в мире людей.

В 8-ю луну того же года (1351 г.), когда все приготовления были закончены, члены секты зажгли курительные свечи, приняли клятву от своих людей и начали военные действия против монголов. Заняв Цишуй и Хуанчжоу, повстанцы сделали город Цишуй своей столицей и назвали его Ляньтайшэн (Ставка лотосовой башни). Они поставили Сюй Шоухуэя императором, назвав новую династию Тяньвань, а эру правления — Чжицин. Затем повстанцы захватили города Цзянчжоу (ныне Цзюцзян, пров. Цзянси), Жаочжоу (ныне Поян, пров. Цзянси), Синьчжоу (ныне Шанжао, пров. Цзянси), Юаньчжоу и Хуйчжоу. В 7-ю луну 12-го года Чжичжэн (1352 г.) они, сконцентрировав силы в Жаочжоу и Хуйчжоу, захватили Ханчжоу. Теперь территория государства Тяньвань охва-

тывала современные провинции Хубэй, Хунань и Цзянси, южную часть провинции Аньхой и северо-западную часть провинции Чжэцзян. В войсках повстанцев была хорошая дисциплина: они не убивали, не распутничали и не грабили, а только распевали песни о будде Майтрейе. Взяв города, они составляли списки присоединившегося к ним населения, позволяли всем спокойно заниматься своим делом, брали на военные расходы только шелковые ткани и драгоценности из казенных хранилищ и складов и пользовались широкой поддержкой населения.

Когда после взятия Хуйчжоу и Ханчжоу и округов и уездов Чжэси и Чжэдуна отдельными отрядами силы Пэн Инъюя оказались разрозненными, он подвергся внезапному и неожиданному удару юаньских войск. Они развернули наступление на слабозащищенные пункты. «Красные войска» потерпели поражение, Пэн Инъюй пал в бою, Ханчжоу и Хуйчжоу были вновь заняты юаньскими войсками.

После гибели Пэн Инъюя Сюй Шоухуэй, провозглашенный повстанцами императором, потерял голову. Ему показалось, что Цишуй не так пышен для столицы, и он перенес свой двор в Ханьян. Его министр Ни Маньцзы (Вэньцзюнь) установил свой контроль над военными силами повстанцев и превратил Шоухуэя, который теперь не пользовался никакой реальной властью, в марионетку. В 7-м году эры правления Чжипин (1357 г.) Шоухуэй вместе со своей свитой задумал убрать Ни Вэньцзюня, но Ни Вэньцзюню, который также замыслил убить Шоухуэя, донесли об этом, и он во главе своих войск бежал в Хуачжоу. Там командовал гарнизоном его подчиненный Чэнь Юлян, потомственный рыбак, обладавший большой физической силой и слывший искусным воякой. Когда Ни Вэньцзюнь прибежал в Хуанчжоу, район обороны Чэнь Юляна, последний неожиданно напал на него и, убив, присоединил его войска к своей армии. Развернув затем наступление на восток, он занял Аньцин, Чичжоу и Наньчан и вступил в соприкосновение с войсками Чжу Юаньчжана. Между обеими армиями произошли столкновения, военные действия шли с переменным успехом. В 5-ю луну 5-го года эры правления Лунфэн (1360 г.) Чэнь Юлян захватил Тайпин и Цайши и, довольный исполнением своих честолюбивых желаний, стал подумывать о том, чтобы в один прекрасный день занять Иптянь. Он сделал

храм Утунмяо в Цайми своим временным дворцом, провозгласил себя императором, назвал свою династию Хань, выбрал эру правления Даи и овладел полностью территорией Цзянси и Хугуапа.

Из всех повстанческих главарей того времени Чэнь Юлян обладал самой мощной военной силой, самой большой территорией и самыми честолюбивыми устремлениями. Он смотрел на Чжу Юаньчжана, сидевшего в Интяне, как на аиста в клетке, которого можно достать рукой. Через послов он вел переговоры с Чжан Шичэном о том, чтобы начать наступление на Чжу Юаньчжана одновременно с запада и востока с целью захватить и поделить контролируемую им территорию. У Чэнь Юляна во флоте были большие суда, называвшиеся «драконы, бороздящие воды Янцзы», которые, как говорили, могли запрудить реку. У него было также более 100 крупных судов и несколько сот больших боевых джонок. Поистине он мог «бросить копыта и запрудить Янцзы», а его «суда и джонок покрывали тысячу ли». Гражданские чиновники и генералы в Интяне перепугались насмерть. Одни полагали, что следует капитулировать перед Чэнь Юляном; другие предлагали бросить Интянь, сохранить военные силы и ждать, что произойдет дальше; третьи говорили, что надо перехватить у Чэнь Юляна инициативу и, ударив по Тайпину, сковать его силы. Наиболее трусливые втайне собирали пожитки, подумывая о том, где найти убежище после взятия города Чэнь Юляном.

После прибытия Лю Цзи в Интянь Чжу Юаньчжан запросил его мнение о военном положении города. Лю Цзи проанализировал обстановку на западе и востоке и сказал Чжу Юаньчжану: «Чжан Шичэн тупица, и у него нет больших планов. Он будет думать лишь о том, как удержать занятую территорию, и не предпримет действий против вас, так что пока можно не обращать на него внимания. Чэнь Юлян — главный и опасный враг, полный честолюбивых замыслов. У него отборные солдаты и большие суда, которые находятся выше нас по течению. В такой обстановке надо перехватить военную инициативу, ударить по главному врагу, сконцентрировать силы и сперва ликвидировать Чэнь Юляна. После этого Чжан Шичэн окажется в изоляции, и можно будет усмирить его одним ударом. После этого разверните наступление на север и захватите Центральную равнину. Так сможете успешно

завершить дело объединения Поднебесной под своей властью». Чжу Юаньчжан одобрил это предложение.

Для того чтобы нанести удар по Чэнь Юляну, лучше всего было заставить его самого первым перейти в наступление и создать благоприятную расстановку сил на поле боя. Генерал Кан Маоцай был старым другом Чэнь Юляна, а его дальний родственник также в свое время состоял в свите Чэнь Юляна. По приказу Чжу Юаньчжана Маоцай послал этого родственника под видом перебежчика к Чэнь Юляну с посланием, в котором сообщал ложные сведения военного характера и советовал ему наступать на Интянь с трех направлений, чтобы захватить его одним ударом. Юлян обрадовался и спросил родственника, где находится генерал Кан. Когда тот сказал ему, что Кан теперь обороняет мост у восточных ворот Интяна, Чэнь справился, какой это мост — деревянный или каменный, — и узнал, что деревянный. Было условлено, что Юлян начнет наступление на этот восточный мост, а сигналом к наступлению будет клич «Старина Кан!».

Тем временем Юаньчжан послал войска взять Гуансинь (современный Шалжао, пров. Цзянси), чтобы отрезать пути отхода Юляну, и расставил засады из крупных сил на путях наступления последнего. В течение нескольких ночей восточный деревянный мост был разобран и на его месте построен каменный. Все было подготовлено, оставалось только ждать момента, когда Юлян сам бросится в ловушку.

Юаньчжан, находившийся на командном пункте на вершине горы Лулуншань, господствовавшей над окружающей местностью, разработал систему сигналов, приказав по обнаружении противника поднять красный флаг, а войскам, укрывшимся в засаде, атаковать врага после развертывания желтого знамени. Тем временем Юлян, радостный и возбужденный, спешил к восточному мосту во главе основных сил своей армии. Увидев перед собой большой каменный мост, он понял, что его провели, и перепугался. Он все же стал кричать «Старина Кан!», но никто не откликнулся, и он задрожал от страха. Не успел он оправиться от нерешительности, как над горой взвилось желтое знамя, со всех сторон раздались громкие крики и удары в барабаны. Солдаты, находившиеся в засаде, окружили отборные полки Юляна. Они дружно напирали на них с гор, из долины и со стороны реки и в этой битве

уничтожили главные силы армии Юляна. Убитых и утонувших было великое множество, только в плен было захвачено свыше 20 тыс. человек. В это время как раз был отлив; флот Юляна, сев на мель, не смог повернуть назад и весь оказался в руках Юаньчжана.

После того как Юлян потерпел сокрушительное поражение, Чжан Шичэн уже не посмел выступить против Юаньчжана.

В 1-ю луну 7-го года эры правления Лунфэн (6 февраля—7 марта 1361 г.) Сяо Мин-ван пожаловал Юаньчжану почетный титул У-го-гун («герцог владения У»). Между тем Юаньчжан, воспользовавшись победой над войсками Чэнь Юляна, предпринял крупное наступление против последнего. Лично возглавив свою армию, он взял одним ударом Аньцин и Цзянчжоу. Войска, оборонявшие эти города, перешли на его сторону. Сам Юлян бежал в Учан. Теперь все округа и уезды провинции Цзянси и юго-восточная часть Хубэя перешли под контроль Юаньчжана. Территория Чжу Юаньчжана теперь расширялась с каждым днем, а территория Чэнь Юляна сокращалась со дня на день. Таким образом, военная обстановка, сохранявшаяся неизменной в течение ряда лет, переменилась коренным образом. По реальной военной мощи Юаньчжан уже превосходил Юляна.

В разгар кровопролитных боев между армиями Чжу и Чэня в Цзяннани группировка «красных войск» на севере во главе с Сяо Мин-ваном потерпела ряд поражений, и там создалось критическое положение. Главнокомандующий юаньскими войсками Чаган-Тэмур отвоевал у «красных войск» Шэньси и Ганьсу. Воспользовавшись расколом в среде «красных войск», истреблявших друг друга в Шаньдуне, он посулами добился сдачи «красных войск» под командованием Тянь Фэна, занял Шаньдун и усилил тем самым свою военную мощь. Затем он перешел в наступление на столицу государства Сун Бяньлян и взял город штурмом, а Сяо Мин-ван отступил в Аньфэн. (Ранее, после отхода юаньской армии, Аньфэн также перешел в руки «красных войск».)

Военное положение на севере стало для повстанцев критическим. После потери Шаньдуна создалась опаснейшая ситуация: стала невозможной защита столицы Сяо Мин-вана Аньфэна и перед противником открылся путь на опорную базу Юаньчжана Итянь. В последние годы

стабильность в районах, занятых Юаньчжаном, целиком зависела от прикрытия с севера главными силами «красных войск» Сяо Мин-вана. Теперь обстановка там резко изменилась: в случае падения Аньфэна Юаньчжану пришлось бы непосредственно противостоять наступлению главных сил юаньской армии. Когда он оценил соотношение сил, то разница в реальной силе его противника оказалась слишком большой. Поэтому он решил всеми доступными способами уклоняться от сопряженных со смертельной опасностью решительных сражений с главными силами юаньской армии, вступать в переговоры с противником, когда он далеко, и атаковать его, когда тот близко. В этих условиях Юаньчжан решил установить мир с Чаган-Тэмуром и дважды отправлял к нему послов с богатыми дарами и личными посланиями, прося установить дружественные отношения. По возвращении послов ему стало известно, что «красные войска» в Иду самоотверженно обороняются и что город пока не пал, а у Чаган-Тэмур до захвата этого важного опорного пункта наверняка не будет дополнительных сил, чтобы наступать на Аньфэн. Правильно оценив обстановку на севере и успокоившись, Юаньчжан решил сначала напасть на Чэнь Юляна и добить его.

Между тем посол Чаган-Тэмур, министр финансов юаньского правительства Чжан Цян прибыл морем в Чжэдун с винами из императорских складов, шапкой с восемью шариками из драгоценных камней для Юаньчжана и с императорским указом о назначении его главой провинциального правительства Цзянси. Однако он прождал целый год у Фан Гочжэня разрешения проследовать дальше — последний дважды посылал людей к Чжу Юаньчжану с сообщением о прибытии юаньского посла, но Юаньчжан оставлял доклады без внимания, ожидая перемен в военной обстановке на севере. И только в 12-ю луну 8-го года Лунфэн (1363 г.) Чжан Цян со всем посольством прибыл в Интянь из Цзянси. К этому времени Чаган-Тэмур уже был убит, а главнокомандующим по наследству был назначен его приемный сын Коко-Тэмур (племянник Чаган-Тэмур, ранее звавшийся Ван Баобао). Вскоре было получено донесение, что Коко-Тэмур и другой главнокомандующий, Болот-Тэмур, отчаянно враждуют друг с другом, и стало очевидно, что юаньская армия не пойдет на юг. Именно это успокоило Чжу Юаньчжана,

заставило его изменить решение и подготовить план военных действий.

Когда Чжан Цян прибыл в Интянь с официальным приказом юаньского императора о назначении Юаньчжана, тот в это время получил письмо от уроженца Нинхая Е Дуя, который советовал ему не принимать чиновничьего поста от Юаней, и создать свою собственную династию. Кроме того, он предложил такой стратегический план:

«Следовало бы на Юге присоединить владения Чжан Шичэна, умиротворить Вэньчжоу и Тайчжоу, захватить Фуцзянь и Чжэцзян, основать столицу в Цзянькане (Цзиньлине), расширить земли по рекам Цзян и Хань, совершать походы на Север и при отступлениях организовывать оборону по Янцзы. Ведь Цзиньлин в древние времена назывался местом, где извивается дракон и восседает тигр, и был столицей императоров и царей. Используя военные и материальные ресурсы города, можно прочно удерживать его при обороне, и тогда даже сто Чаганов не сравнятся с нами. Янцзы — превосходный естественный рубеж и не вызывает тревог. Обороняя район Хуайхэ, можно тем самым защищать и район Янцзы. Что касается уничтожения Чжан Лянби, то с этим пока можно подождать. Когда области Хуайдуна присоединятся к нам и мы захватим Центральную равнину на Севере, командующий Ли Сыци может присоединиться к нам.

Целей должно быть три. Лучше всего объявить о намерении внезапно захватить Ханчжоу, Шаосин, Хучжоу и Сючжоу и в то же время главными силами армии нанести удар прямо по Пинцзяну. Если стены города крепки и трудно быстро взять их, то следует осадить его, построить вокруг Пинцзяна линию заграждений, разместить там войска, которые бы, обрабатывая поля, прочно держались и перерезали пути в город и из города, направить отряды в окрестные районы, захватить их и собирать там налог зерном для снабжения армии. Сидя в осажденном городе, противник неминуемо будет изнурен! Когда Пинцзян падет и логово Чжана будет разорено, то Ханчжоу и провинция Чжэцзян обязательно сдадутся. Это первая цель.

Важнейшая база Чжан Шичэна расположена в Шаосине, а Шаосин — это приморский район, который к тому же трудно доступен, тем более, что пути подвоза продовольствия туда проходят через Саньдоу и Цзянмэн. Если одной армией атаковать Пинцзян и перерезать пути подвоза

продовольствия, а другой армией атаковать Ханчжоу и перерезать пути переброски подкреплений, то Шаосин непременно будет захвачен. Атакуя в Сучжоу и Ханчжоу, Вы захватите Шаосин, а это называется вести наступления на других направлениях, чтобы ввести в заблуждение противника относительно главной цели. Когда Шаосин будет взят и Ханчжоу изолирован, то Хучжоу и Сючжоу повалятся к Вашим ногам, как от ветра. Когда затем Вы развернете наступление на Пинцзян и захватите этот важнейший центр, остатки врагов к северу от Янцзы рассыплются сами. Это вторая цель.

Фан Гочжэнь — алчный волк, и его невозможно приручить. Когда в прошлом Ваша великая армия заняла Учжоу, он тут же с готовностью и почтением принял Ваше письмо обеими руками и объявил себя Вашим подданным. Когда Вы впоследствии отправили к нему послов, то он снова проникся подозрениями и не подчинился. Напротив, он отправил морем послов к Юаням с сообщением, что области Цзиндуна уполномочили его сообщить об их подчинении власти Юань, и добился того, что Чжан Цян прибыл к Вам с императорским указом, а одновременно прислал к Вам еще посредника, чтобы уговорить Вас принять императорский указ. Он то переходит на нашу сторону, то призывает нас перейти на сторону Юаней. Поскольку он так вновь и вновь лукавит, надо поднять войска и наказать его! Но он опирается на флот и, узнав о прибытии войск, тут же с семьей уйдет в море. Ныне, пока Ваш посол ведет переговоры с ним от Вашего имени, как раз можно было бы внезапно ударить по нему и покорить его. Дело это срочное, не следовало бы медлить.

Область Фуцзянь первоначально составляла единое целое с областью Чжэцзян, там войск мало и города незначительны. Если усмирить Чжэцзян, то Фуцзянь сама возьмет намерение присоединиться, и склонить ее к этому будет нетрудно. Если же она станет медлить, то нужно отправить великую армию через Вэньчжоу и Чучжоу, а остальные войска — морем, и ее центр Фучжоу будет взят наверняка. Если же падет Фучжоу, то остальные районы легко сдадутся. Когда прогремит молва о могуществе, легко будет развернуть наступление на Гуандун и Гуанси и взять их».

Е Дуй, конечно, не знал, что Юаньчжан дважды отправлял посольства к Чаган-Тэмуру с целью установить

дружественные отношения с ним, как и не знал того, что прибытие Чжап Цяна есть результат отправки этих посольств Юаньчжаном. Ему тем более не было известно, что Юаньчжан в связи со смертью Чаган-Тэмур и междоусобной войной между Кокот-Тэмуром и Болот-Тэмуром изменил свое намерение перейти на сторону Юаней. Но разработанная Е Дуем стратегия наступления на различные районы и захвата их была плодом глубоких, зрелых размышлений и, несомненно, поучительна. Когда впоследствии Юаньчжан усмирал юго-западные округа и Гуандун и Гуанси, то его тактические приемы и последовательность операций действительно немногим отличались от предложенных Е Дуем. Выступление Е Дуя против капитуляции Юаньчжана перед Юанями к тому же отражало взгляды части китайской феодальной интеллигенции того времени, выступавшей против династии Юань и требовавшей объединения страны и мирной жизни. Одновременно оно объясняет причины, по которым часть феодальной интеллигенции того времени, так решительно действовавшая против «красных войск», вдруг переменяла позицию и, напротив, стала поддерживать Чжу Юаньчжана.

Возвратимся, однако, к положению дел в группировке «красных войск» во главе с Сяо Мин-ваном. С тех пор как Сяо Мин-ван был провозглашен императором, Лю Футун захватил в свои руки решение всех важных военных вопросов у повстанцев. Футун был смел, решителен, способен поднимать людей в атаку и одерживал победы над противником, но оказался не в состоянии сплотить армию, установить единое командование войсками и примирить враждующих между собой генералов. Заняв много городов, он не смог создать эффективную систему административного управления ими. Командующие, которые во главе армий отправлялись в походы на территорию противника, были из числа его друзей и родственников и не все беспроблемно подчинялись ему. Когда большая армия посылалась в наступление широким фронтом, то уходила в глубь территории противника, отрывалась от своих тылов, распыляла силы и уничтожалась противником по частям. Когда армия терпела поражение, то она бежала в беспорядке и попадала в окружение. Хотя армия иногда занимала большую территорию, но последняя не укреплялась, и ее различные районы оказывались вскоре под ударами юаньских войск. Потерпев поражение, некоторые генера-

лы из-за боязни наказания предпочитали переходить на сторону врага и, повернув оружие, сражались с «красными войсками».

Когда группировка «красных войск» вторглась в Корею и встретила там решительное сопротивление со стороны войск и населения, она вынуждена была отойти назад, напала по пути на Шанду, была разгромлена Болот-Тэмуром и сдалась ему.

В распоряжении Сяо Мин-вана и Лю Футуна оставалось только та расквартированная в Шаньдуне часть вооруженных сил, которая обороняла Аньфэн. После осады Иду большой армией Коко-Тэмюра положение Аньфэна стало критическим, и Лю Футун лично повел подкрепление осажденным, но был разгромлен и бежал. Если бы пал Иду, то Аньфэн оказался бы изолированным. Когда во 2-ю луну 9-го года Лунфэн (1363 г.) один из командующих Чжан Шичэна осадил Аньфэн, в городе быстро кончились запасы продовольствия, не было подкреплений, войска и население голодало. Город не мог дольше выдерживать осаду, и Лю Футуну ничего не оставалось делать, как послать к Юаньчжану просьбу направить подкрепление в Аньфэн и снять осаду города.

До выступления войск Юаньчжана в поход к Аньфэну Лю Цзи настойчиво удерживал его от этого шага. Он считал, что великая армия не должна так легко оставлять базу, так как, если Чэнь Юлян нападет на базу, армия окажется в критическом положении. Кроме того, говорил Лю Цзи, вызволите Сяо Мин-вана — куда его денете потом? Оставьте его императором? Или посадите в тюрьму? Или убьете? Если последнее, то незачем спасать его! Если первое, то не иначе как хотите добровольно стать пешкой, понапрасну посадить над собой начальство — надеть на себя узду, потерять свободу и инициативу! А Юаньчжан считал, что если будет потерян Аньфэн, то Интянь потеряет прикрытие, и что поэтому спасение Аньфэна и есть защита Интяня. И он лично повел армию на выручку Аньфэна. Еще до похода его армии войска Чжан Шитэна внезапно нанесли удар по защитникам Аньфэна и убили Лю Футуна. Подоспевший Юаньчжан во главе своей армии упорно бился с ними, и они, не выдержав, обратились в бегство. Юаньчжан, встретив Сяо Мин-вана выставленными для него императорскими экипажами с бубенцами, императорскими зонтами и веерами, поехал с ним в

Чучжоу, выстроил там дворец для него, доставил туда щедрое угощение и заменил всех евнухов и слуг там своими людьми. Внешне он оказывал императору почести, а фактически держал его в заточении.

В то время когда Юаньчжан пошел на выручку Аньфэну, Чэнь Юлян, воспользовавшись его отсутствием, развернул наступление, осадил Хунду (современный Наньчан в провинции Цзянси) большой армией и занял города Цзиань, Линьцзян и Увэйчжоу. Он специально построил несколько сот больших судов высотой до нескольких футов, сплошь покрытых красным лаком, с десятками весел и тремя палубами. Эти корабли вмещали от двух до трех тысяч человек. Полагая, что он обязательно победит, Юлян взял с собой даже детей и всех чиновников, собрав приблизительно 600 тыс. человек. Городские стены Хунду первоначально примыкали вплотную к реке Ганьцзян, и, когда в прошлый раз Юлян штурмовал их, его солдаты, воспользовавшись тем, что вода поднялась и что у них были высокие корабли, влезли на городские стены с палуб кораблей, и город был захвачен ими. После того как Хунду был отвоеван обратно, Юаньчжан приказал немедленно перестроить стены и отодвинуть их от берега реки на тридцать шагов. Когда на этот раз армия Чэнь Юляна пошла в новое большое наступление, ее большие корабли не могли пристать к городским стенам, и войскам ничего не оставалось делать, как высадиться на берег, осадить и штурмовать город. В течение восьмидесяти пяти дней они штурмовали городские стены, многократно делали проломы, но врывавшиеся солдаты каждый раз отбрасывались назад. Защитники города заделывали проломы в стенах под прикрытием деревянных навесов, а когда навесы захватывал противник, им приходилось строить стену, одновременно сражаясь с врагом. И те и другие бились, ступая по трупам. Сражения были ожесточенными, обе стороны несли тяжелые потери. Хотя Хунду был изолирован от основных сил армии Чжу Юаньчжана и не получал никаких подкреплений, город, как неприступный утес, преградил путь армии Чэнь Юляна, не давая ей продвинуться вперед ни на один шаг. Битва продолжалась вплоть до 7-й луны (1363 г.), когда Юаньчжан лично пришел на выручку городу во главе большой армии. Только теперь неприятельская армия неохотно сняла осаду и повернула к озеру Поянху для встречного боя с Юаньчжаном.

На озере Поянху произошла битва, в которой главные силы обеих армий в течение тридцати шести дней ожесточенно бились между собой не на жизнь, а на смерть. Она была решающей для обеих сторон.

За четыре дня до начала решающего сражения Юаньчжан, расставив засады, заблокировал протоку из озера Поянху в Янцзы и тем самым преградил путь отхода для противника. Что касается состояния обеих армий, то войска Чэнь Юляна насчитывали около 600 тыс., а юаньчановские около 250 тыс. человек. У армии Чэнь Юляна были большие и высокие корабли, которые выстроились сплошной цепью на протяжении более чем 10 ли, тогда как у Юаньчжана имелись лишь небольшие джонки. Как в живой силе, так и в снаряжении Юаньчжан уступал противнику. Но у него были и преимущества. Например, боевой дух солдат. У усталой и изнуренной армии Чэнь Юляна, которая, находясь в тяжких боях в течение трех месяцев у стен Хунду, не смогла продвинуться вперед ни на вершок и понесла тяжелые потери, сильно была поколеблена вера в победу, а в армии Юаньчжана, пришедшей на выручку городу, находящемуся в критическом положении, и идущей в решающую битву не на жизнь, а на смерть, боевой дух солдат был высок. В армии Чэнь Юляна десятки больших судов, связанных между собой железными тросами, не отличались ни скоростью, ни маневренностью, хотя волны были им не страшны, а небольшие джонки Юаньчжана брали на борт мало людей, но ими было легко управлять и маневрировать, и они, уступая судам противника в водоизмещении, превосходили последние в маневренности. В соотношении сил важное значение имела возможность пополнения запасов продовольствия. У армии Чэнь Юляна, отрезанной от тыла, запасы были на исходе, и бойцы были измождены; войска Юаньчжана непрерывно снабжались со стороны Хунду и тыла, солдаты ели досыта и, естественно, дрались хорошо.

В тактике Юаньчжана важное значение имела огневая атака, во время которой большие неприятельские корабли поджигались с помощью зажигательных сосудов. Среди последних были начиненные порохом зарядами зажигательные стволы, зажигательные стрелы, большие и малые зажигательные копья, зажигательные трубы «генерал» и петарды различных размеров. Имелся также зажигательный снаряд — так называемый мо-най-хэ (никуда не

уйдешь). Это был цилиндр из тростниковых матов 5 чи в окружности и 7 чи в длину, оклеенный тряпкой или бумагой, обвязанный шелковыми или льняными бечевками и начиненный зажигательными сосудами с фитилем. Он подносился к мачте на бамбуковой жерди и привязывался к ее верхней части. При подходе к неприятельскому кораблю зажигали шнур и обрубали веревку, на которой висел цилиндр, и последний падал на неприятельское судно. Одновременно бойцы метали сосуды с зажигательной смесью на корабль, который сгорал дотла, так как команда не успевала тушить возникшие пожары. Кроме того, Юаньчжан применял в бою начиненные порохом и сухим камышом джонки, на которых добровольцы врываются в строй неприятельских судов и поджигали их. В дневном бою Юаньчжан использовал в качестве сигналов для передачи команд знамена и флаги, а в ночном — факелы и фонари, на дальнее же расстояние сигналы передавались катапультами и металлическими барабанами, и у него вся армия действовала дружно. В ближнем бою бойцы разделялись на одиннадцать отрядов, каждый из которых выстраивался в несколько эшелонов и имел на вооружении стволы с порохом, длинные луки и большие арбалеты. Солдаты сперва стреляли по противнику из стволов с порохом, затем из луков и арбалетов и в довершение всего шли в рукопашную, пуская в ход короткие мечи. Гремели боевые кличи; стрелы падали, как дождь; грохотали, как гром, взрывы катапультированных снарядов; сверкали и мелькали мечи; резня шла вовсю — такая, что покраснели даже воды Поянху. Бойцы обеих армий прыгали с корабля на корабль; над головами их все время пролетали зажигательные стрелы, катапультированные снаряды с порохом и камни, перед глазами непрерывно сверкали и двигались ножи и мечи, в ушах стоял сплошной стук от ударов и крики. В озере плыли трупы убитых бойцов и командиров и барахтались и кричали о помощи выбивающиеся из сил раненые. То десятки белых судов Юаньчжана окружали красные корабли ханьской армии, то опять красные гнались за белыми, то и те и другие сбивались в кучи, и в беспорядке боя невозможно было различить, что творится. В иные дни казалось, что белые берут верх, а в иные — что красные имеют превосходство. Обе армии жестоко бились изо всех сил с переменным успехом, и, несмотря на большое число убитых и раненых с обеих сторон, ни

одна не хотела отступать ни на шаг. В течение последних дней битвы у ханьской армии уже не было продовольствия, и на военном совете один из генералов Юляна предложил сжечь флот, высадиться на берег всей армией и отступить в Хунань, а другой генерал стоял за продолжение сражения. Юлян согласился с предложением отступить по суше. Тогда второй генерал, испугавшись наказания, сдался Юаньчжану во главе своих воинов. Вслед за ним капитулировал и первый генерал вместе со своими солдатами. Когда силы еще более убыли, Юлян, решив отвести войска, захотел пробиться из озера через протоку в Янцзы, но оказалось, что перед ним все пространство покрыто белыми судами, и он подвергся ударам с фронта и тыла. В разгар ожесточенного боя Юлян, желая лично выяснить обстановку, высунул голову из каюты и был убит шальной стрелой. Один из генералов Юляна взял на борт его групп и вместе с наследником престола Чэнь Ли бежал обратно в Учан.

Хотя Юаньчжан одержал победу в этой битве, она досталась ему дорогой ценой. Только за день боев 21-го дня 7-й луны (30 августа 1363 г.) красные потеряли 60 тыс. человек, а белые свыше 7 тыс. человек; были убиты многие храбрые генералы. На второй день после гибели Юляна Юаньчжан возжег курительные свечи и помолился Небу, угостил командиров и бойцов и обещал им, что в будущем, когда Поднебесная составит одну семью, они насладятся богатством и знатностью и будут назначены на должности больших чиновников.

После гибели Чэнь Юляна остатки его армии были уничтожены в считанные дни, а Чжан Шичэн, заботясь о своем владении, был способен только обороняться и не мог причинить ущерба Юаньчжану. На севере армии Кокотэмура и Болот-Тэмура бились между собой из-за территорий. Территория Юаньчжана расширялась с каждым днем, усложнялась и созданная им административная система. Его титул У-го-гун уже перестал соответствовать фактическому положению Юаньчжана, и он решил присвоить себе титул вана (князя). Вопрос заключался в том, каким ваном ему величаться. В 9-ю луну (1363 г.) Чжан Шичэн уже провозгласил себя У-ваном (князем владения У), а Интянь некогда был столицей государства У, созданного в свое время Сунь Цюанем. Пришлось поэтому и Юаньчжану титуловаться У-ваном.

В 1-ю луну 10-го года Лунфэн (1364 г.) Юаньчжан провозгласил себя князем У и создал свое правительство. Теперь одновременно существовали два У-вана, и в народе стали называть государство Чжан Шичэна Восточным У, а государство Юаньчжана — Западным У. Было унифицировано обмундирование армии. Если раньше отличительными знаками солдат «красных войск» были только красные платки, а остальная одежда — что придется, то теперь боевые куртки и боевые передники командиров и бойцов, так же как боевые знамена, должны были быть красного цвета. Командиры и бойцы обязаны были носить красные кожаные шапки с широким верхом и прикрепленными к ним флажками, на которых было написано два слова — «свирепый и неистовый».

Во 2-ю луну 10-го года Лунфан (1364 г.) Юаньчжан лично повел большую армию, состоявшую из сухопутных войск и речной флотилии, в карательный поход против Инчана и, когда сын Юляна Чэнь Ли сдался без боя, создал из его бывших владений провинцию Хугуан. Наконец-то огромная территория, ранее принадлежавшая Юляну, целиком перешла во владения Юаньчжана.

2. Захват Восточного У

После захвата владений Чэнь Юляна очередным объектом нападения стал Чжан Шичэн в Восточном У.

Анализируя вместе со своими советниками военную обстановку, Юаньчжан рассуждал так: «В Поднебесной воюют Болот-Тэмур в Хэбэе, Коко-Тэмур в Хэнаши, а Ли Сыци и Чжан Ляпби — в Гуаньчжуне. Войска в Хэбэе многочисленны, но не дисциплинированы. Хэнапская армия более дисциплинирована, но ей не хватает мощи. В Гуаньчжуне нет дорог, поэтому армию там трудно снабжать провиантом и денежным довольствием. А в Цзяннани воюем только мы и Чжан Шичэн. Шичэн очень лукав и хитер и умеет пользоваться лазутчиками, но его войска совершенно не соблюдают дисциплину. Если мы, имея большую армию в сотни тысяч человек и большую территорию, усовершенствуемся в военном деле, установим строгую военную дисциплину и, используя благоприятную военную обстановку, будем уничтожать врагов поодиночке, то объединение Поднебесной будет обеспечено!» И все

в Западном У единодушно взялись за наведение порядка в войсках: укрепление военной дисциплины и воспитание бойцов и командиров, обучение их умению штурмовать городские стены и подготовке к атаке крепостей в ходе боевых операций.

В конце эпохи Юань повстанцы подразделялись на две группировки: 1) «красные войска» и 2) все те, которые не относились к ним. Группировка «красных войск» в свою очередь подразделялась на две ветви — восточную и западную. Восточная развернула действия в районе с центром в бассейне реки Хуайшуй. Сяо Мин-ван был ее главой; войсками в зоне Чучжоу — Хэчжоу командовал Юаньчжао. Западная действовала в бассейне реки Ханьшуй, и ее возглавляли в разное время Сюй Шоухуэй и Чэнь Юлян, а также его генерал Мин Юйчжэнь, укрепившийся в Сычуани. Группировка, не относившаяся к «красным войскам», была представлена такими вожаками, как Чжан Шичэн в Восточном У и Фан Гочжэнь в Чжэдуэ. «Красные войска» состояли главным образом из крестьянской бедноты и мелких ремесленников, а также отчасти из деклассированных элементов города и деревни. Что же касается группировки, не относившейся к «красным войскам», то ее руководители и основная масса состояли главным образом из контрабандистов — торговцев солью, соевых бобов, мелких и средних помещиков, середняков и отчасти бедняков и батраков. Захватив какую-то территорию и обосновавшись на ней, они полагали, что дело успешно завершено, и стремились к жизненным благам. Если юаньские войска в течение какого-то времени не могли отбить эту территорию, то руководители указанной группировки присваивали себе звания и титулы князей и как-то противостояли правительству династии Юань. Но когда военное давление со стороны правительственных войск усиливалось и обстановка не благоприятствовала им, они шли на компромиссы и даже переходили на сторону монголов. С самого начала юаньское правительство проводило по отношению к ним политику переманивания, назначая на чиновничьи должности, лишь бы они капитулировали. Сделавшись чиновниками, они снова объявляли о своей самостоятельности и присваивали себе новые титулы правителей, стоило им лишь увидеть, что монголы терпят военные неудачи. При каждой такой перемене титул данного вождя становился выше, территория его также рас-

ширяться и, следовательно, вес его при новой сделке с юаньским правительством увеличивался.

Свои отношения с «красными войсками» они строили на иных началах: ни в коем случае не сдавались им и боролись до конца. Чжан Шичэн с самого начала находился во враждебных отношениях с Сяо Мин-ваном и Чжу Юаньчжаном и в течение десяти лет сковывал их войска, не давая передышки. Хотя Фан Гочжэнь, у которого было мало территории и войск, не имел сил для нападения на «красные войска», но и он не хотел наладить дружественные отношения с ними; он иногда внешне выражал покорность «красным войскам», а на самом деле был готов оказывать им упорное сопротивление.

Отношения Чжан Шичэна с юаньским правительством были неустойчивыми и переменчивыми. Он иногда противостоял правительству, а иногда переходил на его сторону. В 13-м году Чжичжэн (1353 г.) юаньское правительство переманило его на свою сторону и дало ему должность чиновника, потребовав, чтобы он напал на «красные войска» в Хаочжоу и Сичжоу, но Шичэн не захотел предпринять поход, боясь, что окажется в проигрыше. Зная, что Тайчжоу защищен слабо, он внезапным ударом захватил этот город, взял Синхуа и занял Гаюю. В 14-м году (1354 г.) он присвоил себе титул Чэн-вана (Честного князя), назвав свою династию Да Чжоу (Великая Чжоу) и переименовав эру правления на Тянью. В 11-ю луну этого года (1354 г.) юаньский министр Токто во главе большой армии разгромил чжоускую армию. Шичэн не смог стойко обороняться, так как не имел достаточных сил для этого. Но Токто неожиданно был отстранен от командования, и юаньская армия рассыпалась. Чжоуская армия, воспользовавшись столь удобным случаем, перешла в наступление; могущество ее снова стало внушать страх; она захватила ряд городов. В 3-ю луну 16-го года (1356 г.) Шичэн перенес столицу в Пинцзян, переименовав его в Лунпинцзюнь. Им был переделан календарь и приспособлен к сельскохозяйственным сезонам. Он учредил Дом радения о литературе, пригласив туда знатоков церемоний и конфуцианцев.

Начиная с 16-го года Чжичжэн (1356 г.), когда войска Чжан Шичэна и Чжу Юаньчжана оказались соседями, между ними завязывались сотни больших и малых боев с переменным успехом.

Юаньчжан и Чжан Шичэн боролись в течение десяти лет, нанося удары и не уступая друг другу. Положение резко изменилось только после того, как Юаньчжан, вернувшись с победой из Учана, сконцентрировал силы и перешел в наступление на Восточное У.

Это наступление проходило тремя этапами. На первом этапе наступления, с 10-й луны 25-го года Чжичжэн (1365 г.) по 4-ю луну 26-го года Чжичжэн (1366 г.), Юаньчжэн, направив удар по северной границе Восточного У в бассейне Хуайшуй, овладел округами и уездами Тунчжоу, Синхуа, Яньчэн, Тайчжоу, Гаю, Хуайань, Сюйчжоу, Сучжоу и Аньфэн. Хаочжоу, окруженный со всех сторон, также сдался Юаньчжану. За полгода он выполнил заранее намеченную задачу, оттеснив войска Восточного У на юг от Янцзы.

На втором этапе, с 8-й луны 26-го года Чжичжэн (1366 г.) по 11-ю луну того же года, Юаньчжан, наступая по двум направлениям, захватил Хучжоу и Ханчжоу. Когда гарнизоны этих городов капитулировали, Пинцзян оказался окруженным с севера, запада и юга.

Третий этап наступления свелся к осаде и штурму Пинцзяна, начавшимся в 12-ю луну 26-го года Чжичжэн (январь 1367 г.). Только через десять месяцев, в 9-ю луну 1-го года правления государства У (октябрь 1367 г.), Пинцзян был взят штурмом, Шичэн захвачен в плен, и тем закончилась война, которая велась с переменным успехом в течение десяти лет.

Еще до того, в 5-ю луну 26-го года Чжичжэн (1366 г.), Юаньчжан обратился к населению с манифестом, в котором он подробно охарактеризовал сложившуюся к тому времени обстановку и ход боевых операций с его стороны. В манифесте говорилось:

«Известно, что если карают преступников и милуют народ, то это и есть истинный путь ванов. Так ведется с древности из поколения в поколение... Как известно, за последнее время юаньский император уединился во внутренних покоях дворца, а распоряжаются всем сановники, награждая одних чинами и лишая других титулов; чинов можно достичь с помощью взяток, и от наказания можно освободиться с помощью личных связей; высшие чины империи выдвигают на должности своих родственников и доносят на других; чиновники облагают повинностями бедных и дают льготы богатым. Император не тревожится

таким положением, а только увеличил число чиновников и отправил на трудовые повинности несколько сот тысяч крестьян. Утопленники запрудили Хуанхэ, мертвецы лежат друг на друге по дорогам, плач и стон слышны на небе. Поддавшись по заблуждению чарам колдунов и не разобравшись во лживости буддийских гимнов, глупый народ крепко уверовал в то, что Майтрейя действительно существует. Надеясь на то, что Майтрейя наведет порядок в мире, чтобы искоренить тяготы и страдания, народ стал собираться в сообщества, которые обосновались в Жучжоу и Инчжоу и распространились до Хэ и Ло. Когда искушение распространилось, злоумышленники из этих сообществ тут же начали творить бесчинства; они по всякому поводу и случаю сжигали и разоряли города и селения, убивали и истребляли чиновных мужей, губили и калечили людей без разбора. Династия Юань, пустив в ход свои войска, а также денежные и продовольственные запасы, пыталась покарать их, но не добилась никаких успехов и не смогла навести порядок в мире и успокоить народ. Вот почему мужи, имеющие свои помыслы и наблюдавшие все это со стороны, воспользовались случаем, хорошо обдумали свои планы и стали действовать. Одни действовали якобы от имени дома Юань, другие под видом предводителей деревенского ополчения, а третьи выступали самостоятельно во главе своих войск, но все стремились к самостоятельности в своих действиях, и поэтому Поднебесная обрушилась и рассыпалась на куски.

Что касается меня, то я, крестьянин из Хаоляна, сперва был рядовым в армии и постепенно возвысился до командующего. Ясно видя, что с помощью колдовских заклинаний невозможно успешно завершить дело и что дни господства монголов сочтены, я переправился через Янцзы во главе солдат. Опираясь на духов Неба, Земли и предков, а также на силу моих генералов и командующих, я овладел районом Цзянцзо одним ударом и усмирил Чжэдун в результате последующих боев. Некий Чэнь обосновался выше меня по течению Янцзы, и тогда я поднял войска, чтобы спросить с виновного. Когда в результате схватки на озере Поянху этот злодей сложил голову, его отец, сыновья и братья, связав себе руки за спиной, погружив гробы в колесницы, прибыли ко мне. Я не казнил их, а присвоил им титулы; все его генералы и министры были устроены на службу при моем дворе, и весь его народ стал

спокойно трудиться па полях и в деревнях. Цзинчжоу, Сяньян, Хучжоу и Гуанчжоу целиком вошли в состав моей территории, и, хотя их население еще не преуспело в добродетели, все же законы и управление там изменились к лучшему.

Однако оставался еще Чжан Шичэн, уроженец Гусу, который ранее торговал контрабандной солью и разбойничал на реках и озерах. Создав армию, он собрал вокруг себя злодеев и обосновался на островах в море, как в своей твердыне; это первое его преступление. Затем, боясь, что в далеком море ему будет трудно противостоять великой силе Поднебесной, он мнимо капитулировал перед династией Юань, но закопал живым в землю ее политического советника Чжао Ляня и заточил в тюрьму императорского адъютанта Сунь Хуэя; это второе его преступление. После этого он внезапным ударом захватил Чжэси, узурпировал титул и переменял эру правления, хотя его армия не достигала и 10 тыс. человек, а территория его не доходила и до 1 тыс. кв. ли; это третье его преступление. Когда он впервые начал разбойничать в моих пограничных районах, мы в одном из боев живым схватили его младшего брата; когда же он вторгся в провинцию Чжэдун, то мы, взявшись за оружие, ударили прямо по предместьям его столицы, он тогда, перепугавшись, затаился и снова обманул Юань, капитулировав перед ней; это его четвертое преступление. Он, открыто приняв имя подданного династии Юань, тайно распространял свои лжекняжеские указы, шантажировал министра Да и замышлял погубить левого помощника Яна (Олджэ); это его пятое преступление. Собирая денежные и продовольственные налоги в Цзянчжэ, он в течение десяти лет не отдавал ничего двору; это его шестое преступление. Поняв, что устои династии Юань уже рушатся, он открыто погубил ее министра Даш-Тэмура и начальника императорского цензората Юга Буха-Тэмура; это его седьмое преступление. Опираясь на недоступность своей территории и обилие продовольствия, он переманивал на свою сторону многих генералов-мятежников и грабил мой народ в пограничных районах; это его восьмое преступление. Учитывая эти восемь преступлений... я счел необходимым отправиться в карательный поход против него, чтобы умиротворить Поднебесную и помочь народу. В связи с этим я приказал левому министру великого секретариата Суй Да во главе войск пехоты,

кавалерии и речной флотилии развернуть наступление по суше и по реке и занять все города в Чжэси. Я уже разослал приказы генералам с предупреждением, чтобы всюду, куда они придут, убивали только главарей шаек Чжан Шичэна, чтобы не наказывали лиц, последовавших за ним под угрозой, и чтобы действовали в соответствии с заранее подготовленными правилами. Если бежавшее от меня население и захваченные в плен воины будут присоединяться к нам, раскаявшись, то всем прощается их вина. Кроме того, если чиновники дома Чжана действительно хорошо поймут, что наши победы predetermined Небом, покорятся нам или сдадутся, бросив оружие, то я не поскуплюсь на титулы и награды для них. При всех обстоятельствах простой народ сможет действительно спокойно заниматься своим делом и станет моим послушным народом, по-прежнему сохранит за собой свои поля, имущество и дома, будет платить продовольственный налог по определенным ставкам, излишки не будут облагаться налогом и отбираться; вы навечно сохраните свои родные деревни, останутся в целости ваши семьи и дома. Во имя этого я начал военные операции. Если же кто посмеет собираться сотнями и тысячами и оказывать сопротивление моим войскам, то я немедленно пошлю солдат, чтобы истреблять и уничтожать их, а их родственников переселю в Уси и Лянгуан для обороны от пограничных племен, навсегда разлучив с родным краем. Верьте во все, что я сказал, как в ясное солнце, советуйтесь с вашими чиновниками, не сейте смуту и не совращайтесь».

Текст манифеста начинается словами: «Указ князя У. Во исполнение священного манифеста императора». Главнокомандующий войсками получил отношение Великого секретариата, в котором говорится: «Почтительно получив княжеский указ...» Конец документа: «Чтите этот указ! Почтительно повинуйтесь и осуществляйте его. Настоящее письменное оповещение доставил судья данного округа Сюй Шицзе в 22-й день 5-й луны 12-го года Лунфэн (30 июня 1366 г.)». Одновременно с этим манифестом было выпущено однородное по характеру оповещение, в котором сообщалось чиновничеству и населению Сюйчжоу:

«После того как поднялись войска в Жучжоу и Инчжоу в связи с плохим управлением империей со стороны монгольской династии Юань, люди в Поднебесной считали, что может быть достигнуто великое спокойствие, поскольку

выступили выдающиеся люди. Но последние лишь соблазнили людей колдовством, не смогли следовать воле Неба и радовать сердца народа и поэтому сами себя уничтожили. Юаньские генералы и сановники не знали, как усмирять бунты. Там, куда шли войска, увеличивалось число разбойников. Это создавало хаос на Центральной равнине. Города и села там опустели. Вот уже свыше десяти лет происходит там страшная смута».

Эти два документа — в духе идей конфуцианских ученых, — возможно, вышли из-под кисти Лю Цзи, Сун Ляна и других конфуцианцев. Из восьми преступлений, в которых авторы обвиняют Чжан Шичэна, только четвертое и восьмое имеют отношение к государству Западное У, а остальные шесть связаны с изменой Чжан Шичэна династии Юань. При невнимательном чтении манифеста можно ошибочно принять его за приказ юаньского правительства о карательном походе против Чжан Шичэна и заключить, что Чжу Юаньчжан якобы отправился на войну, чтобы покарать врага юаньского правительства, против которого он сам же и боролся. В конце манифеста выражено дифференцированное отношение к различным слоям населения и армии Восточного У. Там сообщается, что будет казнен только главный преступник и что не будут преследоваться его сообщники. Чиновникам Восточного У сузились должности в случае их капитуляции; беженцам и солдатам после сдачи в плен разрешалось возвращаться в родные места; крестьяне, главным образом землевладельцы, могли продолжать заниматься своим хозяйством, сохранив за собой свои прежние земельные участки и дома. Все это было направлено на то, чтобы привлечь на свою сторону чиновничество и помещиков Восточного У и уменьшить силу сопротивления армии Чжан Шичэна. Из документа ясно видно, что Чжу Юаньчжан резко изменил свое отношение к господствующему классу. Он теперь превратился в защитника его интересов. Особого внимания заслуживает то, что Чжу Юаньчжан, чтобы рассеять недоверие и страх перед его войсками со стороны чиновничества и помещиков государства Восточное У, в первом документе подчеркнуто осуждает членов секты Майтрейи как колдунов, заклинателей и злодеев, перечисляет их преступления, заключавшиеся в убийствах, поджогах и, главное, истреблении чиновников. Кроме того, он торжественно заявляет, что уже ясно видит, что с помощью колдов-

ских заклинаний невозможно завершить дело объединения страны, и что он не верит в эту чепуху. Он уже изменил секте Майтрейи. Когда отец, братья и сыновья Чэнь Юляна сдались в плен Чжу Юаньчжану, то он пожаловал всем им титулы, назначил генералов и министров Чэнь Юляна крупными чиновниками и позволил всем помещикам и землевладельцам спокойно жить. Таким образом, текст документа о карательном походе против Чжан Шичэна в действительности есть манифест о карательном походе против «красных войск», а высшей карательной властью является не кто иной, как вождь этих же войск император государства Сун Сяо Мин-ван. На первый взгляд кажется, что здесь сплошные противоречия, но на самом деле никаких противоречий нет. В указанных двух документах официально провозглашается, что Чжу Юаньчжан, осудив и предав секту Майтрейи и «красные войска», отказывается от своей прошлой веры в учение секты Майтрейи. В них далее объявляется, что цель паступления его армии заключается в том, чтобы наказать преступника и спасти народ, дать народу возможность спокойно трудиться на своих полях и позволить населению сохранить свои родные деревни. Здесь же он открыто заявляет о своей поддержке старых помещичье-феодалных порядков и о том, что гарантирует чиновничеству, помещикам и народным массам мирную, спокойную жизнь. Это исторический переломный момент в жизни Чжу Юаньчжана, когда вождь крестьянского восстания превращается в вождя класса помещиков. То влияние, которое оказывали на Чжу Юаньчжана в течение ряда лет помещики и конфуцианские ученые Тао Ань, Ли Си, Лю Цзи, Сун Лянь и другие, теперь получило ясное, конкретное и открытое выражение. Теперь не стало войск повстанческого государства Сун; все руководители их давно погибли или умерли; Сяо Мин-ван, живя в Чучжоу, сохранял за собой только титул; название «красные войска» теперь не годилось в качестве лозунга; в окружении Юаньчжана было полно представителей класса помещиков; в соответствии с этим необходимо было выдвинуть новые лозунги, чтобы заручиться поддержкой помещиков и чиновников, различных местных «народных войск» («минь-бин») или «деревенских армий» («сян-цзюнь»), а также сочувствием и поддержкой чиновников. Указанные два документа как бы делят жизнь Чжу Юаньчжана на два периода. В первый

период он был последователем секты Майтрейи и вождем крестьянского восстания, а во второй период он открыто сотрудничал с помещиками и чиновниками, стал их покровителем и не только желал укрепить позиции класса феодалов-помещиков, но и хотел навечно сохранить власть класса старых и новых помещиков вместе с феодальными порядками.

После того как Чжу Юаньчжан открыто объявил о разрыве с «красными войсками», для него существование Сяо Мин-вана стало препятствием в его замыслах. В 12-ю луну 26-го года Чжичжэн (1367 г.) Юаньчжан послал главнокомандующего Ляо Юнчжуна встретить Сяо Мин-вана на переправе в Гуачжоу. Юнчжун, заранее продолбив лодку, на середине реки утопил его и по возвращении в Интянь доложил Юаньчжану о выполнении приказа. Со смертью Сяо Мин-вана перестало существовать государство Сун. После этого Чжу Юаньчжан больше не упоминал о событиях, происходивших в годы правления Лунфэн государства Сун. Он разбил и уничтожил даже стелу в честь подвигов героев, разгромивших в те годы войска Восточного У у западных стен Чжэньцзяна, так как в ней был указан девиз правления Лунфэн. Исторические сведения о событиях годов Лунфэн, содержащиеся в книгах и документах, также были уничтожены начисто. В хронике «Мин Тайцзу шилу», составленной после смерти Юаньчжана, ни словом не упоминается о подчинении Юаньчжана Сяо Мин-вану в годы правления Лунфэн.

На втором этапе наступления против Восточного У Юаньчжан мобилизовал 200-тысячную армию во главе с главнокомандующим Сюй Да. Перед походом, обсудив на совещании план операции, Юаньчжан решил использовать вторую часть предложения Е Дуя, говоря, что Шичэн, бывший соляной контрабандист, делит все невзгоды и победы с начальниками обороны Хучжоу и Ханчжоу и одной с ними компании крепких и бесстрашных; если сперва атаковать Пинцзян, то гарнизоны Хучжоу и Ханчжоу объединят силы, чтобы пойти на помощь родным местам; когда подкрепления со всех сторон соединятся, нелегко будет добиться победы. Лучше постараться распылить силы Шичэна, захватив сперва Хучжоу и Ханчжоу, тогда Шичэн не будет иметь возможности получить подкрепления, армия сможет сконцентрировать силы и разбить его гарнизоны поодиночке; когда ветви и листья раз-

лётятся, корень зашатается; Шичэн окажется в трудном положении и вынужден будет спасаться бегством; после этого — перебросить войска и взять Пинцзян одним ударом; так наверняка можно добиться успеха! Исходя из этого, Юаньчжан послал войска осаждать Хучжоу и Ханчжоу. Он лично инструктировал их, неоднократно давая распоряжения, чтобы генералы держались дружно, чтобы члены их свит не обижали воинов, чтобы воины в период наступления не жгли, не убивали и не грабили и чтобы они не надругались над могилами. Он запретил воинам разорять могилу матери Чжан Шичэна, расположенную за стенами Пинцзяна. Все это делалось с целью не озлоблять население государства Восточного У и не усиливать его решимость сопротивляться наступающим.

На втором этапе наступления после взятия Хучжоу и Ханчжоу войска Западного У осадили Пинцзян, действуя по методу осады городов, предложенному Е Дум. Вокруг осажденного города были возведены заграждения. Кроме того, была построена трехэтажная деревянная башня, называвшаяся «неприятельским домом». С нее просматривался весь город, и по нему с каждого ее этажа стреляли из луков, арбалетов и пицалей. Вокруг городских стен также были установлены катапульты, которые день и ночь с грохотом били по врагу. Шичэн стоял насмерть. Не имея в городе запасов продовольствия и сена и не получая подкреплений извне, он пытался прорваться через заграждения осаждающих, но потерпел поражение. Юаньчжан неоднократно посылал к нему человека с предложением сдаться, но Шичэн решительно отказывался. Когда стены города были проломлены, Шичэн сам возглавил солдат и вступил в уличный бой с противником. Видя, что дело проиграно, он заживо сжег своих домочадцев и собрался повеситься, но был вынут из петли подошедшим генералом. Тем временем солдаты Западного У проникли во дворец, захватили Шичэна в плен и отправили в Интянь. На корабле он сидел с закрытыми глазами, не разговаривал ни с кем и отказывался от пищи. На Юаньчжана, который обращался к нему с вопросами, он не обращал никакого внимания. Когда Ли Шаньчан задал ему какой-то вопрос, он разразился бранью. Юаньчжан, выведенный из себя, нанес ему несколько сильных ударов палкой и убил его, затем сжег его труп и развеял пепел по ветру.

С момента вооруженного выступления Чжан Шичэна до

его поражения и гибели прошло в общей сложности четырнадцать лет. Накануне взятия города он сжег все реестры, по которым взимались налоги и подати за эти годы. Пинцзян упорно держался в течение десяти месяцев, и Чжу Юаньчжан возненавидел его жителей за то, что они решительно сражались на стороне Шичэна. Поэтому он, взяв за основу фиксированные ставки по счетной книге семьи какого-то Шэнь Ваньсяня, немного увеличил прежние размеры налогов с населения данного района. Теперь семья была обязана внести в казну 7 доу и 5 шэн зерна с каждого му земли. С тех пор вот уже 600 лет сучжоусцы ежегодно в 30-й день 7-й луны возжигают курительные палочки в честь Цзюсы, как свечи в честь бодисатвы Дицан (Цзюсы — детское имя Шичэна, а 30-й день 7-й луны — день рождения его). Из этих двух фактов видно, что Шичэн пользовался решительной поддержкой со стороны местных землевладельцев.

После возвращения великой армии Юаньчжан награждал генералов по заслугам. На второй день все они пришли к нему, чтобы выразить свою благодарность. Юаньчжан спросил их, устроили ли они пиры в честь победы, и все сказали ему, что попиrowали всласть и очень рады. Юаньчжан сказал: «Я также никогда не думал, что не порадуюсь день на пиру вместе с воинами, но Центральная равнина еще не усмирена, еще не время для праздного времяпрепровождения. Запомните урок Чжан Шичэна! Постоянно он вместе с генералами и министрами устраивал пиры и вечера, кутил и распевал песни и предавался удовольствиям, а что случилось с ним теперь?» Кроме того, он обратился к сдавшимся генералам Восточного У со словами: «Вы, старые подчиненные Чжан Шичэна, водили войска в качестве генералов и офицеров и перешли на мою сторону только тогда, когда силы ваши окончательно истощились и у вас уже не было другого выхода. Я же отнесся к вам великодушно да еще позволил вам быть по-прежнему генералами и офицерами. Однако хочу сказать вам ясно одно: генералы, которые служат мне, в большинстве случаев родом из Хаочжоу, Сичжоу, Жучжоу, Инчжоу, Шоучуньчжоу и Диньюаньчжоу; они трудолюбивы, бережливы и не знают роскоши. Они не предаются веселью, как в богатом Цзянчжэ. Вы также происходите не из богатых и знатных семей, но став генералами и руководя войсками в течение всего правления при походах

захватывали чужих девочек и мальчиков, драгоценности и шелка. Поскольку вы теперь у меня, вам надо отбросить старые пороки, быть такими же, как мои генералы из Хаочжоу и Сичжоу, только в этом случае вы сможете сохранить свои звания. Каждый мечтает о богатстве и знатности, но добиться богатства и знатности нетрудно, а вот надолго сохранить богатство и знатность — дело трудное. Если вы по-настоящему, всей душой и изо всех сил вместе с великой армией будете искоренять тиранию и усмирять смуты, мы быстрее объединим Поднебесную, и не только вы будете наслаждаться богатством и знатностью, но и ваши потомки будут наслаждаться счастьем. Если же вы будете стремиться только к мимолетной радости и не смотреть вперед, то хотя и повеселитесь какое-то время, но не удержитесь и скоро потерпите поражение. Вы уже испытали это, надо впредь остерегаться такого!»

После захвата Пинцзяна в 9-ю луну 1-го года У (1367 г.) Юаньчжан отправил генералов в Чжэдун для нападения на Фан Гочжэня.

Фан Гочжэнь собрал вокруг себя людей и поднял восстание против династии Юань на кораблях в море в 8-м году Чжичжэн (1348 г.) и капитулировал перед государством Западное У в 12-ю луну 1-го года У (1368 г.). Он восстал против династии раньше других и господствовал в Чжэдуэ в течение двадцати лет.

Гочжэнь и его братья Гочжан, Гоин и Гоинь жили одной семьей и, так же как их предки, занимались перепродажей соли и мореплаванием. Гочжэнь, известный на всю округу забияка, верзила с темно-коричневым лицом, обладал большой физической силой и был быстр в делах. Когда в первые годы Чжичжэн (1341 г.) пираты, грабившие купцов в море, захватили суда с зерном для императорского двора и убили главного императорского комиссара по перевозкам, местные чиновники приняли все меры, чтобы поймать преступников, и враг Гочжэня донес на него властям, что он-де тайно участвует в акциях пиратов и делит с ними добычу тут же на месте. Гочжэнь убил доносчика и его семью и вместе со всей своей семьей, боясь неприятностей от соседей, бежал в море. Он собрал несколько тысяч человек и занимался грабежом. Когда юаньское правительство послало войско с целью окружить и перебить разбойников, Гочжэнь разгромил отряд правительственных войск и даже захватил в плен его команди-

ра. После этого, перейдя по призыву властей на их сторону, он успокоился и был назначен командующим стражей на острове Динхае. Однако он вскоре опять выступил против правительства, захватил одного из генералов юаньского правительства и снова, вняв призыву властей перейти на их сторону, сделался крупным чиновником. Так, то переходя на сторону правительства, то поднимая мятеж против него, он каждый раз повышался в чине после очередного восстания и очередного изъяснения покорности. К 17-му году Чжичжэн (1357 г.) он уже имел чины политического советника провинциального правительства Чжэ-дун и уполномоченного по перевозкам зерна морским путем. Он жил в Циньюане и оттуда управлял округами Вэньчжоу и Тайчжоу, а также прибрежной полосой Чжэ-дуна. Располагая флотом из 1 тыс. судов, он контролировал районы, богатые рыбой и солью. Все его братья, сыновья и племянники занимали высокие должности. Довольный всем, он думал лишь о том, как сохранить свою базу.

Юаньчжан после захвата Учжоу стал близким соседом Гочжэня. Последний, видя, что у Юаньчжана очень большие силы, и опасаясь его, тут же отправил к нему посла с золотом, серебром, шелками и атласом, принял его указ с обозначением правления Лунфэн и устно сообщил о своем желании преподнести Юаньчжану три области, но только не соглашался принять девиз правления Лунфэн. С одной стороны, Гочжэнь платил дань государству Западное У, а с другой — перевозил по морю продовольствие для Юань и тем самым стоял ногами как бы на двух лодках, отвешивая поклоны направо и налево. После того как Юаньчжан захватил Ханчжоу, Гочжэнь еще больше испугался. Он отправил послов к Коко-Тэмуру на Север, а на Юге установил связь с Чэнь Юдином с целью оказать сопротивление наступлению Западного У. Он также полагал, что если не сумеет отразить наступление Западного У, то у него, к счастью, есть морской флот из 1 тыс. судов. Придет время, и он наполнит их золотом, серебром и драгоценностями, прихватит семью и уйдет в открытое море. Того, что у него есть, хватит на всю жизнь. Решено! И он стал день и ночь собирать драгоценности и ремонтировать суда, готовясь в нужное время выйти в море.

В 9-ю луну 1-го года У (24 сентября — 23 октября 1367 г.) одна из армий Юаньчжана, предприняв наступ-

ление, заняла Тайчжоу и Вэпчжоу; другая его большая армия без остановок дошла вплоть до Циньюаня и захватила его. Гочжэнь ушел в море, но потерпел поражение от флота Ляо Юнчжупа. Бежать ему было некуда, оставалось только в жалобных выражениях просить о капитуляции. Войска Западного У потратили всего три с лишним месяца с начала наступления и до своей победы над Фан Гочжэнем.

3. Карательный поход на Юг, война на Севере

Одновременно с посылкой армии для подчинения Фан Гочжэня Чжу Юаньчжан принял великий план карательного похода на Юг и войны на Севере.

В 9-ю луну 1-го года правления У (1367 г.) территория под контролем Юаньчжана охватывала современные провинции Хубэй, Хунань и юго-западную часть Хэнаня вместе с Цзянси, Аньхой и Чжэцзяном, включая районы нижнего течения рек Хапшуй и Янцзы, то есть самые плодородные, самые богатые продовольственными ресурсами, наиболее густонаселенные и наиболее цветущие области Китая.

Юг Китая, не считая района, занятого Юаньчжаном, был политически разделен еще на несколько самостоятельных районов: на территории с центром в Сычуани существовало государство Ся во главе с Мин Шэном; Юньнань контролировалась Лянским князем из юаньского императорского дома; в Лянгуане также были юаньские войска; в Фуцзяни хозяйничал Чэнь Юдин, сохранявший по-прежнему преданность династии Юань.

На севере Китая, который еще паходился под властью юаньского правительства, положение было чрезвычайно сложным. Шаньдун обороняла «желтая армия» (помещичьи войска) Ван Сюаня; Хэпань находилась в руках Коко-Тэмур; в Лунью и Гуаньнэ располагались армии Ли Сыци и Чжан Лянби; армия Болот-Тэмур контролировала Датун. Коко-Тэмур находился во враждебных отношениях с генералами Ли Сыци и Чжан Лянби, а Болот-Тэмур и Коко-Тэмур в свою очередь враждовали друг с другом. В то время как Юаньчжан развeртывал наступле-

ние в Чжэцзяне, эти юаньские генералы оспаривали друг у друга военную власть и всецело были заняты междоусобной войной не на жизнь, а на смерть, и никто из них не интересовался положением дел на других театрах военных действий. Одновременно с внутренними столкновениями между юаньскими военными лидерами изо дня в день углублялись и обострялись противоречия между двумя противоборствующими кликами при юаньском дворе. Эти клики преследовали и истребляли друг друга; каждая из них стремилась отнять власть у другой; обе пользовались поддержкой знати и бюрократии; обе имели вооруженные силы; будучи равными по мощи, они боролись между собой и истребляли друг друга, создавая ситуацию, при которой «между птицей-рыболовом и жемчужной устрицей драка, а рыбаку выгода».

Юаньчжан решил воспользоваться благоприятным моментом — юаньская армия была занята междоусобной войной, и ее главные силы уничтожали друг друга — и направить экспедицию на Север и на Юг, наступая и там, и тут. В 10-ю луну 1-го года эры правления У (1367 г.) Сюй Да был назначен главнокомандующим карательными силами на Севере, а Чан Юйчунь — его помощником, с заданием во главе 250 тыс. латников выйти из района реки Хуайшуй, переправиться через Хуанхэ и захватить на севере Центральную равнину. Управляющий политическими делами центрального правительства Ху Тинжуй был назначен командующим карательными силами на Юге, а левый помощник министра провинциального правительства Цзянси Хэ Вэньхуэй — его помощником, с задачей, пройдя с войсками через Цзянси, захватить Фуцзянь.

В Фуцзяни в то время хозяйничал Чэнь Юдин, по происхождению батрак, затем зять богатого крестьянина, торговец и наконец посыльный на правительственной почтовой станции. Когда в 12-м году Чжичжэн (1352 г.) «красные войска» наступали на Фуцзянь, Юдин охотно пошел в «народную армию», отличился в боях, был произведен в офицеры низшего ранга и занял много населенных пунктов. Продвигаясь по службе, он дошел до чина управляющего политическими делами провинциального правительства Фуцзяни и правил восемью областями провинции. Там он творил жестокости и бесчинства, проявляя, однако, большую покорность по отношению к династии

Юань и ежегодно доставляя продовольствие в Даду. Территория, контролируемая Юдином, была изолирована от районов под властью династии Юань на Севере и не могла получить никаких подкреплений оттуда. Фучжоу и Цзяньнин были захвачены войсками Юаньчжана, а Яньцин осажден. В 1-ю луну 1-го года Хунъю (1368 г.) город был взят; Юдин, попросившись с чиновниками, проглотил яд, чтобы покончить с собой, но не умер, был пленен и отправлен в Интянь, где он и его сын были казнены.

Юаньчжан потратил четыре месяца на покорение Яньпина и еще восемь месяцев на усмирение всей Фудзяни.

В кампании по усмирению Лянгуана на юге страны войска также были разбиты на три группы. Первая группа должна была выйти из Хунани и захватить Гуанси; вторая группа войск — пройти через Шаочжоу (современный Цюйцзян, пров. Гуандун) и ударить по Дэцину; флот, составлявший третью группу, — пройти морем и взять Гуанчжоу. Первая группа войск выступила в 10-ю луну 1-го года У (1367 г.), а вторая и третья — во 2-ю луну 1-го года Хунъю (1368 г.). Самое сильное сопротивление со стороны противника встретила первая группа войск. Пройдя из Хэнчжоу в Гуанси, она заняла города Юнчжоу (современный Лилин, пров. Хунань) и Цюаньчжоу (современный Цюаньсянь, пров. Гуанси) только в результате ожесточенных, кровопролитных боев и осадила Цзинцзян (современный Гуйлинь, пров. Гуанси). Вторая группа за три месяца усмирила район между реками Бэйцзян и Сицзян и перерезала путь сообщения между Гуанчжоу и Цзинцзяном. Командующий третьей группой отправил посла к главе провинциальной администрации Цзянси и Фудзяни Ходжину с предложением о капитуляции, и по прибытии армии в Чаочжоу Ходжин прислал печать, документы и списки населения и принял предложение о переходе на сторону Чжу Юаньчжана. Гуанчжоу и близлежащие округа и уезды были взяты без боя. Когда войска третьей группы, войдя на территорию Гуанси по реке Сицзян, на Севере соединились с войсками первой группы, они осадили Цзинцзян. В 6-ю луну 1-го года Хунъю (1368 г.) Цзиньцзян был взят, а в 7-ю луну (1368 г.) была усмирена Гуанси и весь Лянгуан перешел под контроль Юаньчжана.

После усмирения Фудзяни и Лянгуана Юг Китая, за исключением Сычуани и Юньнани, оказался под властью

Чжу Юаньчжана, людские и материальные ресурсы этого района были использованы для Северного похода.

Перед выступлением армии в Северный поход Юаньчжан и Лю Цзи подробно обсудили оперативный план, который затем был обсужден и утвержден на военном совете всех генералов. На совете Чан Юйчунь предложил свой план, сводившийся к тому, чтобы сначала захватить Даду штурмом. Он полагал, что после усмирения Юга у Чжу Юаньчжана достаточно войск, чтобы сразу же осуществить захват Даду. А после захвата столицы легко будет, действуя в разных направлениях, вымести остатки юаньских войск и взять остальные города без боя. Иным был план Юаньчжана. Юаньчжан указывал, что прямой штурм Даду опасен, поскольку Даду — столичный город, которым династия Юань владеет много лет, и его оборонительные сооружения наверняка прочны. Допустим, говорил он, наша изолированная армия пройдет в глубь территории и не сумеет взять столицу сразу, а станет под прочными стенами города, тогда тыл не сможет помочь нам продовольствием, в то время как для юаньских войск подкрепления будут приходить со всех сторон, а наша армия не сможет ни перейти в наступление, ни отступить. Не лучше ли нам, как делают после рубки деревьев, сперва удалить ветви и листья, а потом выкорчевать старые корни: в первую очередь захватить Шаньдун, затем повернуть в Хэнань и занять горный проход Тунгуань. Тогда все важные стратегические пункты на востоке, юге и западе окажутся в наших руках. После этого мы перейдем в новое наступление и осадим Даду. Тогда юаньская столица окажется блокированной и ее без особых трудностей можно будет взять без боя. После захвата Даду с барабанным боем пойдем на запад и легко возьмем Юньчжун, Цзююань, Гуаньнэй и провинцию Ганьсу.

Тактика Юаньчжана заключалась в том, чтобы наносить противнику крепкие удары, проникать в глубь его территории и шаг за шагом расширять захваченные районы, объединять их в одно целое со своим глубоким тылом, держать в своих руках пути пополнения живой силой и подвоза продовольствия и концентрировать силы для ударов по разрозненным силам врага. Более чем десятилетняя практика боев сделала Чжу Юаньчжана осторожным и в то же время храбрым полководцем, понимающим обстановку как на отдельном участке, так и на всем театре

военных действий и способным командовать миллионной армией. Выслушав Юаньчжана, все генералы в один голос сказали: «Хорошо».

Чтобы народ на Севере знал цели Северного похода, чтобы рассеять страх и недоверие у чиновников и землевладельцев на Севере и сломить боевой дух юаньской армии, было составлено по приказу Юаньчжана специальное воззвание к населению. В нем говорилось:

«С древнейших времен при императорах и князьях, управлявших Поднебесной, Срединное государство всегда находилось внутри, господствуя над восточными и северными варварами, а северные и восточные варвары располагались вовне, служа Срединному государству, и еще не было такого, чтобы они занимали Срединное государство и управляли Поднебесной! С тех пор как звезда счастья династии Сун закатилась, северные варвары-монголы пришли в Срединное государство и все в пределах четырех морей подчинились им и стали их подданными. Это, конечно, было сделано не силой людей, а в действительности дано волею Неба. В тот период у монголов государь был пронзительный и подданные были добропорядочные, но пронзительные ученые еще тогда сетовали, что монголы все ставят вверх ногами. А затем у Юаней подданные и сыновья перестали исполнять поучения предков, отбрасывали традиции и подрывали жизненные устои. Например, в период правления Дадэ младший брат низложил старшего брата и сам вступил на трон; в период правления Тайдин подданный убил государя и сам стал императором; в период правления Тяньли младший брат императора отравил последнего; дело дошло до того, что младший брат берет жен старшего брата, а сын развратничает с женами отца, верхи и низы перенимают привычки друг у друга, относятся к этому спокойно и не считают необычным; монголы сильно осквернили и перепутали взаимоотношения между отцом и сыном, государем и подданным, мужем и женой, старшим и младшим. Ведь государь является главой народа, двор—корнем Поднебесной, а ритуал и долг—великой основой управления миром. Если они так поступают, то можно ли считать, что они наставляют будущие поколения в Поднебесной!

Что же касается их потомков, то они погрязли в пороках и потеряли путь, по которому следует государь и подданные. Кроме того, их великие министры узурпировали

власть, их цензоры обижают людей, их чиновники жестоки и бесчеловечны, поэтому люди отделились от них в душе своей и возмутились; в Поднебесной начались восстания; это значит, что наступило время, когда Небо лишило монголов добродетели и бросило их. Поэтому древние говорили, что «у варваров не бывает удачи, которая длилась бы сто лет». На сегодняшний день это изречение достоверно и безошибочно.

В то время когда небесные сферы вращаются своим чередом, а Срединная равнина пылает гневом, должен родиться мудрец, способный изгнать монгольских рабов, восстановить Срединный цветок, создать устои государства, привести в порядок законы и спасти народ.

Ныне есть несколько выдающихся личностей в Гуаньнэе и Шэньси, но они забыли фамилии своих китайских предков и приняли имена монгольских рабов по названиям птиц и зверей, считая их красивыми; они добиваются своих корыстных целей, пользуясь именем династии Юань; опираясь на войска, покушаются на государя; пользуясь оружием, творят жестокости и насилия; контролируют власть двора, находясь вдали. Другие, имея мало войск и незначительные силы, преграждают путь войскам в труднодоступных пунктах, подкупают и переманивают к себе людей с помощью званий и титулов, стремясь накопить силы в ожидании раздоров. И те и другие первоначально были назначены командовать войсками в целях поимки колдунов. Когда же последние были уничтожены, они, заносчивые и полные злости, уже не хотели подчиняться своему владетелю и защищать народ и стали грызться между собой, причиняя вред народу.

Минуло уже тринадцать лет, как я, простолюдин из Хуайю, будучи выдвинут войсками во время великой смуты в Поднебесной, переправился во главе войск через Янцзы, занял Цзиньлин — пункт с удобным рельефом — и обрел естественный ров — Янцзы. Моя территория на западе доходит до Ба и Шу, на востоке граничит с синим морем. На Юге я контролирую Фуцзянь и Чжэцзян; Хучжоу, Сянчжоу, Ханьчжоу, Мянчжоу, Лянхуай, Сюйчжоу и Пэйчжоу входят в состав моей территории; все земли, охватывающие Юг, находятся в моем владении. Там народ постепенно успокаивается, запасы продовольствия пополняются, войско постепенно укрепляется, и оно, натянув тетиву лука и видя, что народ Срединной равнины давно

не имеет владетеля, сильно болеет сердцем. Я, почтительно приняв мандат Неба на право управления страной, не могу успокоиться и в настоящее время посылаю войска на Север, чтобы изгнать монгольских рабов, вызволить народ из тяжелого положения и восстановить величие и обычаи ханьских чиновников. Скорблю о народе, который не знает, что если он, сделавшись нашим врагом, убежит на Север, взяв с собой семьи, то еще глубже погрузится в несчастья. Поэтому заранее оповещаем, что, если придут войска, народ не должен бежать. Мои законы строги, и не бывает нарушителей их; те, которые перейдут на нашу сторону, вечно будут спокойно жить в Срединном цветке, а те, которые повернутся к нам спиной, сами себя изгонят в Монголию. Что касается народа нашего Срединного государства, то Небо приказывает, чтобы успокоил его обязательно человек из нашего Срединного государства. Как могут управлять им северные и восточные варвары! Я опасюсь того, что Срединная земля давно провоняла козлиным запахом и народ там сильно обеспокоен, поэтому всеми силами буду расширять территорию и очищать ее от противника, стремясь изгнать монгольских рабов, искоренить насилия и смуту, обеспечить народу его место и смыть позор со Срединного государства; ты, народ, пойми это!

Что касается монголов, то хотя они и не относятся к родам Цветущего Ся, но они живут вместе с нами, на одной земле и под одним небом, некоторые из них понимают обряды и долг; я хочу сделать их вассалами нашего народа, успокоить и растить наравне с людьми Цветущего Ся. Поэтому это воззвание надо объявить всем».

Это — сочинение конфуцианских ученых из придворных чиновников Юаньчжана. В нем получили яркое выражение идеология великоханьского национализма, конфуцианская концепция небесного мандата на управление страной и идеи защиты феодальных порядков.

Авторы документа называют национальные меньшинства страны «восточными и северными варварами». По их мнению, Китай может управляться только ханьцами, а когда им правят представители национальных меньшинств, то это значит, что «все поставлено вверх ногами»; кроме того, вопреки фактам авторы возвания утверждают, что в истории ранее не было случаев, чтобы кто-либо из представителей национальных меньшинств правил Кита-

ем. Нелепые установки, вытекающие из великоханьского национализма, в течение долгого времени господствовавшего в умах, привели к тому, что люди, подобные Лю Цзи и Сун Ляну, забыли историю своей страны и не увидели того, что монгольская знать правила страной в течение чуть ли не ста лет. Нелепая идея, что китайцы, населяющие внутренние районы страны, управляют варварами, обитающими на внешней территории, нашла свое полное выражение в тексте воззвания.

В документе также выпячивается теория небесного мандата на управление страной. Объединение Китая династией Юань сводится в нем к тому, что «это, конечно, было сделано не силой людей, а в действительности дано волею Неба». Здесь имеется в виду мандат Неба. Когда подняли восстания «красные войска», то «Небо лишило их (то есть представителей династии Юань) добродетели и бросило». Династия Юань, следовательно, лишилась небесного мандата. А что касается самого Юаньчжана, то он, видите ли, «почтительно принял мандат Неба», то есть небесный мандат на объединение всей страны уже переходит к Чжу Юаньчжану. В воззвании все, что касается свержения старой власти и установления новой, связано с идеей мандата Неба. Она была центральной идеей конфуцианства в течение более чем тысячелетия. Значение народных масс совершенно не учитывалось, и причина побед объяснялась только тем, что Чжу Юаньчжан получил мандат Неба на занятие трона.

Воззвание в то время оказало громадное влияние на широкие слои чиновничества, помещиков, конфуцианских ученых и великоханьских националистов на Севере страны. Его основу составляют три пункта. Первый из них — это идея национальной борьбы против монголов. В документе делается упор на различии между «варварами» и Китаем и подчеркивается, что Китай должен управляться ханьцами. Этот лозунг, естественно, мог получить поддержку феодальной интеллигенции и великоханьских националистов. Второй пункт — это возрождение традиций, то есть восстановление старой феодальной культуры и идеологии. В воззвании сказано, что «ритуал и долг являются великой основой управления миром», монголы оскверняли «человеческие взаимоотношения между отцом и сыном, государем и подданным, мужем и женой, старшим и младшим», «двор является корнем Поднебесной»,

«Срединное государство всегда находилось внутри, господствуя над восточными и северными варварами». Все это центральные идеи конфуцианства, незыблемые правила, поддерживавшие господство феодализма в течение многих эпох. Третий пункт, на котором делается упор в воззвании, сводился к лозунгу объединения страны и стабилизации положения в ней. В документе подчеркивается, что юаньские государи в течение десятков лет погрязают в пьянстве и разврате, чиновники жестоко обращаются с народом, в Поднебесной идет война и народ Центральной равнины давно не имеет владетеля. Северный поход имеет своей целью навести порядок, успокоить народ, избавить его от невзгод и дать ему возможность вечно жить спокойно в Срединном цветке. Призыв к объединению страны и стабилизации жизни народа в тот период отвечал требованиям различных слоев населения, их жизненным интересам. Цели, которые приветствовали и поддерживали и за которые боролись различные слои населения страны, были выражены в этом воззвании с особой силой, а это расчищало путь для окончательной победы.

Наконец, для того чтобы уменьшить сопротивление монголов, в документе указывается, что их будут «успокаивать и растить» паравне с китайцами и обращаться с ними гуманно, если только они будут соблюдать «обряд и долг» и пожелают стать вассалами Китая.

Эта агитационная листовка сыграла огромную роль. Окружные и уездные города Шаньдуна и Хэнани один за другим сдавались армии Северного похода, куда бы она ни приходила. Такие известные города, как Цзинань, Иду, Бяньлян, и административный центр Хэнани капитулировали без боя. Даже монголы и их союзники стали сдаваться по первому же требованию. В их числе дядя Коко-Тэмура Лао Бао, а также его дед по матери лянский князь Арцутай; начальник обороны Бяньляна Цзо Цзюньби, ранее оборонявший Лучжоу, также сдался без боя. Некоторые юаньские начальники обороны бросали города на произвол судьбы и бежали, зная, что не смогут оказать сопротивления войскам Сюй Да. Поэтому армия Северного похода, наступая в благоприятных условиях, добилась огромных успехов за короткий срок.

В то самое время, когда армия Северного похода легко овладевала Центральной равниной, сокрушая все на своем пути, и тревожные донесения юаньских начальников гар-

низонов разных городов с требованием дополнительных контингентов войск летели, как хлопья снега, в Даду, — в это время различные группировки юаньской армии были поглощены междоусобной войной и бились друг с другом так, что было трудно разобрать и понять, кто с кем воюет, а в стане юаньского императора политическая ситуация была неустойчивой, командование армиями переходило из рук в руки и обстановка то и дело менялась. Кокотэмура, отстраненный от должности главнокомандующего, отвел свои войска в Цзэчжоу (современный Цзиньчэн, пров. Шаньси), а его подчиненный, генерал Гуань Бао, переметнулся на сторону противников своего начальника. Видя, что армия Кокотэмуры оказалась отрезанной, юаньский император Шуньди приказал войскам Ли Сыци и других генералов выступить на восток, за заставу, и окружить и атаковать Кокотэмура, а генералу Гуань Бао — оборонять Тайюань во главе подчиненных ему частей. Кокотэмура, получив известие об этом, возмутился, занял своими войсками Тайюань и перебил там всех чиновников, назначенных юаньским правительством. А юаньский император Шуньди в свою очередь указом лишил Кокотэмура всех чинов и титулов и приказал всем армиям наступать против него со всех сторон и покарать его. Воспользовавшись таким чрезвычайно благоприятным моментом, юаньчжановская великая армия Северного похода овладела провинцией Шаньдун и захватила Бяньлян; юаньские генералы сдавались и переходили на ее сторону по первому же требованию, никто не оказывал сопротивления, и ни один воин не стоял на ее пути, перед ней капитулировали и малые, и большие города, и китайские, и монгольские, и среднеазиатские чиновники, а генералы бросали города на произвол судьбы и убегали при ее подходе. Поистине она сокрушала все на своем пути, перед ней все рассыпалось в прах.

Когда был потерян горный проход Тунгуань, генералы Мо Гао и Гуань Бао были схвачены и казнены Кокотэмуром. Юаньский император Шуньди только теперь забеспокоился, оказавшись лицом к лицу с двумя противниками, с голыми руками, в безвыходном положении. Как ни верти, но выходило, что лучше всего было мирно уладить дело с Кокотэмуром, чтобы тот отразил за него наступление противника. Но вся трудность заключалась в том, что он поступил с тем уж слишком резко и теперь

ему неудобно было идти на попятный. Тогда он отнес свои прошлые грехи за счет наследника престола и издал указ о восстановлении Коко-Тэмур в всех чинах и титулах, одновременно приказав ему вместе с Ли Сыци выступить в карательный поход на Юг по разным направлениям. Видя серьезность положения, Коко-Тэмур и Ли Сыци также забеспокоились и стали перегруппировывать и приводить в порядок войска, чтобы выступить против Сюй Да. Но в это время армия Северного похода уже подступила к Даду, спасать столицу уже было поздно. Зная, что пути подхода подкреплений перерезаны и потому трудно защищать город, и боясь попасть в плен, юаньский император Шуньди в 3-ю ночную стражу 28-го дня этой луны (10 сентября 1368 г.) бежал в Шанду со своими женами, наложницами и сыновьями. Во 2-й день 8-й луны (14 сентября 1368 г.) армия Северного похода вошла в Даду.

Хотя Даду был взят, но у юаньского императора, находившегося в Шанду, по-прежнему сохранялся правительственный аппарат, уцелели главные силы юаньской армии, поэтому вопрос о власти над страной еще никак нельзя было считать решенным окончательно. Сюй Да и Чан Юйчунь перебросили войска и овладели провинциями Шаньси и Шэньси. Они вели бои в течение целого года, с 8-й луны 1-го года Хунъю (1368 г.) до 8-й луны 2-го года Хунъю (1369 г.), и добились победы, в результате которой был освобожден северо-восток страны. В течение этого года юаньская армия не только оказывала решительное сопротивление войскам Северного похода, но у нее оказалось достаточно сил, чтобы предпринять несколько контрнаступлений в больших масштабах. В этом году войскам Чжу Юаньчжана пришлось вести самые ожесточенные и самые трудные бои из всех проведенных во время Северного похода.

Когда армия Западного похода вошла в южную часть Шаньси из провинции Хэбэй, она была разбита войсками, посланными Коко-Тэмуром с задачей отбить Цзэчжоу. Решив воспользоваться тем, что в Бэйпине (Чжу Юаньчжан переименовал Даду в Бэйпин) войск не было, Коко-Тэмур сам прошел через горный проход Яньмэньгуань, чтобы неожиданно напасть на город. Получив донесение об этом, Сюй Да не пошел обратно на выручку Бэйпину, а прямо ударил по базе Коко-Тэмур Тайюаню. Узнав об этом на полпути, Коко-Тэмур повернул назад и пошел

выручать Тайюань. Когда отряд Сюй Да ночью совершил неожиданное нападение на его лагерь, он, не зная, что предпринять, бежал на Север с 18 кавалеристами. Провинция Шаньси была усмирена.

В 3-ю луну 2-го года Хуньфу (1369 г.) армия Западного похода вошла в административный центр округа Фэньюань (современный Сиань, пров. Шэньси). Ли Сыци бежал в Фэнсян, а затем в Линьтао. Великая армия наступала и теснила его, и он, обессиленный, счел за лучшее сдаться ей. В связи с тем что юаньская армия напала на Тунчжоу, воспользовавшись отсутствием там войск, и в Бэйпине также не было крупных сил армии, Чан Юйчунь и Ли Вэньчжун во главе 90 тыс. пехотинцев и конников пошли на выручку Тунчжоу и ударили непосредственно по Шанду. В результате император Шуньди бежал в Монголию, а Бэйпин, который был в опасности, обрел покой. Когда Юйчунь погиб, Ли Вэньчжун во главе войск соединился с великой армией и участвовал вместе с ней в Западном походе. Он осадил Датун и разгромил там части юаньской армии. Юаньский император Шуньди несколько раз организовывал контрнаступление, но каждый раз терпел поражение и нес серьезные потери. Теперь у него уже не было больше сил, чтобы наступать на Юг, и он оставил мысль вернуть себе Даду. В 3-м году Хуньфу (1370 г.) он умер, а на престол воссел его наследник Аюрширидара. Великая армия Сюй Да продолжала наступление на Запад.

Ли Сыци, Кун Син, Торэбэ и братья Чжан Лянби и Чжан Лянчэнь погибли или капитулировали перед армией Сюй Да; из монгольских главнокомандующих оставался лишь Коко-Тэмур, который все еще командовал большой армией и стоял в Нинся; он постоянно нападал на пограничные округа и чинил там грабежи; начальники гарнизонов на границах были вынуждены держать войска в боевой готовности день и ночь, положение там было чрезвычайно напряженным. В 3-м году Хуньфу (1370 г.) Юаньчжан снова приказал Сюй Да напасть на Монголию с большой армией; Коко-Тэмур, который в это время осаждал Ланьчжоу, снял осаду и поспешил на выручку, но потерпел сокрушительное поражение и бежал в Кара-Корум (юго-западнее современного Улан-Батора в МНР). В 5-м году (1372 г.) Чжу Юаньчжан снова направил генералов во главе большой армии в наступление на монголов, но эта армия была наголову разбита Коко-Тэмуrom,

Коко-Тэмур умер в 8-м году Хуньу (1375 г.). В 11-м году Хуньу (1378 г.) умер Аюрширидара, а престол унаследовал его сын Тогус-Тэмур, который по-прежнему имел в своем распоряжении крупные контингенты войск и постоянно совершал набеги на пограничные районы империи Мин.

После усмирения Севера в 1-ю луну 4-го года Хуньу (1371 г.) Чжу Юаньчжан отправил войска в наступление против государства Ся в Сычуани. Тан Хэ, назначенный на пост командующего карательным походом на Запад, и Чжоу Дэсин и Ляо Юнчжун, назначенные его помощниками, выступили из Цюйтана во главе войск на речных судах и атаковали Чунцин. Фу Юдэ («командир авангарда в карательном походе против рабов») и его помощник Гу Ши выступили из провинций Шэньси и Ганьсу в направлении Чэнду.

Владелец Ся Мин Юйчжэнь был потомственным землевладельцем, он имел свыше 100 му земли и являлся средним или мелким помещиком. Он был ростом 8 чи, нрава твердого и прямого. При ссорах и спорах в деревне все обращались к нему как к арбитру, так как он пользовался большим авторитетом и доверием в округе. Он воевал в рядах «красных войск», совершил много подвигов в боях и дослужился до чина «великого маршала, командующего войсками, и карателя рабов» (то есть монголов). Он вступил на территорию Сычуани во главе подчиненных ему частей, захватил там ряд городов и провозгласил себя князем Ганьсу и Сычуани (Луншу-ван). В 22-м году Чжичжэп (1362 г.) он объявил себя императором в Чунцине, основав государство Ся и назвав годы своего правления Тяньтун. Новый император оборонял территорию своего государства, обеспечивал населению спокойную жизнь, одаривал и привлекал к службе известных ученых, культивировал бережливость, устраивал экзамены для занятия чиновничьих должностей, брал в качестве налогов и сборов десятину с населения. Он издал приказ о запрещении буддийской и даосской религий и о почитании только учения Майтрейи и всюду строил храмы будды Майтрейи. Мин Юйчжэнь облегчил жизнь солдатам, дал передышку народу, при нем простые люди жили спокойно и с радостью занимались своим хозяйством. Он умер в возрасте тридцати шести лет, пробыв на престоле пять лет. Его сын Мин Шэп наследовал трон десятилетним мальчиком. При

нем генералы повели борьбу за власть в стране и стали истреблять друг друга. Государство постепенно пришло в упадок.

Видя, что большая армия приближается к границе их государства, сясцы решили положиться на естественную преграду — теснину Цюйтан, перекрыли вход в нее перетянутыми через реку канатами, соорудили висячий мост и, протянув канаты, настлали на них доски и сложили груды камней для камнеметов, шести и трубки с порохом, а на обоих берегах установили катапульты. Они считали, что суда противника здесь никак не пройдут. Действительно, флот Тан Хэ был задержан и в течение трех месяцев не продвинулся ни на шаг.

Сясцы расположили крупные контингенты войск на восточном фронте, но север их государства был оголен и не оборонялся. Воспользовавшись этим обстоятельством, Фу Юдэ прошел туда и стал брать город за городом. Он бросал в Янцзы дощечки с указанием даты штурма и взятия того или иного города и отправлял адресатам по течению. Тем временем Ляо Юнчжун обошел сяскую армию с фланга и зашел ей в тыл. Он и Тап Хэ атаквали сясцев с обеих сторон, перерубили висячий мост, сожгли канаты и развернули наступление по реке и с суши. Сяские войска не смогли противостоять им, и Мин Шэн капитулировал. Фу Юдэ пошел с армией на Чэнду; начальник обороны города, узнав о падении Чунцина, также сдался. В 10-ю луну (1371 г.) Тап Хэ и другие генералы усмирили все области и уезды Сычуани. Государство Ся погибло.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Император, основатель династии

1. Название империи — Великая Мин

К 12-й луне 1-го года правления Хунъу (1368 г.) юаньчжановская великая армия Северного похода уже усмирила Шаньдун, а армия Южного похода подчинила Фан

Гочжэня и, перегруппировавшись, захватила провинцию Фуцзянь, сокрушая все на своем пути. Непрерывные доклады о победах вызывали беспредельную радость гражданских чиновников и офицеров в Интяне. Объединение всей страны было вопросом дней. Применительно к новой ситуации надо было создать административную систему для управления всей страной. Издавна было принято считать, что ван (князь) является правителем лишь части территории, а правителем всей страны должен быть император. Поэтому князь (ван) государства У должен был стать императором, а чиновники княжества, естественно, должны были быть повышены в рангах и стать генералами и министрами новой империи.

Все было обсуждено и подготовлено. Левый министр центрального правительства от имени всех гражданских чиновников и офицеров представил доклад Юаньчжану, прося его сделаться императором. Спустя десять дней Юаньчжан переселился во вновь построенный дворец и на жертвоприношении сообщил Верховному владыке и Великому духу Земли: «Что касается государя нашего китайского народа, то после того, как предначертанное судьбой счастье династии Сун кончилось, Вы, Верховный владыка, дали мапдат праведному человеку из Монголии вступить в Китай и быть владельцем Поднебесной; этот государь и его потомки владели ею около ста лет, и ныне их предначертанное судьбой счастье также пришло к концу. Что касается земель и народа Поднебесной, то многие герои боролись между собой за них. Только Вы, Верховный владыка, ниспослали мне, Вашему покорному слуге, талантливых и мудрых людей в помощники, и поэтому я победил и усмирил тех героев, дал отдых народу на его полях, и ныне мои земли простираются на 20 тыс. ли вокруг. Все мои министры хотят непременно выдвинуть меня и оказать мне почести, дав мне титул императора, говоря, что у простого народа ныне нет владельца; я же, Ваш покорный слуга, не осмеливаюсь отказываться, но также не осмеливаюсь и не доложить об этом Вам, Верховному владыке и Великому духу Земли. Поэтому в 4-й день 1-й луны будущего года (23 января 1368 г.) на южном склоне горы Чжуншань сооружу жертвенник и устрою церемонию, чтобы все было ясно Верховному владыке и Великому духу Земли. Вы, Верховный владыка, отметьте в своей памяти: если мне, Вашему покорному слуге, мож-

по стать владетелем простого народа, то приходите Вы, Верховный владыка и Великий дух Земли, в день жертвоприношения и пусть тогда будет ясное небо и чистый воздух. Если же мне, Вашему покорному слуге, нельзя, то пусть в назначенный день подует сильный ветер и испортится погода, чтобы я, Ваш покорный слуга, знал».

В этом документе, обращенном к Верховному владыке — божеству, — как свержение власти монголов, так и создание своей династии приписываются Чжу Юаньчжаном воле Верховного владыки. Создание и свержение предыдущей династии будто бы было осуществлено по мандату Неба, сам Юаньчжан также становится императором по мандату Неба. Нельзя нарушать волю Верховного владыки. И разумеется, также нельзя не подчиняться и власти человека, ставшего императором по воле Верховного владыки; он правит народом всей страны по мандату Верховного владыки, соединяя в себе теократическую и светскую власть, и измена императору равносильна измене Верховному владыке. Что касается выбранного дня коронации, то он, конечно, был установлен в результате тщательного изучения погоды. Лю Цзи в свое время был знаменитым астрономом, он, надо полагать, мог с некоторой гарантией предсказывать погоду за несколько дней вперед. Он предсказал, что в 4-й день 1-й луны будет хорошая погода, и Юаньчжан, обращаясь к Верховному владыке с просьбой определить, годится ли он быть императором, был совершенно уверен, что получит мандат Неба.

Церемониал вступления на престол также был определен. В этот день после совершения жертвоприношения Небу и Земле Чжу Юаньчжан воссел на императорский престол в южном предместье; министры, чиновники и старики — старейшины из населения столицы поздравили его и, приплясывая, прокричали три раза подряд: «Десять тысяч лет жизни». На этом церемония была окончена. С императорскими регалиями и в императорском экипаже Чжу Юаньчжан в сопровождении эскорта гвардейцев с боевым и церемониальным оружием отправился в храм предков, где он оказал посмертные почести своим предкам четырех поколений, присвоив отцу и матери титулы императора и императрицы, и снова принес жертвы духам Земли. Когда все религиозные церемонии были совершены, он надел

императорское парадное платье и корону и во дворце Фэнтянь принял поздравления от чиновников. Так он стал законным императором.

В этот день погода стояла очень хорошая, день был ясный и тихий, не было сильного ветра и необычных природных явлений. Это означало, что Верховный владыка утвердил Юаньчжана императором.

В 4-й день 1-й луны года Хунъю (23 января 1368 г.) Чжу Юаньчжан установил название страны — Да Мин (Великая Мин) — и переименовал эру правления на Хунъю. Интянь (Цзиньлин) стал столицей империи.

Приближенные Чжу Юаньчжана подразделялись на представителей бывших «красных войск» и ученых-конфуцианцев, то есть на группировку бывших крестьян и группировку помещиков, из которых первые, то есть командиры, происходившие из крестьян, также превратились в помещиков после создания династии. Выбор названия династии удовлетворял представителей обеих группировок. Что касается бывших генералов «красных войск», то большинство их были уроженцами района Хуайси, воспитанными Пэн Инъюем, а остальные — бывшими подчиненными Го Цзысина, бывшими генералами Сяо Мин-вана или сдавшимися Чжу Юаньчжану командирами из повстанческих государств Тяньвань и Хань. Словом, все они были последователями секты Минцзяо. Выбор термина «Да Мин» в качестве названия новой династии, во-первых, показывал им, что новая власть является наследницей Сяо Мин-вана и что все адепты секты Минцзяо, составляющие одну семью, должны объединиться, чтобы совместно наслаждаться богатствами и знатностью. Во-вторых, это название свидетельствовало, что Мин-ван (князь Света) уже появился в мире в лице Чжу Юаньчжана, а все остальные мин-ваны — самозванцы, которым не следует верить. В-третьих, это название должно было способствовать тому, чтобы народ успокоился, выполнял свои обязанности и вел мирную, разумную жизнь под управлением Мин-вана. Что же касается ученых-конфуцианцев, представляющих класс помещиков, то они, конечно, были против секты Минцзяо и враждебно относились к «красным войскам». Они употребляли всю свою хитрость, чтобы заставить Чжу Юаньчжана изменить секте Минцзяо, организовать тайное убийство Сяо Мин-вана и создать в своих интересах новую династию. Вполне естественно, что назва-

ние династии — Мин — объяснялось ими по-конфуциански. Иероглиф «мин» обозначает «свет», «огонь», а если разложить его на составные элементы, то получится «солнце» и «луна». В древних книгах по церемониалу говорится о молениях, обращенных к Да Мин (Великому Свету), солнцу утром и луне по вечерам. За прошедшие тысячелетия жертвоприношения Великому Свету, солнцу и луне, были главными жертвоприношениями императорского двора. Во все эпохи их осуществляли с надлежащими церемониями все императоры и о них любили говорить ученые-конфуцианцы. Кроме того, в противоположность некоторым прежним династиям, основатели которых сначала поднимали восстания на Севере и затем умирляли Юг, новая династия на этот раз возвысилась на Юге, и с точки зрения натурфилософской школы инь-ян («женского и мужского начал в природе») и У син («пяти первоэлементов мира») юг представлял собой хо — «огонь», ян — «мужское начало в природе», своим божеством на юге был бог огня Чжююн, а его цветом-символом был красный. Север представлял собой воду, был он инь — «женским началом в природе», там был своим богом Сюаньмин, бог тьмы, а его цветом-символом — черный. Новая династия основала столицу в Цзиньлине (Интяне), который был якобы родиной Чжююана. Прежняя династия, Юань, возвысившись в Великой пустыне Монголии, основала столицу в Бэйпине. Поэтому не случайно Чжу Юаньчжан одерживал победы над ней, огнем укрощая воду, уничтожая женское начало в природе (инь) с помощью мужского начала (ян) и светом преодолевая тьму. Кроме того, некоторые известные в истории императорские дворцы носили названия Да Мин гун или Да Мин дянь. В древних мифах встречается выражение «чжу-мин», которое соединяет в одном сочетании фамилию императора и название его династии, что для Чжу Юаньчжана являлось особенно удачным совпадением. Учитывая все это, группировка ученых-конфуцианцев также одобрила название династии. Таким образом, первая и вторая группировки исходили из разных позиций, но пришли к одинаковому выводу.

В ходе двадцатилетней борьбы в конце эпохи Юань угнетенные массы, создавая вооруженные силы, выдвигали в качестве лозунгов предсказания, что «Мин-ван появится в этом мире» и что «Майтрейя перевоплотится» в

Поднебесной. Чжу Юаньчжан хорошо понимал агитационное значение таких предсказаний и тайных организаций, которые проповедовали их. Поскольку Да Мин (Великий Свет) уже стало названием его династии, тем более не следовало позволять кому бы то ни было перенимать это наименование. Поэтому он в первом же году своего царствования запретил специальным указом все еретические секты, особенно общество Белого лотоса, секту Минцзяо и секту Майтрейи. Впоследствии эти запреты стали статьями законов.

Параграф «Законодательное запрещение колдовской ереси» в «Да Мин люйли» («Законы и церемониал Великой Мин») устанавливал: «Главари подлежат повешению, а каждый из их последователей — 100 ударам большой палкой и ссылке за 3 тыс. ли во всех случаях, когда колдуны-наставники, изображая из себя снисходешших лжебогов, пишут амулеты и заговаривают болезни, бьют в колокола и молятся своим святым, присваивают себе почетные звания святейшеств, великих хранителей или наставников и абсурдно именуют себя буддой Майтрейя, членами сект Белого лотоса, Преклонения перед Светом (Мин-дзунь-цзяо), Белых облаков (Бай-юнь-цзун) и других обществ». Из этого ясно видно, что страх феодальной династии перед тайными народными обществами побудил ее к строгому запрещению их. Секта Да Минцзяо (Великого Света) в Вэньчжоу и Цюаньчжоу, глубоко и прочно утвердившаяся среди народа со времен династии Южная Сун, вначале Мин еще «строила и украшала многие храмы, и к ней присоединялись все те из народа, которые не имели занятия». Минская монархия сильно боялась и ненавидела ее, а поэтому под предлогом, что ее наименование оскверняет название династии, храмы секты были разрушены, имущество конфисковано и адепты угнаны на работы в сельском хозяйстве. Минчжоу, город, называвшийся так с эпохи Юань, также был переименован в Нинбо. В условиях жестоких репрессий членам секты Минцзяо пришлось переменить название секты и развернуть тайную деятельность, превратившись в негласную организацию. Однако, несмотря на жестокие преследования, со времени основания и вплоть до гибели династии Мин тайные религиозные секты распространялись всюду в Китае и поднимали восстания. Пока страной правил класс феодалов-помещиков, не прекращались крестьянские восста-

ния, организуемые этими сектами, и законы феодального правительства и жестокие репрессии оказались не в состоянии справиться с ними.

2. Объединение Юга и Севера страны, внутренняя и внешняя политика Чжу Юаньчжана

Чжу Юаньчжан стал императором и создал новую династию в 1-м году Хуньу (1368 г.), но на завершение дела объединения страны потребовалось еще двадцать лет.

После того как юаньский император Шуньди бежал на Север, во внутренних районах страны оставались еще две крупные группировки войск династии Юань. Одна была представлена силами Лянского князя (Лян-ван) в провинции Юньнань, а другая — войсками Нагачу на Северо-Востоке. Обе они получали приказы от юаньского императора Шуньди и решительно поддерживали его. Чжу Юаньчжану было легче покончить с далеко отстоящей от Монголии Юньнанью, где силы приверженцев династии Юань были изолированы. Поэтому он сосредоточил свое внимание прежде всего на Юго-Западе страны. После того как в 4-м году Хуньу (1371 г.) было уничтожено государство Ся на территории провинции Сычуань, Чжу Юаньчжан в разное время посылал в Юньнань послов Ван Вэя и У Юня с призывом присоединиться к империи Мин, но оба посла были убиты Лянским князем. В 14-м году Хуньу (1381 г.) Чжу Юаньчжан решил завоевать Юньнань и отправил туда своих генералов с заданием развернуть наступление на провинцию по двум направлениям.

К этому времени территория провинции Юньнань в политическом отношении подразделялась на три самостоятельные области. Первая представляла собой вотчину Лянского князя с центром в Куньмине, непосредственно подчиненную юаньскому императору. Вторая являлась территорией, контролируемой Дуанем, старейшиной родов бай, ее центром был Дали; в политическом отношении она также подчинялась династии Юань, но пользовалась суверенитетом в решении своих внутренних вопросов. Третью область Юньнани составляли не входящие в состав первых двух областей земли многочисленных национальностей

меньшинств в районе Сыту на юге, то есть районы, называвшиеся в эпоху Мин тусы (племенные правители). Западная часть современной провинции Гуйчжоу в эпоху Юань подчинялась провинциальному правительству Юньнань, а в восточной части провинции было учреждено Управление пограничного комиссара-умиротворителя по военным и гражданским делам в Бафань и Шуньюань для управления народностями и мяо. Большинство тусы округа Гуйчжоу в разное время покорились династии Мин. Провинция Юньнань после этого лишилась прикрытия с севера и востока.

Минские войска наступали на Юньнань по двум направлениям — с Востока и Севера. Войска первого направления имели задачу, выступив из Сычуани, двинуться на юг и захватить район Уса (ныне районы Чжэньсюн, пров. Юньнань, и Вэйнин и другие, пров. Гуйчжоу). Войска второго направления должны были выступить на запад из провинции Хугуан и, взяв Пудин (современный Аньшунь, пров. Гуйчжоу), развернуть наступление на Куньмин. Через сто с лишним дней после начала похода войска восточного направления с боями дошли до Куньмина, и Лянский князь, потерпев поражение, покончил жизнь самоубийством. Отсюда войска восточного направления повернули на север и, соединившись с армией северного направления, атаковали город Уса. Юаньские войска были уничтожены, все окрестные роды и в районах Дуньчуань (ныне район Хуйцзе, пров. Юньнань), Умэн (ныне район Чжаотун, пров. Юньнань) и Манбу (ныне район Чжэньсюн, пров. Юньнань) покорились минской армии; ей также подчинились все ближайšie к Куньмину округа. Во 2-ю луну 15-го Хуньу (1382 г.) были учреждены Управление главного уполномоченного — командующего войсками Гуйчжоу и Управление главного уполномоченного — командующего войсками Юньнани и, таким образом, созданы органы военной власти, а во 2-ю вставную луну этого же года (1382 г.) было учреждено Управление политического уполномоченного Юньнани и таким образом создан орган политического руководства. Чжу Юаньчжан, послав туда специальных чиновников, построил дорогу шириной 10 чжан и с перегонами в 60 ли, на которых были созданы почтовые станции и поставлены почтовые чиновники и лошади, и, таким образом, связал Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу. На стратегически важных участках дороги были

поставлены войска для охраны и созданы гарнизоны и караулы, а также вменено в обязанность местным тусы снабжать войска продовольствием и обеспечивать перевозку продовольствия и безопасность на путях сообщения. Когда все это было устроено, великая армия, направившись на запад, захватила Дали, завоевала северо-западные и юго-западные районы Юньнани, посулами подчинила себе малые народности мосе, и, дань и цуань и, действуя разными методами, усмирила всех тусы. В связи с тем что Юньнань расположена очень далеко от центра и пути сообщения с ней неудобны, Чжу Юаньчжан специально назначил туда своего приемного сына Му Ина командовать гарнизоном. Члены семейства Му наследовали эту должность из поколения в поколение и прослужили в Юньнани без малого триста лет, начав и кончив карьеру вместе с династией Мин.

Еще до захвата Юньнани Чжу Юаньчжан обратил внимание и на дела на Северо-Востоке. После того как в 4-м году Хуньу (1371 г.) сдался минской армии юаньский начальник обороны Ляояна генерал Лю И, там было создано сперва управление уполномоченного — командующего войсками Ляодуна для общего командования вооруженными силами этой провинции и один за другим умиротворены города Шэньян, Кайюань и другие. Одновременно войска, подтянутые из провинций Хэбэй, Шэньси и Шаньси, развернув крупное наступление, глубоко проникли в пустыню Гоби, разгромили там главные силы армии Кокотэмура и пошли на Инчан (на западной границе современного уезда Цзинпэн автономного района Внутренней Монголии, на берегу озера Буюйэрхай—Даэрпо). Когда минская армия взяла Инчан, юаньский владетель бежал далеко в Северную Монголию. После смерти Кокотэмура в 8-м году Хуньу (1375 г.) силы юаньских армий стали постепенно убывать, и вскоре они уже не могли больше глубоко вторгаться для грабежа во внутренние районы Китая. Воспользовавшись случаем, Чжу Юаньчжан занял район Ганьсу — Нинся и привлек на свою сторону цяньские племена и дунган Северо-Запада, дав каждому из вождей звания тусы или княжеские титулы и заставив их подчиняться его приказам, чтобы воспрепятствовать вторжениям юаньской армии с помощью военных отрядов этих племен. К северу от Великой китайской стены, а также на территории современной провинции Хэбэй и современного

автономного района Внутренней Монголии он создал опорные пункты во всех важных стратегических районах, и его войска стали постепенно продвигаться дальше, тесня юаньскую армию на север, в монгольскую пустыню Гоби, чтобы она более не могла приближаться к пограничным крепостям. Так было покончено с Северо-Западом. Теперь можно было повернуть на Северо-Восток и прибрать его к рукам.

В 20-м году Хунъю (1387 г.) весь Ляодун был умиротворен. Тогда было создано Управление главного уполномоченного — командующего пешими войсками умиротворения Севера в крепости Данин, которая прикрывала подступы к Ляояну на Востоке и к Датуну на Западе. На протяжении тысяч ли на запад от реки Ляохэ всюду были созданы посты и караулы (со), поставлены войска и, таким образом, создано нечто вроде новой Великой китайской стены для защиты старой Великой китайской стены. Спустя два года последний юаньский правитель Тогус-Тэмур был убит и подчиненные его рассеялись. После этого в самой Монголии также беспрерывно происходили государственные перевороты и мятежи, и ее силы убывали. Поэтому на северных границах минской империи также было спокойно в течение нескольких десятилетий.

Хотя юаньская армия на Северо-Востоке и капитулировала, вопрос о чжурчжэнях там ждал срочного решения. Чжурчжэни, малый народ, остатки бывших завоевателей Северного Китая, делились на цзяньчжоуских, хайсиских и «диких». В отношении их Чжу Юаньчжан применял тактику, учитывающую как военное, так и политическое положение. Он пожаловал Ханьскому князю город Кайюань и Нинскому князю город Данин для контроля над верховьем и низовьем Ляохэ, а Ляоскому князю — Гуаннин (ныне Бэйчжэнь, пров. Ляонин). Таким образом, были созданы три военных центра в качестве важных узловых пунктов, препятствующих совместному наступлению юаньской армии и чжурчжэньских племен. В области политической он применил тактику «связывания путами». Отправив послов ко всем чжурчжэньским племенам в различные районы Северо-Востока, он привлек их на свою сторону подарками — золотом и шелками — и создал на их территории «связывающие их путами» гарнизоны стражи: каждое из племен составляло единицу, которая управлялась с помощью стражи. Он дал вождям племен должности офице-

ров страж и караулов, разрешив им просить императорский двор о наследовании этих должностей, кроме того, дал им печати и грамоты, обязал предоставлять дань ко двору и заниматься торговлей с Китаем, чтобы удовлетворить их потребность в обмене товарами. Таким образом, чжурчжэньские племена превратились в стражи, не подчиненные друг другу, и ни у одной из этих единиц не было сил, чтобы самостоятельно совершить набег на внутренние районы Китая.

С умиротворением Ляодуна дело объединения страны завершилось. Как и в предыдущую эпоху, единая великая империя Мин установила отношения со многими соседними странами. Начнем перечисление их с востока. В результате государственного переворота в Корее в 25-м году Хунъу (1392 г.) главнокомандующий войсками Ли Чэнгуй сверг королевскую династию, дружественную династии Юань, и провозгласил себя королем, переименовав название государства на Чаосянь, которое стало дружественным соседом империи Мин. Остальными странами, поддерживавшими политические, культурные и экономические отношения с империей Мин, были Рюкю на востоке, Бирма, Аннам, Камбоджа, Чжаньчэн и Сиам на юге и государства на островах Южных морей.

Минская империя поддерживала дружественные отношения с окружающими соседними странами посредством взаимной периодической посылки послов и обмена подарками — местными товарами. Каждая страна всегда сохраняла свой суверенитет. Для того чтобы производить обмен товарами с заморскими странами, в приморских районах империи Мин были специально открыты торговые порты, где ведали торговлей и приемом иностранных торговых судов специальные органы — управления торгового флота. В 1-м году Хунъу (1368 г.) были определены три торговых порта для торговли с иностранцами: управление торгового флота в Нинбо ведало торговыми связями с Японией, управление в Цюаньчжоу — с Рюкю и управление в Гуанчжоу с Чжаньчэном, Сиамом и государствами на о-вах Южных морей.

Многочисленные захватнические войны, которые династия Юань вела против Японии, Аннама, Бирмы, Чжаньчэна и Явы в первый период своего существования, и понесенные ею поражения, имевшие серьезные последствия, преподали Чжу Юаньчжану хороший урок. Он обоб-

щил неудачный опыт предыдущей династии и так сформулировал основы своей внешней политики: если иностранцы нападут на наши границы, то они хлебнут горя, а если они не нападут, то и нам не стоит поднимать войска и нападать. Он делил иностранные государства на две группы: первую составляли «страпы, против которых не совершались «карательные походы», то есть те, с которыми Чжу Юаньчжан не воевал, а вторую — страны, которых надо было остерегаться. В «Наставлениях родоначальника августейшей династии Мин» он серьезно предупреждал потомков:

«Все варвары четырех сторон отделены от нас горами и отгорожены морями и ютятся уединенно в своих захолустьях. Если бы мы получили их земли, то невозможно было бы использовать их; если бы мы получили их народ, то невозможно было бы использовать его. Если же они сами будут тревожить наши границы, то станут несчастными. Если они не будут приносить бед Срединному государству, а мы подыдем войска и нападём на них, то и мы будем несчастными. Я опасюсь, что мои потомки, опираясь на богатства и мощь Срединного государства и стремясь к боевым заслугам, без причины подымут войска и станут губить и калечить людские жизни. Настоятельно необходимо помнить: этого делать нельзя. Но у монголов и Срединного государства границы соприкасаются, и мы воюем с ними давно; необходимо для борьбы с ними отбирать генералов, обучать войска, постоянно остерегаться их и быть готовыми к неожиданностям.

Теперь перечислим ниже названия всех государств, против которых не совершались «карательные» походы:

на северо-востоке — Корея;

на востоке — Япония (хотя японцы являлись ко двору, но на самом деле лукавили и тайно связывались с вероломным чиновником Ху Вэйюном, который замышлял мятеж, поэтому мы порвали с ними);

на востоке — государство Рюкю;

на юге — Аннам, Камбоджа, Сиам, Чжаньчэн, Суматра, Ява, Паньхэн, государство Байхуа (Белых цветов), государство Саньфоцзи (Трех равных будд) и Бони».

Перечисленные названия свидетельствуют о недостаточных знаниях людей того времени о мире. Для людей начала эпохи Мин страны на других материках, кроме Азии, просто не существовали или были им незнакомы ли-

бо знакомы очень мало. В то время Китай был большой земледельческой страной с не очень развитыми ремеслами и торговлей, которая не нуждалась в заморских рынках. Его территория была обширна, и он не нуждался в захватах, не испытывал и недостатка в рабочей силе. Поэтому-то Чжу Юаньчжан решительно возражал против политики внешних захватов. Его внешняя политика была прогрессивной, дальновидной и заслуживает одобрения. Но он относился ко всем соседним народам свысока как к «варварам», которые «ютятся уединенно в своих захолустьях».

Во внутренних районах Китая племенные вожди (тусы) были обязаны предоставлять дань ко двору в определенные сроки, наследование титулов вождей племен производилось с одобрения императорского двора, но во внутренней политике на контролируемых ими территориях они были самостоятельны. Тусы племен, имевшие свои войска, подчинялись непосредственно военному министерству империи, а области и уезды, населенные малыми народностями, — непосредственно министерству чинов. В мирное время они платили налоги государству, строили и содержали дороги, а в военное время были обязаны выделять войска для участия в военных походах. Контроль над тусы осуществляли: управления пограничных уполномоченных-умиротворителей, управления пограничных уполномоченных-утешителей, управления пограничных уполномоченных — вербовщиков и карателей, управления пограничных уполномоченных-успокоителей, управления старших начальников, племенные областные управы и племенные уездные управы. Старшие начальники этих управ передавали свои должности по наследству и ведали определенной территорией с ее коренным населением. В случаях возникновения внутренних беспорядков в племенах или сопротивления последних мерам императорского двора тусы часто лишались власти на своей территории, племена передавались в непосредственное подчинение императорского двора и управлялись «передвижными» чиновниками. Это называлось «замена племенных и передача передвижным». Тусы назначались императорским правительством, подавляли всякое недовольство подчиненного им простого народа и способствовали порабощению и обиранию его; императорское правительство держало в повиновении вождей племен, обладающих реальной силой, раздавая им должности и титулы, награды и подарки, чтобы они тяготели к нему,

поддерживали стабильность положения на местах и способствовали упрочению императорской власти над населением. Можно сказать, что они были нужны друг другу.

Что касается расселения национальных меньшинств в юго-западных районах Китая в эпоху Мин в целом, то пограничный район между провинциями Хугуан, Сычуань и Гуйчжоу был областью проживания племен мяо, простирающейся на юг до Гуйчжоу; в Гуанси обосновались племена яо (в восточной части провинции) и тун (в западной части); в пограничном районе между провинциями Сычуань, Юаньнань и Гуйчжоу были сосредоточены племена и; в западной части Сычуани и на северо-западе Юньнани обитали мосе; в южной части Юньнани — племена цуань; на севере Сычуани и в Цинхае, Ганьсу и Нинся — племена цян и дунгане; в Тибете и на западе Сычуани — тибетцы.

В вышеуказанных районах, помимо системы управления племенных вождей (тусы), существовала также система смешанного управления «передвижных» и племенных чиновников. «Передвижной» чиновник — это чиновник, назначаемый императорским правительством на определенный срок, не передающий свою должность по наследству и не являющийся местным жителем. Племенные чиновники, как правило, были главами управлений, а назначаемые сверху «передвижные» чиновники — их помощниками. «Передвижные» чиновники в таких случаях фактически исполняли функции надзора. В округах и уездах, где были учреждены должности «передвижных» чиновников, на контролируемой ими территории также существовала система тусы различных племен. Поэтому в ведении одного и того же управления политического уполномоченного находились округа и уезды «передвижных» чиновников, система тусы (племенных чиновников), округа и уезды под совместным управлением племенных и «передвижных» чиновников, были округа и уезды под управлением «передвижных» чиновников, где проживали смешанно китайцы и национальные меньшинства. Положение здесь было чрезвычайно сложное. Именно сложность и запутанность национального вопроса легче всего вызывали конфликты и даже войны между национальностями. Великоханьский шовинизм китайцев здесь играл свою неблагоприятную роль. Они давили на местные племена экономически, грабили их с помощью своих чиновников и сгоняли с насиженных мест вооруженной силой, чтобы

отобрать земли и имущество национальных меньшинств. Одни из национальных меньшинств были вынуждены переселиться в горы и жили в чрезвычайно трудных условиях; другие были перебиты и уничтожены; третьи не захотели подвергаться угнетению, организовывались для вооруженного сопротивления пришельцам, и вспыхивали местные и даже большие войны. Иногда же некоторые вожди племен в своих интересах воевали против других племен или китайцев, чтобы расширить свою территорию с помощью силы и пограбить.

Малые народы активно участвовали в антиюаньской борьбе в конце эпохи Юань и сыграли свою роль в ослаблении господствующего класса монгольских и китайских помещиков. В начале эпохи Мин, в эру правления Хуньфу (1368—1398 гг.), также вспыхивала борьба против класса феодалов-помещиков. Восстания вспыхивали непрерывно одно за другим. Так как они происходили в разных районах и в разное время и отряды повстанцев воевали с противником изолированно друг от друга, то все они были подавлены сильными, организованными минскими войсками.

Что касается управления малыми народами в минской империи, то в пограничных районах правительство проводило политику предоставления некоторой свободы действий вождям племен, лишь бы тусы в данной местности подчинялись правительству. Им разрешалось казнить и миловать подчиненных по собственному усмотрению, передавать должности по наследству. Во внутренних районах Китая правительство проводило политику ассимиляции малых народов. Например, оно назначало «передвижных» чиновников для управления некитайскими племенами, проводило дороги по территории этих племен и учреждало там почтовые станции, производило отбор сыновей и младших братьев чиновников тусы в Академию сынов отечества для учебы. Потом оно заставляло племена поставлять зерно и платить налоги государству и подчиняться приказам о переброске для участия в карательных походах, постепенно укрепляло власть над племенами и в конечном счете преобразовывало владения тусы в округа и уезды во главе с «передвижными» чиновниками, непосредственно управляемые императорским двором.

Правительство управляло цяньскими племенами Северо-Запада двумя методами. Во-первых, оно назначало их вождей старшими чиновниками страж с правом передачи

должности по наследству. Во-вторых, учитывая туземные обычаи, оно строило буддийские монастыри, жаловало вождям почетные монашеские звания и управляло местным населением через религиозные институты. Племена жили рассредоточенно, и военные силы их были распылены, и поэтому в охране границ на Северо-Западе не возникало трудностей. Современный Тибет и западная часть провинции Сычуань в ту эпоху назывались Усыцзан и Досань, население этих районов исповедовало ламаизм, и буддийские монахи одновременно ведали административными делами. Династия Мин учредила органы военной власти на территории цянских племен и, кроме того, жаловала их старейшинам звания государственного наставника и князя веры, с тем чтобы они управляли населением, являлись ко двору и представляли дань в определенные сроки. Кроме того, в связи с тем что на западных границах население имело особое пристрастие к чаю, было создано Управление по сбору государственного монопольного налога на чай и производился обмен чая на лошадей. Ответные подарки за предоставленную дань также состояли главным образом из чая и тканей. В племенах на западной окраине все вожди и монахи находили, что поддерживать такие отношения с минским правительством им выгодно, вели себя тихо, не допуская никаких инцидентов с минскими властями ради ответных подарков за дань, прибыли от торговли, сохранения своих наследственных должностей и пожалованных им привилегий. В течение почти трехсот лет существования династии Мин на западных границах империи было сравнительно спокойно и не было больших войн.

В отношении монголов и других кочевников минское правительство продолжало последовательно проводить политику, которая была выдвинута в воззвании к населению накануне Северного похода: «Хочу сделать их вассалами нашего народа, успокоить и растить наравне с людьми Цветущего Ся». Монголы назначались на должности и продвигались по службе на одинаковых основаниях с китайцами. При дворе некоторые из них дослуживались до министров и старших секретарей, а на местах многие из них были начальниками областей и уездов. В войсках их было еще больше, и даже в личной гвардии императора имелись монгольский отряд и монгольские офицеры. Двор жаловал им китайские фамилии и имена, вручая им специ-

альные свидетельства каньхэ (свидетельства с печатью по линии отреза) точно так же, как китайцам. По законам им разрешалось вступать в брак с китайками при обязательном согласии обеих сторон. Таким образом, эти монголы через несколько поколений ассимилировались с китайцами. Среди них насчитывалось несколько десятков семей потомственных военных, представители многих поколений которых были генералами и отличились в боях.

Задача «восстановить величественный внешний вид китайского чиновника», выдвинутая в воззвании к населению накануне Северного похода, также постепенно выполнялась. Чжу Юаньчжан издал указ восстановить формы одежды, головных уборов населения по танскому образцу. При монголах заплетали волосы в косу, укладывали ее узлом и носили монгольское платье. Мужчины носили штаны и халаты на подкладке с узкими рукавами и подпоясывались сплетенными шнурами, а женщины — короткие халаты с узкими рукавами и юбки. Они говорили на языке «северных варваров» и имели фамилии «северных варваров». Все это было запрещено. Раньше на похоронах играли на музыкальных инструментах и веселились возле покойника, что касается порядка усаживания в зависимости от рангов, то при монголах правая сторона считалась почетной. Все это также было изменено. Кроме того, на основании древних книг об обрядах были установлены для всех классов населения формы повседневной одежды, жилищ, экипажей и т. д. соответственно феодальным рангам и сословиям. Любые нарушения пресекались законом.

3. Выбор столицы и оборона северных границ

Чжу Юаньчжана после провозглашения его императором и создания им своей династии постоянно мучили два вопроса: как создать эффективный политический центр, то есть где выбрать столицу, и какими методами сохранить власть династии семейства Чжу для потомков?

Еще когда он впервые переправился через Япцзы и взял Тайпин, Тао Ань предложил ему прежде всего захватить Цзиньлинь (Интянь), имевший выгодное географическое расположение. Фэн Гоюн посоветовал ему создать

столицу в Цзиньлине. Е Дуи представил доклад Чжу Юаньчжану, прося выбрать столицей Цзиньлин и после этого расширять территорию. Советники и политики единодушно высказывались за то, чтобы сделать столицей государства Интянь (Цзиньлин). После долгих размышлений Чжу Юаньчжан в 6-ю луну 12-го года Лунфэн (1366 г.) расширил старые стены Интяня и начал сооружать южнее горы Чжуншань новый дворец, постройка которого была завершена в 9-ю луну следующего года (1367 г.). Интянь являлся столицей в тот период, когда Чжу Юаньчжан был князем У (У-ваном).

Став императором в 1-м году Хуньу (1368 г.) и начав карательные походы на север и юг, Чжу Юаньчжан усмирил Ляодун в 20-м году Хуньу (1387 г.) и объединил Север и Юг. Территория, на которую распространялась его власть, раньше охватывала лишь часть юга страны, теперь же она расширилась и охватила всю страну, и перед Чжу Юаньчжаном встал вопрос, отвечает ли столица того периода, когда он был князем У, условиям, созданным после расширения его территории. Все при дворе — и высшие, и низшие — чувствовали, что выбор не совсем удачен, так как с точки зрения постоянной заботы о военных делах на севере столица, находящаяся на юго-востоке, явно не подходила. После того как в 1-м году Хуньу (1368 г.) был взят Бяньлян, Чжу Юаньчжан сам поехал туда, осмотрел город и нашел, что хотя он по своему географическому положению отвечает требованиям, но не годится для столицы с военной точки зрения: вокруг города нет естественных преград, чтобы оборонять его, он открыт для неприятеля со всех сторон и еще хуже Интяня. В 8-ю луну того же года (1368 г.) Чжу Юаньчжан, подражая древней системе, согласно которой у империи было две столицы, хотел сделать Интянь Южной столицей (Напъцин, Нанкин), а Кайфын (Бяньлян) — Северной столицей (Бэйцин) только потому, что, пока северо-запад оставался неусмирленным, было необходимо перевозить и пересылать туда продовольствие и пополнение для армии, что настоятельно требовало создания здесь, в Кайфыне, военной базы. В 11-м году Хуньу (1378 г.) был издан императорский указ о преобразовании Нанкина в столицу империи. Так было принято решение по вопросу об основании столицы после десяти лет колебаний. Отныне Чжу Юаньчжан больше не упоминал о перенесении столицы

на северо-запад, в Кайфын. Этой второй столицей стал потом Даду, переименованный сначала в Бэйпин (Мир на Севере), затем в Пекин, или Бэйцзин (Северная столица).

Вопрос о системе, по которой князьям жаловались уделы, был предварительно решен в 4-ю луну 2-го года Хунъю (1369 г.). А через год Чжу Юаньчжан пожаловал сыновьям, начиная со второго и кончая десятым, титулы принцев крови (цинъ-ван). Но вопрос о переезде князей во владения был решен лишь в 11-м году Хунъю (1378 г.), то есть после превращения Нанкина в столицу. Со времени пожалования князьям титулов и до их переезда во владения прошло девять лет. Причина такой задержки заключалась в том, что некоторые из сыновей императора не достигли совершеннолетия и что столица империи еще не была выбрана, без чего нельзя было решить вопрос о создании системы уделов.

После решения вопроса о местопребывании столицы второй сын Чжу Юаньчжана, Циньский князь, обосновался в Сиане, а его третий сын, Цзиньский князь, — в Тайюани. В 13-м году (1380 г.) четвертый сын императора, Яньский князь, обосновался в Бэйпине. Он создал гарнизоны в важных пограничных селах вдоль Великой китайской стены. В 14-м году (1381 г.) пятый сын Чжу Юаньчжана, Чжоуский князь, обосновался в Кайфыне, а его шестой сын, Чуский князь, — в Учане. В 15-м году (1382 г.) его седьмой сын, Циский князь, осел в Цинчжоу. В 18-м году (1385 г.) Таньский князь прибыл в Чанша, а Луский князь — в Яньчжоу. Впоследствии остальные юные князья, достигая совершеннолетия, один за другим переезжали в свои уделы, которые располагались в важных стратегических пунктах империи.

С военной точки зрения созданные уделы как бы образовали две линии — первую и вторую, или фронтную и тыловую. Князья первой линии имели задачу оборонять территорию империи от вторжений войск монгольской династии Северная Юань и создавать важные опорные пункты, опирающиеся на естественные препятствия и имеющие большое стратегическое значение. Они назывались пограничными князьями. Все эти пограничные князья имели уделы вдоль Великой китайской стены.

В своих владениях князья создавали княжеские канцелярии (вап фу) и назначали туда чиновников. Корона, парадное платье, экипаж и знамя принца крови были беднее

императорских. Все другие императорские родственники и крупные сановники — гуны и хоу — были обязаны при встрече с принцем крови кланяться ему, опустив голову на грудь, а не приветствовать его как родного. Но несмотря на очень высокое положение и именитость, князья не распоряжались своими уделами, не имели права управлять ими и вмешиваться в дела гражданской администрации. Всеми делами в этих уделах ведали чиновники различных рангов, назначаемые императорским двором. Князья были наделены лишь правом командовать войсками и руководить военными делами. В «Поучениях родоначальника, августейшей Мин» («Хуан-мин цзу-сюнь») предписывалось: «Во всех уделах должны быть войска обороны и подавления и войска охраны. Войсками обороны и подавления должны руководить постоянно назначенные командиры, а войска охраны подчиняются князьям. Если же данный удел расположен в важном стратегическом районе, то в случае тревоги как войска обороны и подавления, так и войска охраны подчиняются князьям». Перебрасывать войска обороны и подавления с места на место можно было только по письменному распоряжению императора с императорской печатью, врученному принцу крови. В тех же «Поучениях» устанавливалось: «Во всех случаях, когда императорский двор перебрасывает войска, необходимо, чтобы письменное распоряжение с императорской печатью вручалось князю и одновременно командиру войск обороны и подавления. Последнему разрешается отправлять войска только по получении им письменного распоряжения с императорской печатью и княжеского указа. Не должно отправлять войска без княжеского указа». Это решение давало принцу крови право контроля над войсками обороны во вверенных ему местах. Он был представителем военной власти императора на местах. В мирное время он контролировал местные войска обороны и подавления, опираясь на свои войска охраны, и единолично принимал решения в зависимости от обстановки; в военное время он командовал обеими армиями и единолично отвечал за них. Чжу Юаньчжан поручил командование армией своим родным сыновьям. Только в этом случае он мог быть спокоен. Каждую осень пограничные князья объезжали пограничные районы во главе своих войск и, устраивая войсковые учения, доходили даже до Монголии, называя последнее «очищением пустыни Гоби».

Принцы крови охраняли границы и решали вопросы, относящиеся к армии. Во внутренних районах большие города также находились под контролем принцев крови. Каждый удел был военным центром. Чжу Юаньчжан находил такое устройство империи весьма подходящим. Но он не подумал о том, что паделение сыновей слишком большой властью над армией вызовет противоречия в императорской семье. Вскоре после его смерти император Цзяньвэнь отобрал уделы у князей, опасаясь чрезмерного усиления их. Яньский князь (Янь-ван) пошел на него с войсками, и началась междоусобная война. Когда Яньский князь стал императором, он перенес столицу в Бэйпин.

4. Усиление централизации власти

Чжу Юаньчжан постепенно создал бюрократический аппарат для управления всей страной, централизовал его, поднял его авторитет и усовершенствовал этот аппарат в результате изучения опыта, споров, многочисленных реформ и жестокой внутренней борьбы в среде господствующего класса.

В связи с созданием империи Великая Мин необходимо было создать эффективный центральный и местный административный аппарат, который при высокой централизации власти действовал бы слаженно и послушно, как пальцы на руках. Только при этом условии можно было добиться действительного объединения страны, концентрации ее сил и справиться с функциями подавления народа внутри империи и защиты ее границ от угроз извне. Тенденция развития и объективная обстановка того времени толкали Чжу Юаньчжана на решительные реформы.

Коснемся сначала вопроса о местном аппарате. В эпоху Юань каждое провинциальное правительство создавалось как копия центрального правительства в Даду. В нем учреждались такие же должности, какие были в центральном правительстве. Оно ведало военными делами, гражданской администрацией и финансами точно так же, как и центральное правительство, и обладало очень большими полномочиями. В последний период существования династии, когда всюду начались восстания, чиновники на местах воевали с повстанцами на свой страх и риск и часто

решали сами все большие и малые дела, а юаньский императорский двор не вмешивался в их дела, поэтому происходила децентрализация власти, руководство же делами со стороны двора было негибким, а меры, принимаемые им, недействительными. Ветви оказались сильными, а ствол слабым, и начались отторжения и распад территории империи. Чжу Юаньчжап, сам начавший карьеру с поста главы провинциального управления в государстве Сун, никогда не обращался к Сяо Мин-вану за утверждением ни по каким вопросам; его провинция фактически была самостоятельным княжеством.

Когда же он приобрел большой вес, то вообще перестал обращать внимание на двор Сяо Мин-вана и использовал только название его эры правления. Теперь же он сам стал императором, оказавшись в положении юаньских императоров или Сяо Мин-вана. Что следовало выбрать: децентрализацию или централизацию власти? Позволить ли провинциальным правительствам гнуть самостоятельную линию, как он сам в свое время, или самому держать в своих руках всю власть, жестко контролировать местные административные органы, туго связать им руки и требовать, чтобы они послушно выполняли все его приказы? Это был очень серьезный вопрос, который надо было решить надлежащим образом.

Вплоть до 9-го года Хунъю (1376 г.) он все больше ощущал, что местная власть была сильна. Все эти годы он, занятый войнами, думал, как реформировать ее. В 9-м году Хунъю (1376 г.) у него созрело решение. Он сосредоточил все важные органы власти при дворе и преобразовал провинциальные правительства в наместничества, поставив над ними по одному левому и по одному правому наместнику. Наместники были эмиссарами императорского двора на местах и ведали делами управления, главным образом финансами и гражданской администрацией. Императорский двор выпускал законы и распоряжения, определял политику, порядок работы, срок проверки и задачи и доводил все это через наместников до сведения местных чиновников областей, округов и уездов для исполнения.

Вся страна была поделена на 12 наместничеств (бучжэн-шисы): Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь, Бэйпин, Гуанси, Сычуань, Шаньдун, Гуандун, Хэнань, Шэньси, Хугуан и Шаньси. В 15-м году Хунъю (1382 г.) дополнительно было

создано наместничество Юньнань. По своему положению наместничества, в общем, были наследниками юаньских провинциальных правительств. Наместники ведали только финансами и гражданской администрацией и сильно отличались полномочиями от чиновников юаньских провинциальных правительств, которые управляли всеми делами провинций. По своему положению наместничества были органами императорского центрального правительства на местах, филиалами его, и являлись очень важными учреждениями, а наместники считались эmissарами императорского правительства на местах и были обязаны подчиняться воле императорского двора по всем вопросам. Кроме того, в каждом наместничестве создавалось управление уполномоченного — следователя для контроля за наказаниями, ведающее судами и тюрьмами, во главе с уполномоченным-следователем. Оно распоряжалось делами, связанными со следствием по уголовным делам в наместничестве. Наместничество, управление уполномоченного-следователя и управление главного уполномоченного-командующего, ведавшее военным делом в пределах провинции, вместе назывались «три управления» и представляли собой учреждения, которые осуществляли распоряжения императорского правительства на местах. Таким образом, три органа, ведавшие гражданской администрацией, финансами, судом и регулярной армией, были разделены, самостоятельны, не подчинялись друг другу и находились под непосредственным руководством императорского правительства. Это было сделано с целью сосредоточения при дворе наиболее важных административных функций, концентрации и усиления власти императорского правительства и его контроля над этими тремя органами и руководства ими. Местные административные единицы, подчиненные наместникам, подразделялись на две группы. Первую группу составляли области во главе с начальниками областей; еще имелись округа прямого подчинения во главе с начальниками округов, которые по положению были приравнены к начальникам областей. Вторую группу составляли уезды во главе с начальниками уездов; еще были округа во главе с начальниками округов, которые по положению были приравнены к начальникам уездов. Начальники округов и уездов непосредственно управляли местным населением и назывались «чиновниками, любящими народ».

Реформа центральных органов власти была проведена несколько позднее, чем местных. Контроль и руководство местной гражданской администрацией, финансами, судами, тюрьмами и регулярными войсками были сосредоточены в руках центрального правительства. По мере увеличения его полномочий и влияния все более обострялись противоречия между центральным правительством и императором. В 13-м году Хунгю (1380 г.) при дворе возник политический кризис. В ходе борьбы за власть между императором и главным министром, представлявшим интересы хуайской клики, Чжу Юаньчжан, взяв под свой непосредственный контроль императорскую гвардию и органы тайной полиции, разбил и уничтожил хуайскую клику новых помещиков, которая боролась с ним за руководство империей, а министр Ху Вэйюп и многочисленные старые заслуженные генералы были казнены. Чжу Юаньчжан, воспользовавшись этим, упразднил центральное правительство, установил систему шести министерств и стал править страной с их помощью. Это были министерства: чинов, финансов, обрядов, военное, юстиции и общественных работ. В каждом назначались министр и два старших секретаря — левый и правый. Министерство чинов ведало назначением, проверкой деятельности, повышением и понижением в должности и наказанием чиновников всей империи; министерство финансов — сельскохозяйственными, торговым и соляным налогами и трудовыми повинностями; министерство обрядов — церемониями, религиями, жертвоприношениями, просвещением, экзаменами на занятие государственных должностей и внешними сношениями; военное министерство — назначением и смещением офицеров регулярной армии и изданием приказов по армии; министерство юстиции — вопросами законодательства, судами и тюрьмами; министерство общественных работ — производством оружия, монет, возведением деревянных сооружений, ирригационными сооружениями, путями сообщений и т. п. Министры несли ответственность непосредственно перед императором и исполняли его волю. Чжу Юаньчжан стал самым могущественным монархом в истории Китая.

Сложным стало управление военными делами. В случае войны император должен был назначить верховного главнокомандующего, так как не мог каждый раз выступать сам в роли верховного главнокомандующего. Но, назначив верховного главнокомандующего и поставив его во главе

великой армии, следовало лишить его полномочий после окончания войны. Если же не лишать полномочий, то в один прекрасный день вспыхнет мятеж и тогда начнет рушиться его, Чжу Юаньчжана, власть. Какие принять меры, чтобы держать армию под своим контролем? Чжу Юаньчжан создал канцелярию великого инспектора вместо юаньского военного совета для контроля над всеми войсками в столичной области и провинциях и назначил инспекторами старшего сына Чжу Вэньчжэна вместе с надежными генералами. Через некоторое время он снова почувствовал, что канцелярии великого инспектора дана слишком большая власть, и в 13-м году Хуньу (1380 г.) разделил эту канцелярию на пять канцелярий: инспекторов средней, левой, правой, передовой и тыловой армий. Когда вместо одной было образовано пять канцелярий, то каждая из них стала возглавляться двумя инспекторами — левым и правым. Каждый инспектор руководил подчиненным ему управлением главного уполномоченного-командующего и стражей. Они согласовывали свои действия с военным министерством. Однако они и военное министерство также и контролировали друг друга. Военное министерство имело право издавать приказы, назначать и смещать офицеров, но не могло осуществлять командование войсками. Хотя канцелярии инспекторов ведали списками личного состава своих армий и военной администрацией, они не осуществляли непосредственное командование войсками. В военное время старшие начальники канцелярий инспекторов становились командующими войсками и руководили боевыми операциями во главе сосредоточенных войск только в том случае, если военное министерство издавало приказ о сосредоточении войск и назначении командующих на основании решения императора. В армии еще были назначаемые императором цензоры, или средние инспекторы, войск на императорской службе (впоследствии еще дополнительно назначались великие инспекторы, которые посылали свои донесения о положении в армии прямо императору). По окончании военных действий данный командующий был обязан сдать обратно свою генеральскую печать и вернуться на прежнюю должность. Собранные войска также немедленно возвращались в распоряжение своих прежних гарнизонных командиров.

Однако реорганизация административных и военных органов сама по себе была еще недостаточна. Как обеспе-

чить, чтобы чиновники в этих учреждениях были верны императору, отдавали все силы службе и отлично выполняли приказы императора? Надо было создать систему ревизии и контроля.

При династии Юань ревизию осуществлял цензорат. В 15-м году Хунью (1382 г.) Чжу Юаньчжан преобразовал его в палату главного ревизора. В ней старшими начальниками были левый и правый главные цензоры, левый и правый помощники главных цензоров и левый и правый товарищи главных цензоров. Ниже их стояли 110 цензоров-ревизоров, которые осуществляли свои функции в наместничествах. Они должны были разоблачать злоупотребления во всех учреждениях, выявлять несправедливые обвинения и могли немедленно обвинить в служебных преступлениях тех крупных сановников, которые оказывались бесчестными, чинили самоуправство и вносили беспорядок в управление, или если чиновники оказывались непочтительными к старшим, проявляли алчность, совершали злоупотребления и подрывали систему, установленную предками. Цензоры-ревизоры были по рангу равны начальникам уездов, но пользовались большей властью. Император использовал их, чтобы держать под контролем крупных чиновников, контролируя больших с помощью малых и периферию с помощью столицы. Он даровал им право говорить все, что они сочтут нужным, вносить любые предложения и доносить на любых крупных чиновников вплоть до князей. Император считал чиновников этого ямэня своими ушами и глазами. Они подслушивали и высматривали для императора и немедленно докладывали ему об услышанном и увиденном. При дворе цензоры-ревизоры проверяли весь бюрократический аппарат, а выезжая на места, ревизовали там учреждения, производили чистку в армии, инспектировали школы, проверяли солеварни, чайные и конские рынки, производили смотр войскам и выполняли другие функции. Цензоры, выезжавшие с ревизией на места, считались едущими с целью инспекторского смотра вместо самого императора. Прибыв к подчиненным, они решали мелкие дела на месте, а о крупных докладывали императору и были самыми влиятельными посланцами.

Административные, военные и контрольные органы были самостоятельными, не подчинялись друг другу и все несли ответственность только перед императором. Положе-

ние каждого чиновника определялось рангом. Было всего девять рангов и восемнадцать классов чинов от 9-го ранга 2-го класса до 1-го ранга 1-го класса. Должность должна была соответствовать рангу. Существовал определенный порядок повышения по должности и в рангах, проверки успехов и увольнения столичных и периферийных чиновников. Во всем бюрократическом аппарате все взаимно контролировали друг друга. Контрольные органы проверяли всех чиновников, организации тайной полиции подавляли и устрашали народ, шесть министерств ведали административными вопросами, а канцелярии инспекторов — армией; причем главнокомандующий в мирное время не командовал войсками, право мобилизации и демобилизации войск принадлежало военному министерству, министерство финансов снабжало армию продовольствием и фуражом, министерство общественных работ — оружием, а определял политику император. Вся власть была сосредоточена в руках императора, а шесть министерств, канцелярии и палаты подчинялись ему непосредственно.

Чжу Юаньчжан еще в 1-м году У (1367 г.) дал директиву чиновникам цензората и центрального правительства устанавливать простые и строгие законы. Им были отобраны ученые, хорошо разбирающиеся в праве, для составления узаконений. В результате проведения тщательных исследований и обсуждений были составлены «Законы Великой Мин», которые за время тридцатилетней работы над ними четыре-пять раз изменялись и сокращались. Они представляют собой важнейшее в истории китайского права уложение. После завершения работы по составлению свода законов Чжу Юаньчжан приказал чиновникам перевести на разговорный язык те части его, которые касались жизни народа; перевод был назван «дословным толкованием» (чжицзе) и разослан по всем областям и уездам. Все это делалось с целью, чтобы простые люди поняли законы и исполняли их.

По мнению Чжу Юаньчжана, евнухи и родственники императора по женской линии приносят зло делу политического управления страной. Эти люди нужны во дворцах, но там они должны быть только рабами и слугами и прислуживать императору, подавая вино или подметая пол. Их не может быть слишком много. Также нельзя использовать их в качестве доверенных лиц, глаз и ушей. Сделаешь их своими доверенными — душа заболит, сделаешь их

своими глазами и ушами — глаза и уши испортятся. Чтобы держать их в руках, нужно заставлять их соблюдать закон, а если они будут соблюдать закон, то не будут творить дурные дела. Не следует позволять им иметь заслуги, ибо как только они будут иметь заслуги, то трудно будет обуздать их. Чжу Юаньчжан установил правило, по которому всем внутренним чиновникам (евнухам) не разрешалось учиться и быть грамотными. Кроме того, на воротах дворцов были укреплены железные дощечки с выгравированной надписью: «Внутренним чиновникам не вмешиваться в дела управления! За нарушения — отсечение головы». Не разрешалось евнухам занимать гражданские и военные должности в правительстве и носить форму правительственных чиновников. Ранг дворцового чиновника не должен был быть выше 4-го; евнух получал 2 даня риса в месяц, обеспечением его одеждой и питанием ведала казна. Правительственным учреждениям не разрешалась переписка с приказом евнухов. Предупредительные меры против стремления родственников жен императора к власти сводились к тому, что императрице и другим императорским женам не разрешалось участвовать в делах управления. В 3-ю луну 1-го года Хуньу (1368 г.) император приказал ученым-конфуцианцам с целью воспитания дворцовых женщин составить руководство «Заповеди для женщин», собрав в нем древние рассказы о мудрых и добродетельных женщинах. Было установлено, что императрица распоряжается только делами, относящимися к женщинам, живущим во дворце, и что ей не разрешается вмешиваться в дела женщин за воротами дворца. Дворцовым женщинам не позволялось переписываться с людьми, живущими вне дворца. За нарушение этого запрета виновные подлежали смертной казни. Жены титулованных правительственных чиновников по установленному правилу являлись на аудиенцию к императрице в 1-й и 15-й дни каждого месяца, и в остальное время им не разрешалось входить во дворец без особых причин на то. Император не принимал жен правительственных чиновников. Члены императорского клана выбирали для вступления в брак девушек из добропорядочных семей, но не брали в жены рабынь, преподнесенных в дар частными лицами. Роды матери и жены Юаньчжана вымерли, и у него не было родственников по женской линии. Впоследствии его потомки по завету предка также выбирали себе императриц и

жен обязательно из крестьянских семей. Родственникам по женской линии давались только высокие титулы и щедрое жалованье, и они становились крупными помещиками, но им не позволялось принимать участие в делах управления и быть сведущими в политических делах. В течение тридцати лет правления Хунью евнухи тщательно соблюдали закон; императорский дворец и правительство были изолированы друг от друга, и надо сказать, что по сравнению с предыдущими династиями домашние устои династии Мин были очень строгими.

Далее, монгольская династия Юань правила страной с помощью чиновников. Законы и указы ее были чрезвычайно сложными, и порой накапливались горы архивных материалов; чиновники, искусственно раздувая делопроизводство, совершали злоупотребления, которые невозможно было обнаружить. К тому же работа в канцеляриях и писание казенных бумаг стали требовать специальных знаний, так как правила составления официальных документов предусматривали чересчур много мелочей. Чиновник, распоряжающийся печатью (старший чиновник), в каждом ямэне, назначался на определенный срок, едва он начинал понимать что-то в делопроизводстве, как его переводили на другое место, а канцеляристы, как правило, служили всю жизнь в одном месте. В результате править государством и народом стали фактически канцеляристы, а не чиновники. В 20-м году Хунью (1387 г.) Чжу Юаньчжан установил «Правила устранения сложностей в казенных бумагах» и разослал их по всем ямэням с целью упрощения формы официальных документов, чтобы они были ясны и понятны и чтобы делопроизводители не совершали злоупотреблений. Отныне канцеляристы были отнесены к так называемой смешанной группе населения и не имели права стать чиновниками. Канцеляристы и чиновники были совершенно отделены друг от друга. Первые занимались только конторской, технической работой, а вторые возглавляли административные управления. Это также сильно отличалось от того, что было в эпоху Юань.

С упрощением официальной переписки был связан вопрос о жанрах литературных сочинений. В те времена в литературе применялось два стиля. Правительство пользовалось сложным и витиеватым стилем «парные четверки и параллельные шестерки» и древним стилем гувэнь, а народ писал как кому вздумается. Чжу Юаньчжан не одоб-

рял витиеватый стиль, считая, что все должно быть ясно и понятно. Поэтому он требовал, чтобы секретари (члены академии Ханьлинь) в казенных бумагах ясно объясняли суть дела и излагали события в понятной форме, и запрещал им употреблять в документах пустые фразы и витиеватые обороты. Он также критиковал стиль докладов, представляемых ему чиновниками: «В них чересчур много словословия. Пусть отныне в бумагах будут только беспристрастные и правдивые выражения. Не украшайте их пустыми словами!» Ему не нравилось, когда подданные лишь воспевают и славят его заслуги и добродетели, не выдвигая никаких предостережений и предложений. В 6-м году Хунъю (1373 г.) он решительно приказал запретить составление правительственных документов в стиле «парных четверок и параллельных шестерок» и принять за образцы официальных бумаг и докладов «Благодарственный доклад», написанный танским писателем Лю Цзунюанем для Лю Гунчо, и «Поздравление с дождем» Хань Юя. В результате этой реформы язык правительственных документов был упрощен и стал более понятным. Переписка на простом языке оказала очень большое влияние на литературный стиль и литературные произведения того времени. Чжу Юаньчжан не только стимулировал распространение древнего стиля гувэнь в литературе и выступал против стиля «парных четверок и параллельных шестерок», но еще положил начало написанию официальных бумаг на разговорном языке, названному чжицзе — «прямое толкование». Еще в 12-м году Лунфэн (1366 г.) он приказал конфуцианским ученым Сюн Дину и Чжу Мэнъяню составить «Книгу для княжичей» и «Книгу земледелия, ремесел и торговли». «Книга для княжичей» была предназначена для детей князей и сановников.

В эпохи Тан и Сун существовал один негодный обычай. После опубликования императорским правительством приказа о назначении чиновника на должность назначаемый по обычаю представлял императору доклад об отказе. Он подавал такие доклады императору дважды, трижды и даже шесть-семь раз, а император по обычаю тоже не соглашался с ним, не один раз письменно уговаривая его занять должность, и прекращал это занятие только после явки данного человека на службу. И отказы, и уговоры эти были пустой тратой времени, бумаги и туши, вредили делу и воспитывали в людях фальшь и неискренность. Чжу

Юаньчжан считал, что нет никакого основания для такой практики, и также издал указ упразднить этот обычай.

Начиная с эпохи Тан и Сун на аудиенциях, которые император давал знати и чиновникам, по старому обычаю играли музыкантши. В 6-ю луну 1-го года государства У (1367 г.) Чжу Юаньчжан упразднил и этот обычай.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Классовая опора политической власти

1. Обязанности помещиков, бюрократии и народа

Целью восстаний «красных войск» было свержение власти монгольских и китайских помещиков. Плоды победы, добытые в совместной борьбе широких масс различных народов, были присвоены Чжу Юаньчжаном. Генералы и офицеры бывших «красных войск» превратились в новых помещиков в связи с завоеванием ими политической власти. Чжу Юаньчжан и его семейство являлись типичными представителями этого нового помещичьего класса.

В результате восстаний «красных войск» произошла своего рода чистка в среде старых помещиков. Особенно на Центральной равнине часть крупных помещиков была истреблена в ходе войн, после них остались обширные пустующие земли. Эти земли стали обрабатываться безземельными и малоземельными крестьянами, и классовые противоречия там сглаживались. Но, с другой стороны, из-за войн часть старых помещиков на Юго-Востоке страны еще больше укрепилась. Одновременно в результате войны появилась большая группа новых помещиков. Их земли находились главным образом в районах Юго-Востока со сравнительно плотным населением. Здесь чем больше было старых и новых помещиков, тем больше было безземельных и малоземельных крестьян. Именно поэтому

в этих районах отношения между помещиками и крестьянами принимали напряженный характер. В результате в то самое время, когда Чжу Юаньчжан основывал новую династию, новые крестьянские восстания и крестьянские выступления против помещиков бурно развернулись в районах Цзяннани; по обширности охваченной ими территории, своей частоте и ожесточенности борьбы они превзошли подобные же выступления в любую другую эпоху в прошлом.

Части старых помещиков не стало. Ряд мелких и средних помещиков со своими вооруженными отрядами перешли на сторону Чжу Юаньчжана и вошли в состав новой правящей клики.

Остатки старых помещиков и вновь возвысившиеся стали опорой Чжу Юаньчжана и основой его власти.

Сам Чжу Юаньчжан и большинство его генералов и офицеров, бедных крестьян по происхождению, в свое время на себе испытали помещичью эксплуатацию и гнет. Но главные военные силы, которые он контролировал в начале движения, тем не менее состояли из бывших помещичьих вооруженных отрядов. После его переправы через Янцзы на службу к нему перешли многие помещики и богатые помещичьи роды провинции Чжэдун, а также многочисленные помещичьи вооруженные отряды различных районов. И его власть неизбежно стала перерождаться и превратилась во власть класса помещиков.

Чжу Юаньчжан, вождь крестьянского восстания, постепенно превратился в представителя политических интересов класса помещиков.

После форсирования Янцзы Чжу Юаньчжан принял многочисленные меры в защиту интересов класса помещиков. Например, в 4-м году Лунфэн (1358 г.) после занятия Цзиньхуа он отобрал детей и младших братьев богачей из семи уездов области Цзиньхуа для службы в его личной гвардии, названной императорской центральной армией. С одной стороны, это показывает, что Чжу Юаньчжан ценил класс помещиков и доверял ему, а с другой — представляет важную меру военного характера. Призыв сыновей и младших братьев помещиков в императорскую гвардию, которая участвует в боях вместе с армией, означал взятие их в заложники. В этом случае Чжу Юаньчжану не приходилось беспокоиться, что ему окажут военное сопротивление в данных районах. В 19-м году Хуньу

(1386 г.) он произвел отбор сыновей и младших братьев богачей в областях, округах и уездах столичной провинции Интянь для службы в канцеляриях в столице и набрал 1460 человек.

По данным обследования 3-го года Хунъю (1370 г.), наибольшее число крупных помещиков оказалось в провинции Чжэси. Там только в области Сучжоу было 490 семей, плативших от 100 до 400 даней зерна; 56 семей, плативших от 500 до 1 тыс. даней; 6 семей, плативших от 1 тыс. до 2 тыс. даней; 2 семьи, платившие от 2 тыс. до 3800 даней, — всего 554 семьи, платившие казне ежегодно 150 814 даней зерна. В 30-м году (1397 г.), когда было произведено новое обследование, которое охватило 9 провинций (за исключением Юньнани, Лянгуана и Сычуани), в 18 областях и округах столичной провинции Интянь насчитывалось всего 14 340 помещиков, каждый из которых имел свыше 7 ценов земли. На них были составлены подушные книги и сданы на хранение в дворцовую сокровищницу. Император по этим книгам отбирал на службу наиболее способных из числившихся в них помещиков. Необходимо иметь в виду, что владелец земли свыше 7 ценов в районах южнее Янцзы, где земли орошались, действительно являлся крупным помещиком, но к северу от Янцзы на богарных землях он не обязательно был крупным, скорее средним, а иногда даже и мелким помещиком.

Помещики поддерживали власть императора и правительства ради самосохранения и налаживания хозяйства. Чжу Юаньчжан в свое время говорил: «Мэнцзы сказал: «У кого есть постоянное имущество, у того и постоянно сердце». Среди богатого народа многие от природы прямы и чисты и понимают современное положение». Он приказывал министерству финансов оберегать и выдвигать помещиков, платящих большие налоги, назначать их чиновниками и податными начальниками. Он также говорил: «Многие из богатых людей пользуются влиянием. Во времена Юань они обижали народ, силой решали деревенские дела, и люди страдали от них».

Его политика по отношению к помещикам носила двойственный характер. С одной стороны, он по своему выбору назначал их на должности чиновников на местах, чтобы укрепить базу своей власти, а с другой — переселял их в столицу, чтобы способствовать процветанию города и од-

новременно ослабить их влияние на местах. До установления системы выдвижения чиновников путем экзаменов чиновники, отобранные из числа помещиков, назывались «одаренными налогоплательщиками». Из них назначались начальники уездов, округов и областей, императорские уполномоченные наместничеств и даже некоторые из девяти важных сановников при дворе. Например, богач из Учэна (пров. Цзянчжэ). Янь Чжэньчжи, бывший «одаренный налогоплательщик», дослужился до министра общественных работ. Кроме того, когда помещики назначались податными начальниками, имелось в виду, что все чиновники на местах — пришельцы из других районов незнакомы с местными условиями и поэтому хитрые мелкие служащие и местные воротилы легко водят их за нос, а от этого страдает население. Лучше назначать пользующихся хорошей репутацией помещиков ответственными за сбор натуральных налогов и податей на местах и за перевозку их в столицу, чтобы уменьшить злоупотребления. В 9-ю луну 4-го года Хунъю (1371 г.) Чжу Юаньчжан приказал министерству финансов подсчитать сумму земельного налога и разбить территорию страны на податные районы, каждый из которых вносит 10 тыс. даней зерна, а в каждом районе назначить податным начальником землевладельца, имеющего много земли и платящего наибольший зерновой налог, чтобы он отвечал за сбор налога и перевозку налогового зерна. Например, в наместничестве Чжэцзян, где насчитывалось 1 487 146 семей и ежегодно сдавалось в казну 933 268 даней зерна, было назначено 134 податных начальника. При каждом податном начальнике состоял один счетовод, 20 ковшовых (ведущих мерами для определения количества зерна и взвешиванием) и 1 тыс. перевозчиков. Были установлены привилегии для податных начальников. Так, в случае совершения преступления они могли откупиться бумажными деньгами от казни и ссылки. Когда податные начальники в установленное время привозили зерно в столицу, Юаньчжан всегда давал им аудиенции, беседовал с ними и часто оставлял поправившихся служить при дворе. Он передал право взимания и перевозки налогового зерна помещикам, считая, что в этом случае можно будет не опасаться «стремления к наживе за счет народа, поскольку осуществляется управление добропорядочным народом с помощью того же добропорядочного народа». Как видно, Юаньчжан относил

помещиков к «добропорядочному народу». Но на деле было как раз наоборот. Многие помещики, сделавшись податными начальниками, еще больше эксплуатировали крестьян, обирали их сверх всякой нормы, и страдания крестьян все более увеличивались. Например, податный начальник Чжу Анай, начав с составления именных списков налогоплательщиков и установления их категорий, притеснял крестьян уже при обложении податями, при сдаче зерна брал с них дополнительно рис на лодки для транспортировки и требовал деньги за охрану и определение сортности, за доставку на повозках, изготовление папок со списками, содержание его конторы и т. д. и т. п. Всего он сдирал с крестьян 32 тыс. даней риса и 11,1 тыс. связок бумажных денег. Не будучи в силах расплатиться с налогом, крестьяне были вынуждены разбирать дома, снимать черепицу с крыш, продавать домашний скот, а также одежду, полотно, котлы и плиты, водоподъемные колеса, сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Еще один пример. В уезде Цзядин трое податных начальников, смощенничав при составлении списков и установлении категорий налогоплательщиков, дополнительно собрали с последних до восемнадцати видов налога зерном. Крестьяне пострадали вдоволь, но им некуда было жаловаться. Если Чжу Юаньчжан обнаруживал злоупотребления со стороны податных начальников, то он пресекал их путем применения суровых наказаний. Хотя он казнил немало преступников, но податные начальники по-прежнему безобразничали и, как и раньше, драли с крестьян десять шкур. Невозможно было ни улучшить, ни изменить положение.

Помимо назначения помещиков чиновниками по сбору земельного налога, Чжу Юаньчжан применил также политику, которую проводил ханьский император Гаоцзу, переселявший влиятельные и богатые семьи в современную провинцию Шэньси. В 3-м году Хуньу (1370 г.) он переселил 140 тыс. семей из Цзяннани в Фэньян, среди них было немало помещиков. В 24-м году Хуньу (1391 г.) было переселено 5300 богатых семей Поднебесной в Нанкин. В 30-м году Хуньу (1397 г.) туда же было переселено свыше 14 300 человек «богатого народа», которые были названы «богачами».

Помещикам из районов Цзяннани — Сучжоу, Сунчжоу, Ханчжоу, Цзядина и Хучжоу, — переселенным на постоянное жительство в Фэньян, не разрешалось по собствен-

ной воле возвращаться в оставленные ими родные деревни и поместья. Эта мера представляла собой жестокий удар по классу помещиков на Юго-Востоке страны. Представители этого класса, покидая ранее находившиеся в их владении земли, также лишались и своего общественного и политического положения. Хотя отныне помещики-переселенцы не осмеливались открыто возвращаться в прежние места приписки, но очень многие из них — и старые и молодые, и мужчины и женщины — то и дело появлялись под видом нищих или беженцев в уездах и округах Цзян-пани, прося милостыню, подметали могилы предков в разных селах и навещали родственников и на второй год во 2—3-ю луны снова уходили в Фэньян.

Помещики, конечно, охотно служили чиновниками и податными начальниками. Они поддерживали власть, которая защищала их интересы, были признательны ей и не упустили случая, чтобы захватить себе побольше земель. Они правдами и неправдами уклонялись от налогов и повинностей, которые были обязаны вносить императорским властям. Например, способ, который в этих целях применяли помещики провинции Лянчжэ, заключался в мнимой передаче земельной собственности родственникам, соседям, арендаторам и слугам (то есть земли записывались на их имя). Он назывался «обманно доверять верную прибыль» и всюду вошел в обычай. Кроме того, существовали и такие способы уклонения от налогов, как «раздача по частям», «уступка пустошей», «передача холмов и обмен участками» и другие. Наказывая таких помещиков, Юаньчжан указывал с гневом:

«Когда производится раздача земель по частям другим лицам, уступка пустошей, мнимая передача земельной собственности в чужие руки, передача холмов третьим лицам и обмен земельными участками, то во всех этих случаях мнимую раздачу и передачу производят бесчестные и жадные влиятельные и богатые люди. Они скрывают свое достояние, мнимо отдают крестьянам земли, чтобы тем самым разверстать свои налоги по частям среди мелкого люда; эти влиятельные хитрецы, подкупив чиновников-казнокрадов и взяточников, писцов-счетоводов и других, распоряжаются ими; в момент разверстки налогов чиновники-казнокрады и взяточники, получив ценности от влиятельных хитрецов, решают взимать эти налоги с ничтожных семей в качестве налогов за пустоши; писцы-сче-

товоды, получив в руки ценности, оформляют мнимую задачу по частям помещичьих земель крестьянам, передачу им холмов и обмен участками, мнимые сделки выдают за подлинные, тем самым наносится ущерб маленьким людям».

Так, помещики путем махинаций и злоупотреблений взваливали свою ношу на плечи «мелкого люда», «ничтожных семей» или «маленького народа», то есть на тех же крестьян-бедняков. В результате богатые все более богатели, а бедные все более беднели. Это приводило, с одной стороны, к сокращению поступлений в казну от поземельного налога и трудовых повинностей, а с другой — к ослаблению экономической основы господствующего класса в результате обнищания и голода бедных крестьян.

Объектом борьбы Чжу Юаньчжана стали крупные помещики, нарушавшие закон. Методов борьбы было два: во-первых, расправа с «бесчестными и жадными влиятельными и богатыми людьми» путем применения тяжелых наказаний и суровых законов и, во-вторых, наведение порядка в описи земель и учете населения.

Чтобы избежать наказания, некоторые крупные землевладельцы «скрывались в темноте, чтобы сохранить себя», «раздавали людям все накопленное имущество, чтобы избежать беды», «уходили на жительство в другие места, чтобы уклониться от горя», или «пролезали в списки сословия военных, чтобы избегнуть казни». Но такие люди составляли лишь небольшую часть помещиков. В Чжэцзяне действительно «богатый народ и влиятельные роды были уничтожены почти целиком».

К тому же за двадцать лет войн большинство земельных книг в различных районах было утеряно, а в сохранившихся книгах записи уже не соответствовали действительному положению вещей вследствие миграции населения и перехода земель к другим хозяевам. На большинство земель не было книг, и невозможно было что-то проверить. Крупные помещики пользовались случаем, чтобы утаить свои пахотные земли и уклониться от налогов и повинностей. Чжу Юаньчжан повел длительную борьбу с крупными помещиками, вводя повсеместный перемер земель, проверку и регистрацию населения.

В 1-ю луну 1-го года Хунью (1368 г.) Чжу Юаньчжан отправил 165 преподавателей Академии сынов отечества в Чжэси с заданием проверить фактическую площадь па-

хотных земель и установить сумму налогов с них. В 6-ю луну 5-го года (1372 г.) были посланы уполномоченные в Сычуань для перемера площади пахотных земель. В 14-м году (1381 г.) император приказал составить «желтые книги» налогов и повинностей во всех областях и уездах империи. В 20-м году (1387 г.) он приказал преподавателям Академии сынов отечества и другим объехать округа и уезды и составить рыбчешуйчатые реестры земель. Только на выполнение этих двух задач было потрачено в общей сложности двадцать лет.

Обмер земель производился путем командировки уполномоченных в округа и уезды. В зависимости от объема собираемого зернового налога округа и уезды разбивались на районы, во главе которых ставились податные начальники. Они созывали старейшин в стодесятидворках и десятидворках, измеряли площадь каждого поля, составляли простейшую карту, ставили на ней порядковый номер и записывали фамилию и имя владельца и границы участка в мерах длины. Карты классифицировались, и составлялись книги. Так как изображение схемы полей напоминало рыбу чешую, то книги назывались «книгами рыбчешуйчатых карт».

В результате обследования населения были составлены «желтые книги» налогов и повинностей. Население было организовано в стодесятидворки и десятидворки. 110 семей составляли стодесятидворку. Над ней ставились 10 начальников десятидворок из числа помещиков, имеющих наибольшее число совершеннолетних работников и платящих наибольшие зерновые налоги, а остальные 100 семей разбивались на 10 десятидворок, каждой из которых ведал глава ее. В порядке очередности, которая зависела от числа совершеннолетних работников в семьях и объема вносимого зернового налога, каждая десятидворка отбывала трудовые повинности в течение года. 10 десятидворок посменно несли трудовые повинности в пользу императорского правительства в течение десяти лет. Каждая десятидворка, выполнив повинности, освобождалась от них на девять лет. Стодесятидворки в городах назывались кварталами, в пригородах — селениями и в деревнях — всегда ли (стодесятидворки). На каждую стодесятидворку составлялся список. Одиноким старикам не входили в стодесятидворки, не несли повинности и назывались бобылями. Через каждые десять лет местные чиновники снова устанав-

ливали очередность несения повинностей в зависимости от численности совершеннолетних работников. Книги имели обложку желтого цвета, поэтому они назывались «желтыми книгами».

Право собственности на землю устанавливалось на основании рыбчешуйчатых реестров, а налоги и повинности взимались на основании «желтых книг» налогов и повинностей. После того как были установлены две формы книг учета и в результате обследования земель и населения введена система налогов и повинностей, было зарегистрировано большое число ранее не учтенных людей и большое количество неучтенных земель, что способствовало увеличению используемых императором материальных и людских ресурсов и стабилизации и укреплению экономической основы его власти. Одновременно он нанес сильный удар по крупным помещикам, отобрав у них часть земель и лишив их контроля над населением. Тем самым он значительно укрепил положение и власть императорского семейства и сделал еще один шаг к централизации власти и к абсолютизму. Власть династии Юаньчжана была сильнее, деспотичнее, стабильнее и совершеннее власти любой другой династии в прошлом.

В результате обмера земель по всей стране и установления размера налогов в книги были внесены подробные записи о землях городского и сельского населения с подразделением их на равнинные, горные, кладбищенские, заливные, низинные, переувлажненные, плодородные, тощие и солончаковые. Кроме того, было установлено, что покупатели земель во всех случаях должны регистрировать покупку у местных властей и перевести налог с продавца на себя, чем устранялось то зло, когда за беднотой накапливались недоимки за прошлые годы и вместе с тем обеспечивались поступления налогов в казну. Несение трудовых повинностей раз в десять лет давало возможность населению передохнуть. Конечно, эти меры отвечали и целям феодальной эксплуатации; но если сравнивать их с хаосом, существовавшим до объединения страны, то они в какой-то степени уменьшили бремя населения, стимулировали работу крестьян и сыграли заметную роль в развитии производительных сил общества.

В случаях нанесения ущерба сельскохозяйственному производству мелкими служащими — писцами и курьерами — последние наказывались в законодательном порядке.

Хотя Чжу Юаньчжан вел борьбу против части крупных помещиков и сделал некоторые необходимые уступки широким массам крестьянства, но его власть в конечном счете была властью класса помещиков и служила прежде всего интересам этого класса. Если даже он и сделал некоторые уступки крестьянам, то его цель все же сводилась к укреплению и усилению власти всего класса помещиков. Именно помещики производили обмер земель и определяли налоги, взимали налог зерном и организовывали транспортировку его в столицу, переписывали дворы и устанавливали повинности. Опять-таки те же самые помещики становились начальниками стодесятидворок и главами десятидворок. «Учеными-старейшинами», которые разбирали тяжбы и исполняли функции судей, также были помещики. Все ступени власти сверху донизу и снизу доверху принадлежали помещикам. Они, конечно, прежде всего заботились об интересах своих семей, родственников и друзей и не помышляли о насущных нуждах мелких крестьян—собственников и арендаторов. Только дети помещиков имели возможность и право получить образование, стать чиновниками в качестве «даровитых налогоплательщиков» после сдачи государственных экзаменов на ученые звания, по окончании школ и другими путями. Чиновники и шэньши по закону освобождались от трудовых повинностей. В 12-м году (1379 г.) Чжу Юаньчжан издал указ: «Если отныне столичные и провинциальные чиновники, закончив службу, будут возвращаться в родные села, то пусть их семьи освобождаются от повинностей и пусть они до конца своих дней не несут их!» Следовательно, даже деревенских шэньши освобождали от повинностей. Освобождались от повинностей студенты училищ и еще два совершеннолетних работника в семье. Как правило, бедный крестьянин даже не ел досыта и, конечно, не мог ходить в школу. Абсолютное большинство учащихся, посещавших школы, опять-таки были детьми помещиков. Таким образом, работающие чиновники, деревенские шэньши и студенты училищ освобождались от повинностей и, кроме того, имели возможность уклониться от поземельного налога, и поэтому основная тяжесть налогового гнета ложилась на плечи крестьян—собственников и бедняков. Крестьяне—собственники и бедняки были обязаны не только вносить в казну налоги, но полностью брать на себя ту часть налогов, которую не уплатили чиновники,

шэньши и помещики. Поэтому бремя, которое несли крестьяне того или иного района, было тем тяжелее, чем больше там было чиновников, шэньши и студентов. За двести с лишним лет правления династии Мин было особенно много крестьянских восстаний, и их масштабы были особенно велики. Причины этого изложены выше.

Главной опорой власти семейства Чжу были прослойки средних и мелких помещиков и кулаков. Эти прослойки были главным источником пополнения кадров чиновников его бюрократического аппарата.

Чиновники назначались либо путем «выдвижения», либо из числа окончивших специальные училища, либо из числа сдавших специальные государственные экзамены на чиновников.

«Выдвижение» сводилось к назначению на должность чиновника. Еще в период взятия Цзянлина Чжу Юаньчжан привлек к себе на службу конфуцианских ученых Ся Юйя, Сунь Яня, Ян Сяня и других — всего свыше десятка человек. В 3-ю луну 10-го года Лунфэн (1364 г.) он приказал центральному правительству отобрать на службу «большие и выдающиеся таланты». На должности местных чиновников отбирались наиболее даровитые люди в возрасте от двадцати пяти лет и выше. Наиболее сметливые и умные, обладавшие знаниями и способностями, выдвигались в центральное правительство и использовались на службе вместе со старыми чиновниками. Лет через десять старые уходили на покой, а молодые к тому времени должны были научиться работать. «Выдвиженцы» ежегодно переходили в состав центрального правительства из округов и уездов. Кроме того, Чжу Юаньчжан часто отправлял посланцев на места с целью выявления умных и способных людей. Ими оказывались «умные и прямые»; «способные, добропорядочные и неподкупные»; «почтительные младшие братья, которые трудятся на поле»; конфуцианские ученые, «почтительные и бескорыстные», «талантливые»; «одаренные», старейшины, богачи, палогоплательщики и т. д., по больше всех — конфуцианские ученые. «Выдвигали» в число как придворных, так и местных крупных и мелких чиновников; «выдвинутые» в дальнейшем могли быть рекомендованы на другие должности; однажды получив повышение, они со временем становились крупными придворными чиновниками, например министром, старшим секретарем и уполномоченным в про-

винции, политическим советником центрального правительства или советником на местах. Максимальное число выдвинутых за один прием составляло от 370 до 1900 с лишним человек. Случаев же, когда за один раз выдвигалось по нескольку или по нескольку десятков человек, невозможно перечислить.

Для подготовки новых кадров управления были созданы училища и основана Академия сынов отечества.

Преподаватели и должностные лица Академии сынов отечества назначались министерством чинов. Студенты были двух категорий: из чиновников и «студенты из народа». Первые в свою очередь подразделялись еще на две категории: сыновья и младшие братья придворных чиновников, имеющих ранги, и иностранные студенты, например из Японии, с островов Рюкю и Сиама, а также сыновья и младшие братья вождей племен (тусы) Юго-Запада Китая. Студенты из чиновников назначались и посылались на учебу правительством, а «студенты из народа» были учащимися из областей, округов и уездов, присылаемыми под свое поручительство местными чиновниками из различных районов страны. Общее число студентов составляло 150 человек, из которых только 50 были «студентами из народа». Очевидно, что Академия сынов отечества первоначально была школой для обучения студентов из чиновников. В дальнейшем число поступающих на учебу из чиновников постепенно уменьшалось, а число «студентов из народа», присылаемых под поручительство, постепенно увеличивалось. Если взять в качестве примера число учащихся за 26-й год Хунъю (1393 г.), то общая численность студентов составляла 8124 человека, из которых только четверо были студентами из чиновников. Академия сынов отечества к этому времени превратилась в учреждение, ведущее массовое обучение «студентов из народа» для подготовки из них чиновников. Уроки на занятиях сводились к изучению «Высочайше составленных Великих указов», «Узаконений Великой Мин», «Четырехкнижия», «Пятикнижия» и других сочинений. Из них наиболее важными считались «Высочайше составленные Великие указы», написанные самим Чжу Юаньчжаном. Кроме того, имелись еще «Книга продолжения «Великих указов», «Великие указы в трех книгах» и «Великие указы воспным чинам» — всего четыре тома. Основное содержание их сводилось к перечислению преступлений казнен-

ных чиновников и обстоятельств преступлений, различным предостережениям для чиновников и населения и наставлениям для народа о том, как исполнять свой долг, платить земельный налог, выполнять повинности и жить скромно. В 19-м году Хунъу (1386 г.) «Великие указы» были отпечатаны и пожалованы студентам Академии сынов отечества. В 24-м году (1391 г.) император приказал: «Отныне при экзаменовке студентов из числа данников во всех случаях давайте им темы из «Великих указов» и испытывайте их!» Министерство обрядов послало начальнику Академии сынов отечества бумагу: «Строго следите, чтобы все студенты хорошо знали и понимали «Великие указы» и пользовались ими как справочником. Если кто не подчинится, то судите его как за нарушение режима». Нарушение режима — это нарушение приказа императора, а за это предусматривалось тяжелое наказание. «Узаконения Великой Мин», конечно, были необходимы студентам, так как им предстояло стать чиновниками и вести судебные дела; «Четырехкнижие» и «Пятикнижие» были конфуцианскими классическими книгами.

При назначениях студентов — выпускников Академии сынов отечества на должности чиновников они самое большее становились уполномоченными в провинциях — крупными местными чиновниками 2-го ранга 2-го класса, а самое меньшее — уездными делопроизводителями 9-го ранга 1-го класса и даже без рангов и классов. Почти не было должностей, куда бы не могли быть назначены выпускники Академии. Студенты Академии во время учебы по приказу императора выезжали в командировки в качестве правительственных уполномоченных: объезжали округа и уезды, проверяли делопроизводство в различных управлениях, наблюдали за строительством ирригационных сооружений на местах, большими партиями отправлялись выполнять задачи по обмеру земель, регистрации земельной площади и установлению сумм зерновых налогов, проверяли «желтые книги» (ежегодно 1200 человек отправлялось для этой цели), переписывали рукописи, работали в различных ямэнях.

Для областных, окружных и уездных училищ на местах были определены количество учащихся, а также система экзаменов. Кроме того, в 8-м году Хунъу (1375 г.) был издан указ: помимо этих училищ, создать местные

общинные школы, то есть деревенские начальные школы. Наряду с ними существовали также помещичьи частные школы, содержащиеся отдельными лицами.

Главными обязательными учебными материалами областных, окружных и уездных училищ и общинных школ были «Великие указы» и «Узаконения Великой Мин».

Помимо организации таких школ, посылались учителя на места для обучения учащихся в различных районах. В связи с тем что на Севере страны, пережившем длительный период разрушений во время войн, не хватало грамотных людей, туда в первые годы эры Хун'ю было специально командировано 366 студентов Академии сынов отечества для открытия школ. Впоследствии эта практика была распространена на все другие провинции, для которых в качестве учителей школ отбирались и назначались здоровые и грамотные люди.

Цель насаждения училищ заключалась в том, чтобы подготовить большое число чиновников молодого поколения из среды средних и мелких помещиков и кулаков в качестве резерва бюрократического аппарата. Вместе с тем в связи с прогрессом книгопечатания, изданием в 1368 г. указа об освобождении книг от обложения налогом и проведением экзаменов в кандидаты на занятие должностей чиновников в установленные сроки состав лиц, сдающих экзамены и становящихся чиновниками, более не ограничивался только сыновьями и младшими братьями аристократов, чиновников и помещиков. Дети некоторых середняков, ремесленников, мелких купцов и торговцев при поддержке семьи и клана покупали учебники, поступали в частные и общинные школы и сдавали экзамены, для того чтобы приобрести более почетное положение в обществе и защитить семью от жестокой эксплуатации и гнета при таких правах и обычаях в обществе, когда «все иные дела считались разряда низкого и только учение ставилось высоко». Некоторые из них открыто рвались в состав господствующего класса, чтобы сесть на шею народа. Они становились чиновниками и помещиками, что расширяло социальную базу господствующего класса за счет притока новой крови и укрепляло его положение. Вместе с тем изменение их классового положения означало, что изменялось социальное и политическое положение их семей и даже родственников. Это в той или иной степени

приводило к обновлению состава правящего класса и к расслоению низших классов.

Помимо Академии сынов отечества, источником кадров чиновников для правительства являлась экзаменационная система. Студенты Академии сынов отечества назначались чиновниками без экзаменов, а студенты училищ обязательно сдавали экзамены. Студенты областных, окружных и уездных училищ (общее название этих студентов — сюцай, «талант») раз в три года собирались в провинциальном центре на экзамены, которые назывались сяньши, «сельскими экзаменами», и выдержавшие их получали степень цзюйжэнь («выдвинутый»). Эта степень присваивалась лишь строго определенному для каждой провинции числу лиц из экзаменовавшихся. Для столичной провинции (нынешние пров. Аньхой и Цзянсу) квота составляла 100 человек, для Гуандуна и Гуанси — по 25 человек, а для каждого из остальных девяти наместничеств — по 40 человек. На второй год после провинциального экзамена «выдвинутые» со всей империи съезжались в столицу на экзамены, которые назывались «столичными экзаменами». Выдержавшие их получали степень цзиньши и еще раз сдавали в императорском дворце повторные экзамены, которые назывались «дворцовыми экзаменами». Повторные экзамены были всего лишь формальностью, показывающей, что император лично руководит высшими экзаменами в империи и что право отбора кадров принадлежит только ему. По окончании экзаменов объявлялись получившие первый, второй и третий разряды (классы). Первый разряд жаловался только трем лицам, которые назывались чжуанъюань («первым по заслугам»), банъянь («образцовый эрудит») и таньхуа («цвет знатоков»); второй разряд — нескольким лицам, выходцам из цзиньши; третий разряд — нескольким лицам, приравненным к выходцам из цзиньши. В народе первый кандидат после сельских экзаменов именовался также цзюань («первый толкователь»), первый кандидат после столичных экзаменов — хуэйюань («первый в столице») и первый из числа получивших второй разряд на дворцовых экзаменах — чуаньлу («передатчик»). Сельскими экзаменами руководило управление политического уполномоченного провинции, а столичными — министерство обрядов. Получившим звание чжуапъюань давалась почетная должность в Академии литературы, а получившим звание банъянь и

таньхуа — должности редакторов в той же академии. Все кандидаты второго и третьего разрядов, как квалифицированные ученые, становились чиновниками Академии литературы. Остальным давались должности: регистраторов бумаг при императоре, начальника секретной канцелярии, отправителя дипломатических миссий, правителя уголовных дел и эрудитов Академии сынов отечества по обрядам или чиновников по уголовным делам в областях, начальников округов и уездов и другие. Если цзюйжэни, многократно сдавая экзамены в столице, не выдерживали их, то они могли поступить в Академию сынов отечества, быть отобранными на должности мелких чиновников в столице или сделаться помощниками начальников областей, главными чиновниками округов и уездов, преподавателями училищ и т. д.

На экзаменах по отбору и выдвижению чиновников всех степеней темы брались только из «Четверокнижия» и «Пятикнижия». Сочинения по стилю в какой-то степени должны были подражать экзаменационным статьям эпохи Сун на темы из конфуцианских канонов, по автору следовало проводить в них идеи древних и развивать тему только на основании заранее указанных комментариев нескольких писателей, но ни в коем случае не разрешалось выражать собственные взгляды. Форма требовала, чтобы в сочинении иероглифы и строки располагались парами, это называлось формой «официального толкования» канона. Вся эта система была выработана Чжу Юаньчжаном и Лю Цзи. Было установлено, что провинциальные экзамены проводятся через каждые три года, а столичные — через каждые пять лет, первые — в 8-ю луну, а вторые — во 2-ю луну. Проводилось три экзамена: первый включал три темы по толкованию «Четверокнижия» и четыре по толкованию конфуцианских канонов; второй — одну тему рассуждений о конфуцианских канонах, пять тем о вынесении судебных решений и одну о цитатах из указов и докладов; третий — пять тем по современному положению, конфуцианским канонам и истории.

Училища и система отбора и выдвижения чиновников путем экзаменов были связаны между собой, так как училища готовили к экзаменам, а экзамены открывали путь к занятию должности чиновника. Сыновья и младшие братья мелких и средних помещиков сдавали экзамены, чтобы стать чиновниками, так как, не выдержав экзамена

и не получив степени цзюйжэня или цзиньши, невозможно было стать чиновником. Но до экзамена, именуясь студентами, они могли и не посещать занятия. Студентам надо было только сдавать экзамены на кандидата в чиновники в определенные сроки, в обычное же время они никогда не находились в училищах. Таким образом, система экзаменов на чиновника приобретала все более важное значение, а школа все более недооценивалась. Как школа, так и экзамены относились к системе воспитания, отбора и выдвижения кандидатов в кадры бюрократии; учебная и экзаменационная программы были совершенно идентичны, сводились к тем же «Четверокнижию» и «Пятикнижию» и были далеки от практики. В училищах и на экзаменах запрещалось касаться реальной жизни и проявлять интерес к политическим проблемам. То, что экзаменующиеся на кандидата в чиновники, как правило, не читали книг, кроме «Четверокнижия» и «Пятикнижия», и не знали современного положения, а училища не посещались студентами, стало повсеместным явлением в империи. Такая экзаменационная система прививала кандидатам стремление следовать тому, что написано в древних книгах, и не способствовала появлению новых идей. В результате прогрессивная мысль душилась, развитие науки задерживалось. В политическом отношении эта эпоха воспитывала послушные и верные кадры бюрократии, отвечающие потребностям господствующего класса. Но наука и культура в течение длительного времени следовали древним образцам и оставались на уровне, достигнутом за сотни и даже тысячу лет до того времени. Это было огромной потерей.

Чжу Юаньчжан называл простой народ «подлыми людьми» и говорил: «Платить налоги и выполнять повинности для императора — это долг простого народа». Долг же он называл также фэнь («долей»), то есть до конца исполненным долгом. В 15-м году Хуньу (1382 г.) он приказал министерству финансов выпустить воззвание, в котором говорилось: «Мой народ должен знать свою долю; уплата земельного налога и выполнение трудовых повинностей для императора и есть его доля. Если простые люди сумеют быть довольными своей долей, то они сохранят отцов и матерей, жен и детей, в их семьях будет изобилие и они сами будут благодушными, верными, почтительными, гуманными и справедливыми. А если не сумеют? «Тогда не только законы государства, но и Небо не простит им!»

Простонародье должно «только выполнять повинности и платить налоги». Лишь при таких условиях «верхи и низы будут спокойны, нравы и обычаи станут чистыми и прекрасными и все вместе будут наслаждаться счастьем великого спокойствия».

Чжу Юаньчжан требовал от народа до конца выполнять свой долг: отбывать трудовые повинности и платить налоги государству, установил порядки, обязывающие чиновников превыше всего ставить государственные интересы и соблюдать законы, строго наказывал взяточников и казнокрадов, издавал письменные указы и отдавал устные распоряжения и надеялся, что «верхи и низы будут спокойны и все вместе будут наслаждаться счастьем великого спокойствия». Но феодальная бюрократия никак не соглашалась служить ему так, как он хотел. Помещик и служил-то чиновником лишь для того, чтобы эксплуатировать народ. С чего бы ему вдруг захотелось «ставить превыше всего государственные интересы и соблюдать законы»? В результате многочисленные приказы Чжу Юаньчжана превращались в пустые бумажки.

Бюрократия также была занята бумаготворчеством. На бумаге совершалось сколько угодно дел, не имеющих никакого отношения к действительному положению вещей. Вышестоящие чиновники при контроле и инспекции нижестоящих учреждений также проверяли их деятельность по бумагам. И высшие и низшие творили дела только на бумаге. Естественно в таком случае, что «законы издавались, но и преступления совершались; указы рассылались, но и обман совершался», как говорилось в 9-м году Хунъю (1376 г.).

Ради укрепления своей власти Чжу Юаньчжан сурово наказывал чиновников за коррупцию. Во 2-ю луну 2-го года Хунъю (1369 г.) он объявил чиновникам: «Находясь в свое время среди народа, я видел, как окружные и уездные чиновники во многих случаях не помогали народу и как они жадно загребали богатства, охотились за юбками, пили вино и запускали дела. Они были безразличны к страданиям народа и полны ненависти к нему. Ныне надо установить строгие законы и запреты. Если чиновники берут взятки и вредят народу, то ни в коем случае не следует проявлять снисхождение и прощать их». Когда в 11-ю луну 4-го года (1371 г.) выработывались законы, не было предусмотрено амнистии для чиновников, бравших

взятки. Чжу Юаньчжап, решив искоренить коррупцию, сказал: «Если не устранить это зло, никогда не удастся наладить хорошее правление». Кроме того, в 25-м году (1392 г.) было написано «Краткое и важное описание того, как привлечь внимание к коррупции», которое было издано и распространено в столице и на периферии. Чиновнику, получившему взятку, превышающую 60 ляннов ассигнациями, отрубали голову и выставляли напоказ толпе; еще существовало наказание в виде сдирания кожи с живого. Последнее обычно производилось слева от окружного или уездного здания ямэня, в храме Земли, который также назывался кожеобдирательным храмом. В некоторых ямэнях сбоку от кресла начальника стояло чучело человека, набитое рисовой соломой и называвшееся «на обозрение и страх чиновникам», чтобы они не совершали дурных дел. Чиновникам на местах при назначении в другую местность выдавались деньги на расходы в пути, а членам их семей — материал на одежду. Когда они прибывали на аудиенцию к императору, их вразумляли специальным указом: «Поднебесная умиротворена недавно, и народу трудно с деньгами; он как птенец, только учащийся летать, и как недавно посаженное деревце. Так не выдергивайте перьев из этого птенца и не задевайте корни этого деревца». Нарушители закона наказывались по закону. Со времени создания империи очень много местных чиновников было казнено в провинциях Чжэдун, Чжэси, Гуандун, Гуанси и Фуцзянь, там очень немногие дослуживали до окончания срока назначения.

Предусматривались суровые наказания за коррупцию, но коррупция все же не была искоренена. Свидетельство этому слова самого Чжу Юаньчжана. Он говорил:

«Местные чиновники в Чжэси, которые совершают преступления, нанося вред народу при сборе налогов, очень похожи на тигров и волков. Например, собирая осенний продовольственный налог в перерасчете на деньги, чиновники приравнивают 1 дань риса к 2 гуаням ассигнаций, мошенничают при установлении имен и категорий налогоплательщика и требуют с него 100 вэней денег на доставку груза по воде, 300 вэней на перевозку на повозке и 100 вэней на харчи для перевозчиков, а на складе еще требуют с него 100 вэней за определение и проверку сортности, 100 вэней на камыш и траву, 100 вэней на бамбуковые корзины и 100 на жертву пребрежным духам и бо-

гам. Когда они наносят такой вред народу, как можно прощать их преступления!»

Взимание продовольственного налога в денежном исчислении когда-то было удобной для населения мерой. Выплачиваемые ассигнациями налоги в отличие от налога зерном не требовали затраты больших сумм на перевозку, камыш и бамбуковые корзины. Но местные чиновники, как и при перевозке зерна, по-прежнему продолжали обирать крестьян, дополнительно взимая с них различными способами до 500 вэней, что составляло около 50% стоимости налога после перерасчета. Чжу Юаньчжан, гневаясь, топал ногами и говорил: «Я хочу искоренить чиновников-взяточников. Утром казнишь одних, а вечером другие совершают преступления! Отныне казнить всех взяточников независимо от тяжести преступления!»

Эра правления Хунъю (1368—1398 гг.) была периодом в истории страны, когда феодальная власть вела самую острую борьбу с коррупцией и когда было казнено наибольшее число чиновников-взяточников и казнокрадов. Казнили одних взяточников, но тут же появлялись другие. Эта внутренняя борьба в среде господствующего класса имела огромные масштабы и несколько утихла только после смерти Чжу Юаньчжана. Но коррупция существовала, как и прежде. Она определялась общественным строем страны.

2. Постоянная армия и сеть тайной полиции

Возглавляемая Чжу Юаньчжаном централизованная феодальная власть, классовую основу которой составляли средние и мелкие помещики, выполняла свои задачи по подавлению сопротивления народа и обороне империи с помощью огромной постоянной армии и густой сети тайной полиции.

В течение периода правления Хунъю имело место наибольшее по сравнению с любой предшествующей эпохой число крестьянских восстаний, не носящих религиозной окраски, не считая многочисленные восстания членов тайных религиозных обществ и национальных меньшинств. Все восстания заканчивались кровавым подавлением их огромной постоянной армией феодальной империи.

Созданная Чжу Юаньчжаном постоянная армия была тесно связана с сельскохозяйственным производством и реорганизовалась постепенно. После штурма и взятия Цзицина он неуклонно проводил политику организации военно-земледельческих поселений и накапливал большие запасы продовольствия для удовлетворения потребностей армии. Он вместе с Лю Цзи изучал древние системы организации войск и обобщил для себя исторический опыт. Для него система призыва рекрутов имела то преимущество, что в стране все были солдатами, которые призывались в случае войны и возвращались к земле по окончании походов; при такой системе военные расходы сокращались в мирное время. Недостаток этой системы заключался в том, что все солдаты были из крестьян и в случае длительной войны это отражалось на сельскохозяйственном производстве. Преимущество системы наемных солдат состояло в том, что большинство наемников составляли деклассированные элементы без определенных занятий, для которых солдатская служба была профессией. Они обучались дольше и обладали более высокой боеспособностью, а их численность и срок их службы не были связаны с нуждами сельскохозяйственного производства. Недостатки этой системы сводились к тому, что нужно было содержать большую армию и в мирное время и поэтому нести более тяжелое бремя военных расходов. Кроме того, большинство наемников не имели ни родовой, ни семейной привязанности, они легко дезертировали и также легко поднимали бунты. Лучше было придерживаться золотой середины между двумя системами, взяв положительные стороны и отказавшись от их недостатков. Главным принципом должно было стать сочетание вооруженных сил с сельскохозяйственным производством. Таким образом можно было избежать слишком тяжелого финансового бремени.

Исходя из реального положения, Лю Цзи предложил организовать армию по системе страж и тысяч.

Военная служба стала наследственной, солдат был обязан жениться, чтобы его службу наследовали сыновья; если же у него не было сыновей и внуков, то их заменял здоровый совершеннолетний работник из того селения, откуда был взят солдат.

Воины составляли особое сословие. В эпоху Мин военные, крестьяне и ремесленники были основной массой населения. Военные подчинялись канцелярии главного

инспектора, крестьяне — министерству финансов, а ремесленники — министерству общественных работ. Военные отличались от крестьян как по юридическому, так и по социальному и экономическому положению. Когда крестьянин отдавал совершеннолетнего работника в рекруты, он в возмещение потери освобождался от соответствующих повинностей на данного человека. Когда рекрут отправлялся на службу, семья собирала его в путь. Солдаты в стражах и тысячах являлись главными воинами, а их сыновья и внуки назывались сверхштатными совершеннолетними или сверхштатными воинами; сыновья и внуки генералов и старших офицеров назывались членами свиты. Правительство, как правило, выдавало воинам паек из зерна, собранного в военно-земледельческих поселениях. Им ежемесячно отпускался определенный паек риса, называвшийся месячным пайком. Было установлено, что кавалеристу отпускается 2 даня в месяц, пятидесятнику-пехотинцу — 1 дань 5 доу, десятнику — 1 дань 2 доу, а солдату-пехотинцу — 1 дань. Ежегодно солдату выдавались хлопчатобумажные ткани, вата на зимнее обмундирование и легкие ткани на летнее, а при выступлении в поход, согласно положению, — толстая зимняя куртка, брюки и башмаки.

После переправы Чжу Юаньчжана через Янцзы капитулировавшие перед ним генералы и офицеры носили свои первоначальные звания: кто звался уполномоченным военного совета, кто пинчжаном, кто командующим, кто главноуправляющим, кто темником. В 4-ю луну 10-го года Лунфэн (1364 г.) был выработан закон о воинских подразделениях, на основании которого должности генералов и офицеров определялись численностью частей и подразделений, которыми они командовали. После пересчета и реформирования частей командир 5 тыс. солдат становился командующим, 1 тыс. солдат — тысячником, 100 солдат — сотником, 50 солдат — пятидесятником и 10 солдат — десятником. Организованная таким образом постоянная армия подразделялась на стражи и тысячи. Как правило, 5600 солдат и офицеров составляли стражу во главе с уполномоченным-командующим. Стража в свою очередь подразделялась на 5 тысяч по 1120 человек в каждой во главе с тысячниками, а тысяча на 10 сотен по 112 человек во главе с сотниками. В сотне было 2 пятидесятника, которые командовали 5 десятками каждый, и 10 десятников, которые имели под своей командой по 10 солдат. Эти боль-

шие и малые подразделения объединялись в армии. Стражи и тысячи располагались в важных географических и стратегических пунктах; в малых опорных пунктах ставились тысячи, над несколькими опорными пунктами — штабы страж, а над несколькими стражами и тысячами, которые вместе составляли военный район, — управления главного уполномоченного-командующего во главе с главным уполномоченным-командующим в качестве органа верховного командования данного военного района. Создавались все новые и новые стражи и тысячи. К 25-му году Хунью (1392 г.) во всей стране насчитывалось 17 управлений главных уполномоченных-командующих, 329 страж и 65 охранно-оборонительных тысяч в столице и провинциях. Военные силы распределялись следующим образом.

	Офицеры	Солдаты	Лошади
В столице	2 747	206 280	4 751
На местах	13 742	992 154	40 329

По всей империи общая численность личного состава страж и тысяч равнялась 1200 тыс. человек. Каждое из 17 управлений главного уполномоченного-командующего подчинялось канцелярии главного инспектора пяти армий императорского правительства.

Продовольствие для армии шло из военно-земледельческих поселений. В подражание системе эпохи Хань в пограничных районах были основаны поселения, где часть солдат охраняла границы и часть — пахала и сеяла. Цель этого мероприятия заключалась в том, чтобы распахивать новь, увеличивать производство зерна, пополнять запасы продовольствия для армии, экономить средства на транспортировку зерна на границы и облегчать финансовое бремя правительства. После того как были успешно созданы военно-земледельческие поселения в пограничных районах, стражи и тысячи также начали основывать такие же поселения во внутренних районах страны. Здесь каждый солдат получал 50 му земли, а также обеспечивался рабочим буйволом и сельскохозяйственным инвентарем от казны. В течение первых лет он освобождался от уплаты поземельного налога и платил 1 доу налога с му в дальнейшем, когда новь превращалась в обработанную землю. Было установлено, что в пограничных районах $\frac{3}{10}$ солдат охраняют крепости и $\frac{7}{10}$ сеют, а во внутренних районах — $\frac{2}{10}$ охраняют городские стены и $\frac{8}{10}$ сеют. По всей стране

всего насчитывалось свыше 893 тыс. цинов земель военно-земледельческих поселений, что составляло приблизительно $\frac{1}{10}$ общей площади всех пахотных земель в стране.

Помимо военно-земледельческих поселений, существовали также торгово-земледельческие поселения. Если в армии того или иного пограничного района возникали непредвиденные обстоятельства и трудности со снабжением продовольствием, то императорский двор оказывал ей помощь по так называемой «системе выплаты комиссионных». Дело в том, что императорское правительство контролировало огромное количество продовольствия и столовой соли, но при перевозках продовольствия из зерновых районов на границы транспортные расходы часто превышали в пять-шесть раз стоимость перевозимого, были слишком велики, и такие перевозки стали чрезвычайно неэкономичны. Купцы, обладающие капиталом, могли получать большие прибыли от торговли солью, но продажа соли была монополией правительства. По «системе выплаты комиссионных» купцы обязывались перевезти определенное количество продовольствия на пограничную территорию, брали там квитанции и за них на соляных промыслах получали соль на стоимость сданного продовольствия, ею они свободно торговали и получали большие прибыли. Будучи расчетливыми, они предпочитали нанимать работников и создавать земледельческие поселения на границах, где было сколько угодно целины, чтобы на месте сдавать зерно казне и экономить на транспортных расходах, которые в несколько раз превышали стоимость перевозимого зерна. При таком своеобразном обмене стало хватать продовольствия пограничным ведомствам; феодальное правительство не только экономило большие средства на транспортных расходах, но и избавлялось от лишних хлопот. Купцы стали богаче; в пограничных районах распавалось больше целинных земель, увеличивалось производство зерна и создавалось много новых населенных пунктов.

Хотя в военное время один из крупных полководцев назначался главнокомандующим, однако Чжу Юаньчжан сам лично руководил осуществлением планов наступления и решал вопросы о действиях на фронте на основании получаемых им оперативных донесений и практического опыта. Он поступал так даже тогда, когда главнокомандующими были его самые близкие и доверенные полководцы

Сюй Да и Ли Вэньчжун. Например, в собственноручно написанном Чжу Юаньчжаном приказе генералу Сюй Да от 18-го дня 4-й луны 1-го года У (16 мая 1367 г.) вслед за изложением решений о военных действиях говорится: «Мое мнение таково: когда вы найдете обстановку очень удобной, действуйте по своему усмотрению, а не придерживайтесь моих слов. Я опасаясь, что иначе вам трудно будет вести дела и вы упустите удобные случаи». В 4-ю луну 3-го года Хунъю (1370 г.) он сказал главнокомандующему: «...Неизвестно, подойдет ли на месте то, о чем мы говорим, сидя у себя дома. Выбирайте удобные случаи на месте и действуйте!» В собственноручно написанном Чжу Юаньчжаном приказе Ли Вэньчжуну сказано: «Предпочтительнее побольше знать подробностей на месте и предпринимать действия в соответствии с обстоятельствами и изменившейся обстановкой. Вы также попадали в передраги. Откуда мне предусмотреть все!» После выступления армии в Северный поход в 1-м году Хунъю (1368 г.) Чжу Юаньчжан сам начертил карту наступления частей и послал Сюй Да с курьером. Высказывая свои соображения главнокомандующему, он разъяснил, что они носят лишь ориентировочный характер и что можно действовать иначе, выбирая удобные моменты, если его предложения не соответствуют реальной обстановке на месте. Но когда речь шла о принципиальных вопросах, он отдавал твердые приказы, не подлежащие изменениям. Например, в 5-й день 11-й луны 11-го года Лунфэн (17 декабря 1365 г.) он издал приказ о сдавшихся вражеских генералах, офицерах и солдатах: «Приказываю дворцовому уполномоченному Чжун Мину отправиться в армию и сказать главнокомандующему левому министру Сюй Да и его помощнику Чан Юйчуню: «Когда в 4-й день 11-й луны (16 декабря) донесение о победе прибыло в столицу, мне стало известно, что армия поймала огромное число главарей и солдат-разбойников. Но когда пленных очень много, трудно всех посадить в тюрьму. Ныне посылаю к вам человека и велю вам оставить в армии 19—20 тыс. отборных храбрецов из войск Чжан Шичэна. Что касается тех, кого невозможно использовать, то ликвидируйте их тайно у себя в армии и не препровождайте сюда. Но препроводите в столицу главарей всех до единого!» Кроме того, в 3-ю луну 12-го года (1366 г.) он строго обязал Сюй Да не казнить много командиров вражеской армии: «Когда был взят Гаю, в

городе было перебито большое число солдат и командиров, хотя не было нужды казнить их. Если ныне, когда армия прибыла в Хуайань, город сдастся без боя, то это будет результатом призывов к противнику с посулами, а не твоей заслугой. Если же Хуайань не будет взят к концу 3-й луны, то это будет означать, что противник боится за свою жизнь, и ты лично будешь объяснять мне, почему казнишь вражеских командиров! Выполняй полученный приказ!»

Чжу Юаньчжан уделял большое внимание судьбам капитулировавших юаньских генералов и офицеров и неоднократно отдавал распоряжения, касающиеся их. В течение десяти дней 12-й луны 1-го года Хуньзу (1368 г.) он трижды отправлял посланцев к Сюй Да и Чан Юйчуню с соответствующими указами. В первом указе говорилось: «Мои войска взяли несколько десятков городов в Ци и Лу. Хотя теперь все генералы в Шаньдуне искренне капитулировали перед нами, но никто из них не был прислан сюда. Если оставить сдавшихся генералов в старых гарнизонах, то это будет то, что называется «кормя тигра, оставлять корень беды». Генералы, подумайте об этом!»

Когда товарищ главного инспектора Чжан Синцзу брал подряд округа и уезды в Шаньдуне, ему в плен попадало большое число войск и он тут же приказывал капитулировавшим генералам участвовать вместе с его армией в Северном походе во главе своих старых частей. Получив донесение об этом, Чжу Юаньчжан признал такую практику нецелесообразной и указал: «Это нехорошая практика. Я слышал, что под командованием Синцзу есть даже генерал с тысячью своих кавалеристов. А что, если при встрече с врагами не окажется достаточно сил, которые могли бы контролировать его, и он начнет мятеж?» Он отправил посланца сказать Синцзу, чтобы тот отныне препровождал в столицу каждого сдавшегося в плен генерала, чиновника или конфуцианского ученого, если только последние могут быть использованы на какой-либо должности, и никого не оставлять в армии. Кроме того, он направил посланца к Сюй Да и Чан Юйчуню со словами: «Я слышал, что, когда великая армия прибыла в Шаньдун, в областях и уездах, через которые она проходила, сдавалось ей очень много чиновников юаньского правительства, которых вы оставляете в своей армии. Я обеспокоен тем, что они смешиваются с нашей армией. Нельзя предвидеть, не возникнет ли мятеж, когда они встретятся с противником либо с разбой-

никами. Ведь люди склонились перед силой и не обязательно все довольны. Лучше пришлите их сюда, чтобы они находились среди наших чиновников. Они будут все больше сближаться с ними. Тогда можно будет использовать их на должностях и не опасаться неприятностей в будущем». Он неустанно требовал от своих генералов повышения бдительности после того, как в 1366 г. Ван Сюань и его сын Ван Синь сперва сдались армии Чжу Юаньчжана, а потом подняли мятеж.

Юаньчжан заботился и о налаживании дисциплины в войсках. В 3-ю луну 12-го года Лунфэн (1366 г.) он говорил в гневе: «В Гаю захвачено много жен офицеров из армии Чжан Шичэна. Почему же главнокомандующий не хочет прислать их сюда, чтобы они могли сочетаться с кем-нибудь браком? В день взятия города главнокомандующий перебил всех без исключения генералов и командиров. Неужели враг не будет оказывать нам сопротивление, узнав, что мы убили мужчин и захватили их жен и детей? О вине и ошибке главнокомандующего поговорю с ним по его возвращении». Со времени взятия Хэчжоу Чжу Юаньчжан уделял много внимания дисциплине в войсках. В государстве Западное У военная дисциплина среди повстанцев была сравнительно высокой. Но по мере того, как армия одерживала в войне победу за победой, а территория государства все более расширялась и на его сторону переходили все больше помещичьих вооруженных отрядов, менялся и состав армии, а вместе с тем постоянно нарушалась воинская дисциплина. После того как командиры получили строгие взыскания за избиение и захват людей в Гаю, дисциплина во всей армии повысилась. Нарушения воинской дисциплины в битве за Гаю имели место при следующих обстоятельствах. Когда главнокомандующий Сюй Да осадил и штурмовал Гаю, но, не взяв города, вернулся в Исин, прося подкреплений, Чжу Юаньчжан приказал инспектору армии Фэн Шэну произвести решительный штурм Гаю. Начальник обороны города дал знать осаждающим, что капитулирует, и Фэн Шэн приказал одному из командиров войти в город во главе нескольких сотен, но начальник обороны Гаю закрыл городские ворота и перебил всех их до единого. Разгневанный Юаньчжан приказал Фэн Шэну возвратиться ко двору, дал ему десять ударов большими батогами и еще в наказание отправил обратно в Гаю пешком. Фэн Шэн, который и сты-

дился унижения, и злился, штурмовал городские стены всеми силами. Сюй Да также прибыл из Исина и вместе с ним штурмовал город. Они захватили Гаою. Ворвавшись в город, они начали убивать всех подряд и забыли свою сдержанность, которую соблюдали много лет.

Большое внимание уделял Чжу Юаньчжан организации тайной полиции. Сеть тайной полиции состояла главным образом из осведомителей и стражи в парчовых халатах.

Осведомители являлись сотрудниками тайной полиции, специально учрежденной Чжу Юаньчжаном. Функции их заключались в том, что «они ведали делами о противозаконных поступках больших и малых чиновников в ямэнях и докладывали императору обо всем». Одного из наиболее известных осведомителей звали Гао Цзяньсянь. Он вместе с Ся Юем, Ян Сянем и Лин Шо специализировался на доносах об интимной стороне жизни чиновников, «подглядывая за ними, хватая их и нанося удары». Гао Цзяньсянь сказал императору: «Все чиновники, которые в столице брали взятки и были осуждены, смотрят на Вас со злобой. Как можно позволять им жить в столице? Что касается периферийных чиновников-взяточников, то целесообразно было бы сослать их на жительство в округа Хэчжоу и Увэй на территории к северу от Янцзы. В тамошних местах много необработанных земель, и можно выделить им по 20 му для запашки. К тому же они еще будут платить продовольственный налог и отбывать трудовые повинности». Чжу Юаньчжан принял это предложение. Но Гао Цзяньсянь навлек на себя гнев бюрократии. Впоследствии его деятельность проверял Ян Сянь и сослал его в тот же Хэчжоу пахать землю. Все чиновники, ранее начавшие заниматься землепашеством на территории севернее Янцзы, указывали на него пальцем и бранились: «Этот путь ты указал, а теперь и сам пришел. Дослужился!» Вскоре он был казнен. Ся Юй и Дин Гуаньянь также были казнены в разное время за нарушение закона. Когда эти люди получили власть, даже доверенные люди Чжу Юаньчжана, имевшие большие заслуги, Ли Шаньчан и другие, боялись их и жили в постоянном страхе за свою безопасность.

Из офицеров императорской гвардии, ставших осведомителями, был заведующий делами (чжи-ши) императорского тылового эскорта (цзинь-у хоувэй) некий Цзинь Цянь. Судя по признанию самого Юаньчжана, он когда-то

был доверенным лицом императора: «Мы когда-то считали, что он, несомненно, самый честный человек, вверяли ему свои сокровенные думы и повелевали ему расследовать даже секретные дела». Осведомителями из гвардейцев были Мао Сян и Гэн Чжун. Первый был сыном чиновника, служившего при ставке Юаньчжана в ранний период восстания. Будучи в свите Чжу Юаньчжана, он вошел в доверие к нему и по его приказу ездил в Цзянчжэ и другие районы вместе с Гэн Чжуном ревизовать местных чиновников и выяснять положение населения. Он когда-то имел звание армейского тысячника и благодаря заслугам дослужился до заведующего делами главного инспектора, ведал стражей в парчовых халатах, руководил следствием по делам, возбужденным на основании императорских указов, и впоследствии, будучи замешан в деле Ху Вэйюна, был казнен. Гэн Чжун дослужился до командира части стражи Датуна и также был приговорен к смерти за коррупцию.

Помимо гражданских чиновников и армейских офицеров, буддийские монахи также назначались фискалами.

Осведомители действовали всюду. Юаньчжан посылал их шпионить даже за членами семей генералов и чиновников. Когда какая-то буддийская монахиня вовлекла жен Хуа Гао и Ху Дахана в тибетскую буддийскую секту Золотого неба, он приказал бросить этих жен в реку вместе с монахиней. В 1-м году У (1367 г.) он получил от кого-то донесение об одном члене манихейской секты и приказал главнокомандующему фронтом схватить и прислать его к нему. В 4-м году Хунью (1371 г.) он собственноручно написал приказ: «В Бэйшине есть один чернолицый буддийский монах, который входит в дома чиновников. Он всегда разговаривает и шутит с чиновниками. Ни в коем случае не мешайте ему. Еще один буддийский монах — родом из Цзянси, бывший сюдацзай, не выдержавший государственных экзаменов на занятие чиновничьей должности и подавшийся в монахи. Теперь он знаком с чиновниками в городе и разговаривает с ними. Другой, некий Цуй, — односельчанин главнокомандующего... По получении этого приказа пошлите за ними и пришлите их ко мне. Еще один — придворный лекарь, родом из Цзянси, — вершил дела при прежней династии Юань. Еще живут у командующего Сунь Цана двое мусульман, а у Цзинь Южана есть домашний раб. Также пришлите их всех ко мне»,

Ясно, что Чжу Юаньчжан получал точную и подробную информацию о своих чиновниках. Однажды некий Сун Лянь, который был простым и открытым человеком, пригласил гостей на вино. Через день Юаньчжан спросил его, кого он приглашал, какое вино он пил с гостями и что у него было на закуску. Когда Сун Лянь ответил ему честно, Юаньчжан сказал: «Все верно. Здесь вы не обманываете меня». Виночерпий жертвенных вин Академии сынов отечества Сун Нэ однажды сидел где-то один с сердитым видом. На аудиенции Юаньчжан спросил его, на что он рассердился вчера. Сун Нэ удивился и сказал Юаньчжану правду.

Фискал мог только шпионить за чиновниками, но не имел права арестовывать и наказывать людей. Когда в связи с делом Ху Вэйюна обострились внутренние противоречия в среде господствующего класса, в 15-м году Хуньзу (1382 г.) была создана особая организация тайной полиции под названием «стражи в парчовых халатах» со специальными судами и тюрьмами.

До учреждения стражи в парчовых халатах существовало управление императорской охраны, созданное в 1-м году У (1367 г.). В 3-м году Хуньзу (1370 г.) оно было преобразовано в главную канцелярию личных императорских войск, которая ведала войсками левой, правой, средней, передовой и тыловой гвардии.

В страже в парчовых халатах существовали должности одного уполномоченного-командующего, двух помощников командующего, трех заведующих общими делами и двух усмирителей. В нее входило 14 тыс. стражников во главе с тысячниками, помощниками тысячников, сотниками, которые ведали охраной императора, арестами и тюрьмами. Воры, разбойники и изменники, как тогда называли политических преступников, подлежали тайным арестам и допросам. Стража представляла собой учреждение военной тайной полиции и не подчинялась министерствам и палатам императора. Ею командовал сам император. Она была ответственна только перед ним.

В страже в парчовых халатах было создано управление делами, ведавшее официальной перепиской, а также управление усмирителей, которое ведало наказаниями. Начиная с 15-го года Хуньзу (1382 г.) Чжу Юаньчжан пользовался услугами этой тайной полиции, судов и тюрем, передавая им дела всех важных политических преступни-

ков со всей империи для ведения следствия и наказания виновных. Но в 25-м году Хунъю (1392 г.) он приказал сжечь все орудия пыток в страже в парчовых халатах, а дела преступников передать в министерство юстиции. Через шесть лет после этого он снова выступил с заявлением, что все судебные дела должны решаться обычными судами и что они больше не входят в компетенцию стражи в парчовых халатах. Но этот закон продержался недолго. Император Чэнцзу после вступления на трон снова начал пользоваться услугами стражи в парчовых халатах и восстановил императорские тюрьмы. В дальнейшем все императоры использовали стражу в парчовых халатах в качестве своих ушей, глаз и когтей. Императорские евнухи осуществляли контроль над тюрьмами. Власть стражи в парчовых халатах все более расширялась, и численность ее личного состава все увеличивалась. Кровавый и жестокий террор в империи Мин продолжался вплоть до ее падения.

Со стражей в парчовых халатах было тесно связано наказание, называвшееся «бить батогами при дворе», то есть наказание преступника палками под наблюдением ответственных придворных чиновников. Из родственников Юаньчжана был забит до смерти батогами его племянник Чжу Вэньчжэн, из заслуженных чиновников был забит до смерти плетью князь Чжу Лянцзу вместе с сыном, из сановников был забит батогами Сю Сян, начальник министерства общественных работ. Этот обычай также был превращен в систему потомками Чжу Юаньчжана и продолжал практиковаться вплоть до свержения власти семейства Чжу.

Во всех важных пунктах в различных областях, округах и уездах были созданы подвижные инспекторские управления во главе с инспекторами и их помощниками. Их обязанность заключалась в том, чтобы «хватать и арестовывать грабителей и разбойников, проверять и допрашивать бесчестных и вероломных людей». На важных путях сообщения проводилась специальная проверка с целью задержания шпионов, соляных контрабандистов, беглых преступников и подозрительных лиц, не имеющих подорожных.

Введением подорожного свидетельства (подорожной), то есть пропуска или удостоверения личности, Чжу Юаньчжан развил древнюю систему проезда на перекладных

через почтовые станции и пропускные пункты по официальным удостоверениям. Закон устанавливал: «Во всех случаях передвижения воинов и гражданских лиц у них проверяются письменные подорожные, стоит им только выехать за 100 ли от места жительства; если у кого не окажется письменной подорожной, то того необходимо схватить и препроводить к властям. Кроме того, разрешается всем доносить властям о таких лицах. Если донос подтвердится, то доносчик награждается; тот, кто потворствует преступнику, наказывается наравне с ним». Законом были установлены следующие меры наказания: «Если преступник, не имея подорожной, тайно проезжает через заставу или переправляется через реку, то во всех случаях подвергается 80 ударам большими батогами; если он объезжает заставу стороной (не через ворота) или переправляется через реку не на месте переправы, то подвергается 90 ударам большими батогами; если он проезжает через границу нелегально, то подвергается 100 ударам большими батогами и каторжным работам на три года; если он нелегально выезжает на внешнюю территорию, то подлежит повешению». Разница между воином и представителем гражданского населения в отношении паспортного режима заключалась в следующем: «Если воины и гражданские лица выезжают за 100 ли от местожительства без подорожных, то воин предается суду как дезертир, а гражданское лицо предается суду как за тайный проезд через заставу или переправу через реку».

Подвижные инспекторские управления создавались лишь на важных участках путей сообщения. Конечно, невозможно было полностью запретить передвижение населения страны. Поэтому старостам стодесятидворок и десятидворок было приказано помогать подвижным инспекторским управлениям выполнять их задачи. В 19-м году Хуньэ (1386 г.) Чжу Юаньчжан в собственноручно написанном им указе требовал, чтобы «народ знал совершеннолетних в семьях друг у друга». Он говорил:

«Когда этот указ выйдет, все жители и соседи, живущие вместе в стодесятидворках и десятидворках, должны знать совершеннолетних в семьях друг у друга и их занятие. Жителям уездов, областей и округов следует накрепко запомнить, что в городах и селах не должно быть скрывающихся от властей. Если кто-то меняет дело либо уходит в буддийские или даосские монахи, то его имя исклю-

чается из списков семей. Всем совершеннолетним, исключая занятых на казенных работах, необходимо прилежно заниматься своим делом.

1. Жители должны знать, сколько у кого совершеннолетних, кто из последних обучился земледелию, кто — делу ученого, кто — ремеслу и кто — торговле. Если кто-то желает стать ученым, то должен стремиться к этому. Когда он поступает в школу, соседям необходимо знать, что его учителем является такой-то и место его учебы такое-то. Если это не общинная школа, то должно быть уездное училище, а если не уездное училище, то окружное или областное. Это то, что надо знать о месте нахождения ученого, чтобы можно было проверить почти все его действия и чтобы он не совершал проступков.

2. Тем, кто занимается земледелием и не выходит за пределы своей стодесятидворки, надо знать друг о друге, кто куда ходит и кто как работает.

3. Если тот, кто занят ремеслом, отправляется в далекий путь, то в подорожной ясно указывается место прибытия. Соседям настоятельно необходимо знать квартал, где он живет, а если он работает в окружном городе, то и большие и малые работы его. Большие выполняются медленно, а малые — быстро, и соседям нетрудно видеть все действия ремесленника.

4. Торговые капиталы бывают большие и малые, а товары легкие и тяжелые. Все это и дальность пути купца по суше или воде указываются в подорожной, и соседям его необходимо хорошо знать о сроке возвращения его и трудностях путешествия. Если кто-то из купцов не возвращается и не дает знать о себе в течение года, то на второй год соседи обязаны доложить властям об этом для расследования причины. Если данный человек совершает преступление где-то, будучи бродячим торговцем, то соседи его не несут коллективной ответственности за него».

В этом тексте слова «скрывающиеся от властей» обозначают бродят без определенных занятий. Закон устанавливает, что стодесятидворка, десятидворка и соседи отвечают за таких скрывающихся и наказываются как за соучастие в преступлении. Далее Чжу Юаньчжан писал:

«Если в стодесятидворке среди ста семей все же окажется скрывающийся, если эти семьи не донесут на него, а соседи и родственники не схватят его и если этот скрывающийся совершит неправильные поступки в обществен-

ных местах, городах или поселках, то такой преступник подлежит аресту властями и подвергается казни, а соседи по стодесятидворке и десятидворке отправляются в ссылку».

Кроме того, Чжу Юаньчжан подчеркивал:

«Как только этот указ будет выпущен, распространите его по всей Поднебесной. Все чиновники и жители должны охотно заниматься проверкой совершеннолетних в любое время. Когда городские жители оставляют у себя гостей, пусть они разузнают, чем занимаются последние, и проверят их подорожные! Если есть подозрение, что некий человек под видом своего занятия тайно совершает преступления, пусть они разузнают о нем подробнее. Пусть добропорядочный народ занимается проверкой таких!»

Для того чтобы организовать систему проверки, регистрации и опроса населения и выдачи подорожных по всей империи, надо было приложить огромные усилия, разработать соответствующие меры, а также проводить необходимую работу по надзору. Чжу Юаньчжан и его помощники накопили богатый опыт в этой области, постепенно развили и укрепили органы своей власти и силы устрашения и значительно усовершенствовали их по сравнению с предыдущими эпохами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Развитие производительных сил общества

1. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства

Развитие производительных сил общества в начале эпохи Мин было результатом крестьянских восстаний и крестьянской борьбы в конце периода Юань, которые нанесли мощный удар по классу землевладельцев и одно-

временно преподали большой урок новому правителю Чжу Юаньчжану, вынудив его сделать некоторые уступки крестьянам. Результаты этих уступок прежде всего сказались на восстановлении и развитии сельскохозяйственного производства.

За долгий двадцатилетний период военной разрухи население сократилось, земли запустели, и это было повсеместным явлением в первые годы правления династии Мин. Например, когда знаменитый цветущий край Янчжоу на пути, связывающем Север с Югом со времен Тан и Сун, был занят войсками Чжан Минцзяна, они не могли найти здесь продовольствия. Когда в 3-м году Лунфэн (1357 г.) один из военачальников Чжу Юаньчжана атаковал Янчжоу и Чжан Минцзян сдался, в городе осталось всего около 18 семей. Вновь назначенному правителю области, поскольку старый город опустел, оставалось только охранять окраину в юго-западной части его. В Инчжоу за долгие годы военных смут население в большинстве своем бежало или погибло, и город совсем опустел. Подвергшиеся особенно тяжелым военным разрушениям районы Шаньдуна и Хэнани «были почти безлюдными землями». В некоторых местах «из костей образовались холмы, и население было крайне редким». В 3-м году Хуньу (1370 г.) правитель области Цзинань Чэнь Сю вместе с чиновниками из управления земледелием докладывал: «В районах и уездах Севера прилежащие к городам земли запустели». Во 2-м месяце 4-го года Хуньу (1371 г.) командир гарнизона в Датуне Гэн Чжун докладывал: «Рядом с Датунем — пустыня. В конце периода правления Юань Болот-Тэмур, Коко-Тэмур и другие военачальники во время смут и войн убивали и грабили; города и пригороды опустели; земли обезлюдели, и вот уже несколько лет налоги не поступают». Даже в 15-м году Хуньу (1382 г.) упреждавший в отставку бывший старший историк Гуй Яньлян говорил: «Срединная равнина — центр Поднебесной, она знаменита тучными землями, но так как человеческих сил недостаточно, то она давно уже пришла в запустение». В 21-м году Хуньу (1388 г.) в Хэбэе все еще повсеместно были пустоши и крайне редкое население. На Юге обстановка во многих местах была такой же; так, в 1380 г. из уезда Улин в префектуре Чандэ сообщали: «С того времени, как здесь в год бин-у (1366 г.) начались военные действия, народ из Улина и других десяти

уездов разбежался. После долгого перерыва кое-кто возвратился к хозяйству, но и сейчас земли обширны, а население редкое, обработанных земель мало, а пустошей много». В Жуйцзине (пров. Цзянси) по причине крестьянских восстаний население больше чем наполовину погибло: «Прежде население, согласно реестрам, составляло 6193 двора, к нынешнему времени погибло больше половины, поля в большинстве своем запустили, налоги не с кого собирать». В 10-м году Хунъю (1377 г.) число дворов и количество вносимого продовольственного налога в округах и уездах провинций Хэнань, Сычуань и других далеко не достигало установленной нормы, поэтому 20 округов превратили в уезды, а 60 уездов слили. В 17-м году Хунъю (1384 г.) распорядились 37 округов превратить в уезды, так как число дворов в них не достигало 3 тыс.

Поступления по налогам сократились, рабочей силы не хватало, положение было очень тяжелым. Быстро покончить с разрухой, увеличить финансовые поступления Чжу Юаньчжан мог, только сделав уступки крестьянам. В 5-м месяце 1-го года Хунъю (1368 г.) было отдано распоряжение, чтобы население районов и уездов Сюйчжоу, Сучжоу, Хаочжоу, Сычжоу, Шоусянь, Пэйсянь, Дунхай, Синьян, Аньцзи и других, а также вновь присоединяемых районов полностью освободить на три года от продовольственного налога, палогов с тутовых деревьев, конопли, зерновых, проса, а также от трудовых повинностей. Это позволило народу оправиться, отдохнуть и все силы вложить в производство. Во вновь занимаемых округах и уездах также применяли этот метод — снимали налоги и повинности на несколько лет. В целях восстановления и развития сельского хозяйства император использовал такие меры, как переселение людей из густонаселенных мест в малонаселенные, подъем нови и пустошей, восстановление ирригационных сооружений, выращивание тутовых деревьев, хлопка, выдача властями крестьянам рабочего скота и семян, освобождение на три года от продовольственного налога с поднимаемых пустошей, освобождение от налога в случае стихийных бедствий и т. д. Кроме этого, он учредил резервные склады, приюты для бедных и другие учреждения для оказания помощи населению.

Он постоянно говорил: «Из четырех разрядов народа крестьяне больше всех трудятся и больше всех страдают. Весной встают с криком петуха, гонят скот и идут в поле

пахать и сеять. Высаживают рисовую рассаду, выпалывают траву, удобряют землю и перегреваются на солнце так, что пот с них течет ручьями, трудятся до того, что теряют человеческий облик. А когда урожай собран, то от всего зерна после внесения налога остается очень немного. А если, паче чаяния, случается наводнение, саранча или засуха, то они приходят в отчаяние, совершенно не имея выхода. Однако государственные налоги поставляются крестьянами, и работа по трудовым повинностям также является их обязанностью, и добиться того, чтобы государство было богатым и сильным, невозможно иначе, как позволив крестьянам спокойно жить и охотно трудиться». Финансовые доходы феодальных властей шли главным образом из деревни, продовольствие, хлопок, ткани, рабочая сила — все это поставлялось крестьянами, и без восстановления и развития сельскохозяйственного производства власть не могла долго продержаться.

Что касается переселения, то крестьян переселяли из многонаселенных и малоземельных мест в края, редко заселенные, с обширными свободными землями. В 3-м году Хунъю (1370 г.) 4 тыс. с лишним семей безземельных крестьян из Сучжоу, Сунцзяна, Цзяпина, Хучжоу и Ханчжоу переселили обрабатывать землю в Хаочжоу, дали им скот, сельскохозяйственные орудия и семена и три года не взимали налоги. Переселили еще 140 тыс. семей из Цзяннани в Фаньян. В 10-м месяце 9-го года Хунъю (1376 г.) переселили неимущий люд из Шаньси и Чжаньдина в фаньянские поселения. В 9-м месяце 15-го года Хунъю (1388 г.), поскольку в Шаньдуне и Шаньси население все более увеличивалось, безземельных крестьян из округов Цзэчжоу и Лучжоу в провинции Шаньси направили в Чандэ, Чжэньдин, Линьцин, Гуйдэ и Тайкап, где имелись пустоши, и создали там поселения. В 22-м году (1389 г.) было приказано безземельным из всех районов Ханчжоу, Хучжоу, Вэньчжоу, Тайчжоу, Сучжоу и Сунчжоу направиться обрабатывать землю к югу от Хуайхэ, в Чучжоу, Хэчжоу и другие места. Бедняков из Шаньси переселили на жительство в районы Дамин, Гуанпин и Дунчан, выделили им 26 072 цина земли. В 26-м году Хунъю (1394 г.) переселили 5635 дворов бедняков из Дэнчжоу и Лайчжоу обрабатывать землю в Дунчане. В 27-м году Хунъю (1395 г.) переселили 500 с лишним дворов безземельных крестьян из уезда Чунмин в Сучжоу под-

нимать целину в Куньшане. К 11-му месяцу 28-го года Хунъю (1395 г.) в поселения Дунчана и трех других областей переселили 58 124 двора, и императорский двор получил с них по налогам более 3 225 980 даней зерна и 2480 тыс. цзиней хлопка. В Чандэ и других четырех областях было создано 381 новое поселение, и продовольственный налог с них составил 2 333 319 даней риса и более 5 025 500 цзиней хлопка. Все переселяемые на целинные земли крестьяне получали от властей рабочий скот, семена и деньги на дорожные расходы. В 3-м году Хунъю (1370 г.) было установлено правило, чтобы на пустующие земли в районы и уезды Севера для подъема целины призывались жители селений, не имеющие своей земли, каждому двору давали 15 му земли и еще 2 му на огород, а для имеющих большие семьи число цинов и му земли не ограничивалось, все они освобождались от налогов на три года. Отбывающих трудовые повинности на почтовых станциях, в полицейских учреждениях и на ямской службе обязали в данном месте поднимать целину, не имеющим рабочего скота местные власти выдавали его. Если в каком-то месте находился удел великого князя, то на 5 ли вокруг города оставляли земли для обучения войск и выпаса лошадей, а все остальное подлежало обработке. По этим декретам огромное число малоземельных и безземельных крестьян Севера получили земли, были вовлечены в производство, что преобразило пустынный облик этих краев. Было приказано все обработанные целинные земли и пустоши, ранее брошенные людьми из-за бедствий войны, а потом поднятые и обработанные другими людьми, считать собственностью последних. Если же их прежние собственники вернутся, то местные власти должны были выделить им землю из близлежащих пустошей. Если у вернувшихся к своим хозяйствам людей в семьях мало взрослых, а земли прежде было много, то не разрешалось владеть ею по-прежнему, а позволялось только обрабатывать пустоши, которые и становились их собственностью. Тем, у кого теперь было много трудоспособных, а земли прежде было мало, местные власти должны были выделять землю из близлежащих пустошей по числу работников. Законы устанавливали, что пустующие земли, обработанные бедяками, становятся их собственностью, и разъясняли права собственности. Землевладельцам, ранее бежавшим в другие места, но вернувшимся затем к своим

хозяйствам, также разрешалось выдавать землю только по числу работников, но не разрешалось захватывать больше. Таким образом, права собственности довоенного периода были почти полностью отменены, и это было очень большим ударом по классу старых землевладельцев. В 24-м году Хунъу (1391 г.) последовало распоряжение, что представителям титулованной знати, крупным чиновникам и народу разрешается становиться собственниками земли только в том случае, если они ее вспахали и обрабатывали. Но все пустоши считались казенными землями. Если у кого-то работоспособных было больше, то позволялось им поднимать эти пустоши. Тому, у кого была рабочая сила, можно было обращаться к властям за разрешением на подъем целины. Последовало также распоряжение, чтобы все крестьяне Шаньдуна во время выполнения ими трудовой повинности вспахивали определенное количество земли. Вся семья того, кто, имея пустующие земли, осмеливался переселяться, ссылалась на каторгу за пределы собственно Китая. В 28-м году (1395 г.) последовало распоряжение, что отныне вновь освоенные земли независимо от их размера обложению налогом не подлежат, если же местные чиновники увеличат налог и причинят вред народу, то они будут наказываться как преступники. Власти всеми силами побуждали крестьян поднимать целину. В результате такого рода указов множество ранее бедствовавших крестьян подняли значительные массивы целинных земель, и число самостоятельных крестьян очень возросло; изменился тот порядок конца правления династии Юань, при котором земли были предельно сконцентрированы в руках крупных землевладельцев, в результате классовые противоречия в северных областях по сравнению с периодом Юань сильно смягчились. В этом как раз и состояли экономические причины того, что большинство крестьянских восстаний периода Хунъу происходило в Цзяннани, на Севере же их было очень мало.

Власти также переселяли население районов к северо-западу от заставы Цзюйюнгуань во внутренние районы страны для колонизации их. Так, Сюй Да переселил отсюда более 35 800 дворов, распределил их по гарнизонам всех префектур; ставшим солдатами дали одежду и питание, ставшим крестьянами — землю. И еще 32 800 дворов переселили в созданные в районе Бэйпина 254 поселения для обработки 1343 ципов земли.

Кроме того, в 10-м месяце 1-го года У (1367 г.) богачей из Сучжоу переселили на жительство в Хаочжоу, поскольку они помогали Чжан Шичэну упорно защищаться и постоянно восхваляли его. В 15-м году Хунъю (1382 г.) было приказано всех преступников, приговоренных к наказанию легкими и тяжелыми батогами, направлять в Чучжоу для выращивания люцерны. В 22-м году (1389 г.) министерству финансов было приказано бродяг из Шандуна поселить в столице, каждому человеку пожаловали 20 динов денег и заставили заниматься делом, чтобы зарабатывать на жизнь. В 28-м году (1395 г.) переселили в столицу 20 тыс. дворов, чтобы пополнить ряды носильщиков на казенных складах.

Овладев Цзицином, Чжу Юаньчжан сразу же обратил большое внимание на ирригацию. После создания империи он стал относиться к этому еще более серьезно и осуществил целый ряд крупномасштабных работ по ирригационному строительству. Так, в 1-м году Хунъю (1368 г.) были отремонтированы дамбы Тунчэнянь в Хаочжоу, изгибающиеся на 200 с лишним ли. В 4-м году (1372 г.) привели в порядок канал Линьцуй в уезде Синьань (пров. Гуанси), что позволило оросить 20 тыс. цинов земель. В 18-м году (1375 г.) отстроили береговые дамбы по рекам Хуанхэ, Циньхэ, Чжанхэ, Вэйхэ и Шахэ. В 19-м году (1376 г.) построили морские дамбы в Шандуне и Фуцзяни. В 23-м году (1390 г.) у Хаймэня отремонтировали прорванную дамбу длиной 23 900 с лишним чжанов. В Чунмине (Цзяннань) отбывали трудовую повинность 250 тыс. человек. В 24-м году (1391 г.) отремонтировали речную плотину Хуаншаньлин в Линьхае (Цзяннань), морскую дамбу в Нинхае и Фэнхуа длиной 300 с лишним чжанов, построили морскую дамбу в 4 тыс. чжанов в Шаньюэ, перестроили каменную плотину. В уездах Динхай и Иньсянь расчистили озеро Дунцяньху и оросили несколько десятков тысяч цинов земли. В 27-м году (1394 г.) углубили реку Чжицзянхэ в Шаньяне, соединили отстоявшие друг от друга на 20 с лишним ли две реки в Юйлиньчжоу (пров. Гуанси), построили плотину в Шидоу. В 29-м году (1396 г.) перестроили дамбу Лоти в Хэнани. В 31-м году (1398 г.) перестроили дамбу Хунцуйянь, углубили канал длиной 103 тыс. с лишним чжанов. Такие огромные по масштабам стройки требовали рабочей силы до нескольких сот тысяч человек, и они были бы немыслимы без

организации работ объединенным и умиротворенным государством. Кроме того, Чжу Юаньчжан требовал также, чтобы местные чиновники всей империи обязательно и немедленно докладывали о предложениях простого народа относительно ирригации. В 27-м году Хуньу (1394 г.) он специально потребовал, чтобы чиновники министерства общественных работ постоянно следили за ремонтом всех плотин на водоемах и запрудах, которые могут собирать воду в большом количестве и защищать земли в засуху и в ненастье. В 28-м году Хуньу (1395 г.) было подсчитано, что в префектурах и уездах по всей империи дамбы и плотины были восстановлены в 49 187 местах.

Переселения крестьян в поселения, подъем нови и пустошей, признание за самостоятельными крестьянами права собственности на поднятую и обработанную ими землю, наделение земель старых землевладельцев только по числу работоспособных и восстановление ирригационных сооружений — все это способствовало увеличению производства зерновых культур и умножению доходов императорского двора от налогов. Чжу Юаньчжан обращал особенно серьезное внимание на рост производства технических культур, главным образом конопли, хлопчатника и жужуба, а также фруктов, хурмы, каштанов, грецкого ореха и т. д. В 6-й луне 11-го года Лунфэн (1365 г.) было дано распоряжение, чтобы все крестьяне, имеющие от 5 до 10 му земли, на половине этой площади выращивали тутовые деревья, или коноплю, или хлопчатник; имеющие земли свыше 10 му должны выращивать вдвое больше и т. д. Не придерживающихся данного приказа наказывали как за преступление: не выращивавших тутовых деревьев вынуждали вносить один кусок шелка, не возделывавших коноплю и хлопчатник — либо конопляную ткань, либо кусок хлопчатобумажного полотна. В 1-м году Хуньу (1368 г.) распространили этот указ на все земли, одновременно установили размер налогов: кунжута с каждого му вносили 8 лян, хлопка — 4 ляна; те, кто выращивал тутовые деревья, облагались налогом после четырех лет. В 25-м году (1392 г.) было приказано крестьянским хозяйствам Фэньяна, Чучжоу, Лучжоу и Хэчжоу ежегодно выращивать каждому по 200 тунговых деревьев, 200 жужуба и 200 хурмы. Было приказано, чтобы каждый солдат гарнизонов и их отделений выращивал 100 тутовых деревьев или в зависимости от местности хурму, каштаны, грецкие

орехи или фруктовые деревья. В 27-м году (1394 г.) было приказано мипистерству финансов убеждать население всей страны непременно и в большом количестве выращивать тутовые деревья, жужуб или хлопчатник и одновременно обучать правилам выращивания их. Каждый двор должен был в первый год высадить 200 тутовых деревьев или жужуба, на следующий год увеличить их число до 400, а на третий — до 600 деревьев. Те, кто выращивал хлопчатник на больших площадях, освобождались от налогов. Количество выращиваемого обязательно заносилось в реестр для доклада вышестоящим органам, вся семья нарушителей этих распоряжений ссылалась на каторгу. Что касается практического осуществления этих распоряжений, то, например, административное управление провинции Хугуан в 28-м году Хунъю (1395 г.) докладывало, что в подведомственных провинции округах и уездах уже выращено 84 390 тыс. фруктовых деревьев. В 29-м году (1396 г.) в областях и уездах провинции Хугуан тутовых деревьев было выращено меньше, чем полагалось. Поэтому было приказано взять в области Хуайань и в округе Сюйчжоу 20 даней семян тутовых деревьев, послать людей в Чэньчжоу, Юаньчжоу, Цюаньчжоу, Даочжоу, Юнчжоу, Баоцин, Хэпчжоу и другие места, для каждого выделить по 1 даню семян и заставить крестьян посеять их, чтобы развить в этих районах производство шелка из коконов тутового шелкопряда и шелкоткацкое ремесло. Чтобы гарантировать осуществление этих приказов и распоряжений, был издан указ, в котором говорилось, что земледелие и шелководство являются основой для получения одежды и пищи, поэтому местные чиновники всей страны, проверяя и взимая налоги, должны обязательно сообщать о достижениях в области земледелия и шелководства; в то же время в указе устанавливалось, что посадки тутовых деревьев и хурмы, сделанные после 26-го года Хунъю, независимо от их количества налогообложению не подлежат. Выращивание технических культур стало одним из критериев оценки заслуг чиновников; допустившие упущения понижались в должности и наказывались.

К контролю над полевыми работами привлекались и старейшины деревень. В каждой деревне устанавливался барабан, и в сельскохозяйственный сезон в пятую стражу*

---

* В 5 часов утра. — *Прим. ред.*

старейшины били в него, а все крестьяне, услышав барабанный бой, должны были идти в поле. Старейшины наблюдали за выходом. Если находились лодыри, не вышедшие в поле, то старейшим людям разрешалось наказывать их и следить, чтобы все трудоспособные занимались делом и не смели лодырничать и попрошайничать. Если же старейшины не захотят убеждать крестьян и наблюдать за ними, а крестьяне, впад в бедность, совершат проступки, нарушат законы и будут арестованы властями, то считать, что старейшины данной деревни совершили преступление. В обычное время старейшины шесть раз в месяц с деревянным колокольчиком в руках ходили по деревне и произносили речи, убеждая крестьян заниматься земледелием. Чжу Юаньчжан также опубликовал уведомление о воспитании народа, в котором говорил: «Поскольку Поднебесная ныне умиротворена, каждый должен усердно заниматься своим делом, чтоб было достаточно одежды и пищи, должен, согласно законам, выращивать тутовые деревья, жужуб, хурму, хлопчатник, ежегодно вскармливать шелковичных червей; полученный шелк и хлопок могут пойти на одежду, а жужуб и хурму в урожайный год можно продать за деньги для других нужд, в случае же неурожайного года они могут служить пищей. Старейшие люди стодесятидворок постоянно контролируют это и наказывают нарушителей как преступников».

В целях стимулирования подъема сельскохозяйственного производства в 1-м году Хунъю (1368 г.) Чжу Юаньчжан издал указ о том, что сельскохозяйственные орудия не подлежат обложению палогом. В 4-м году Хунъю (1371 г.) и в 25-м году Хунъю (1392 г.) он дважды посылал чиновников в Гуандун, Хугуан и Цзянси покупать рабочий скот, чтобы передать его поселенцам Центральной равнины. В 28-м году Хунъю (1395 г.) он приказал бедным людям сел объединиться в общины по 20 или 40—50 семей; если в пору сельскохозяйственной страды окажутся больные, то вся община должна помочь им вспахать и прополоть поля, тогда обработанная земля не запустеет, а народ не будет голодать и бедствовать. Министерство финансов распространяло и разъясняло это повеление. Центр неоднократно разъяснял местным чиновникам, что такие работы, как ремонт городских стен, строительство помещений, углубление русла рек, строительство княжеских дворцов, следует производить исключительно после

осеннего сбора урожая. Местные чиновники, имевшие заслуги в увеличении сельскохозяйственного производства, повышались в должности.

Четыре области Юго-Востока: Сучжоу, Сунчжоу, Цзячжоу, Хучжоу — были важной житницей страны, но и налог здесь был особенно тяжел, от чего страдали крестьяне. В 5-м месяце 7-го года Хунъю (1374 г.) было дано распоряжение снизить здесь продовольственный налог наполовину. В 3-м месяце 13-го года (1380 г.) снизили налог еще раз: старые ставки с 7 доу 5 шэн до 4 доу 4 шэн с 1 му, а вместо ставок от 4 доу 3 шэн до 3 доу 6 шэн стали собирать только 3 доу 5 шэн; более низкие налоговые ставки остались прежними. Всюду, где был плохой урожай из-за наводнения или засухи, налог не взимался. Но и в урожайный год, без всяких стихийных бедствий, выборочно снимали налог с мест, где земли были тощие и народ беден. В случае тяжелого стихийного бедствия освобождали не только от двухразового налога *, но и от выплаты ссуды риса властям или кредита рисом, тканями или деньгами. Всюду создали склады резервных запасов, находившихся в ведении старейших людей; накопленное в них продовольствие выдавали в виде помощи в случае стихийных бедствий. Создали лекарственные конторы для оказания помощи населению; беднякам выдавали из них лекарства. Создали приюты для бедных; беднякам, которым не на что было существовать, разрешалось приходить сюда и кормиться. Ежемесячно выдавали 3 доу риса, 30 цэиней топлива, кусок ткани на зимнюю и летнюю одежду, детям выдавали $\frac{2}{3}$ от этого количества. Если округ или уезд пострадали от стихийного бедствия, а местные чиновники не доложили двору об этом, то специально было разрешено старейшинам из народа подавать на них жалобу, и тогда местных чиновников присуждали к смертной казни. В 26-м году (1393 г.) по распоряжению министерства финансов полномочные местные чиновники получали право в голодные годы сначала выдавать из складов продовольствие для оказания помощи, а уже потом докладывать об этом, и это стало системой. Однако самую большую выгоду от снятия или уменьшения налоговых ставок получали помещики и землевладельцы, а бедным батракам выгоды не было. Склады резервных запасов, лекарствен-

* Летнего и осеннего. — *Прим. ред.*

ные конторы для помощи народу, приюты для бедных и другие общественные учреждения находились в руках землевладельцев; под видом заботы об обществе они нередко обогащались за счет этих заведений.

При династии Юань в Китае большое распространение имело рабство, количество рабов на Севере и Юге было очень велико, и это было чрезвычайно невыгодно для сельскохозяйственного производства. В период длительных войн в конце Юань немалое число тяглых крестьян также было вынуждено стать рабами. Во время восстания «красных войск», главный удар которого был направлен против монгольских феодалов, многие из последних были уничтожены, а подвластные им рабы получили освобождение; некоторые рабы принимали участие в восстании и в результате этого изменили свое классовое положение. Перед лицом новой ситуации, сложившейся в результате таких социальных изменений, позиция Чжу Юаньчжана оказалась противоречивой. Для того чтобы добиться выгоды от развития сельскохозяйственного производства, он отдает распоряжение об освобождении рабов. Так, в 5-й луне 6-го года Хунъю (1373 г.) он издает указ: «Прежде из-за военных смут народ разбежался, и многие вынуждены были стать рабами. Последние немедленно освобождаются, и надлежит считать их простолюдинами». Этот приказ относился ко всей империи, и на основании его стали «простолюдинами» очень многие рабы. Затем император отдал распоряжение выкупать от имени двора мужчин и женщин, проданных из-за голода в рабство с правом выкупа. В 8-м месяце 19-го года Хунъю (1386 г.) административное управление провинции Хэнань докладывало, что в Кайфыне и других префектурах у богачей за 1960 с лишним динов выкуплено 274 проданных с правом выкупа мужчин и женщин. Это лишь один из многих примеров. Император также установил закон, запрещающий простому народу иметь рабов. «Кодекс Мин» устанавливал: «Главы семей простолюдинов, содержащие рабов, наказываются 100 ударами тяжелых батога, а рабы их немедленно освобождаются и становятся свободными». Поскольку простому народу не разрешалось иметь рабов, число последних сильно сократилось. Однако Чжу Юаньчжан был выразителем интересов класса крупных и средних помещиков, и потому право знати, бюрократии и сельских шэньши содержать рабов признавалось и гарантировалось

законом. Он освободил большую группу рабов и к тому же запретил простому народу содержать рабов, чтобы получить больше рабочей силы для сельскохозяйственного производства, но одновременно разрешил помещикам содержать рабов.

Политика в отношении буддийских и даосских монахов также диктовалась заботами о сельскохозяйственном производстве. Несмотря на то что он сам некогда был буддийским монахом, Чжу Юаньчжан, став императором, с помощью законов ограничил рост числа буддийских и даосских монахов. В 12-м месяце 6-го года Хуньу (1373 г.) было отдано распоряжение, чтобы в каждой из областей и округов империи существовало только по одному большому даосскому храму и буддийскому монастырю и чтобы все буддийские и даосские монахи находились в них. Не понимающие сутр и классических сочинений не смели просить разрешения становиться монахами. Женщинам до сорока лет также было запрещено становиться монахинями. В 17-м году Хуньу (1384 г.) по всей стране насчитывалось 20 954 буддийских и даосских монаха. Чжу Юаньчжан считал, что это слишком много, что большую часть среди них составляют те, кто укрывается от трудовых повинностей, и постановил раз в три года выдавать разрешения на право стать монахами лишь после строгого экзамена. В 8-м месяце 20-го года Хуньу (1387 г.) было установлено еще более строгое правило: «Мужчинам свыше двадцати лет не разрешается принимать постриг и становиться монахами. Не достигших двадцати лет и просящих документ на право монашества повелеваю всех помещать в буддийские монастыри столицы на три года для прохождения испытания, и только выдержавшие испытание на бескорыстие определяются в монахи». В 1-м месяце 27-го года Хуньу (1394 г.) Чжу Юаньчжан снова приказал министерству обрядов уведомить всю страну: «Буддийских и даосских монахов, имеющих жен и детей, позволено всем людям бить и изгонять, а покрывающих пороки друг друга считать преступниками. Желающим позволено вернуться в мир. Не разрешается брать в монахи подростков, нарушители вместе с родителями подростков отдаются под суд. О лицах старше двадцати лет, желающих стать монахами, местные власти докладывают двору и разрешают им через три года прибыть в столицу на экзамен; после экзамена понимающие сутры и классические сочинения

получают документ на право монашества, а не понимающие наказываются батогами и остаются простолюдинами». В 10-м месяце 28-го года Хунъю (1395 г.), поскольку многие буддийские и даосские монахи не занимались религиозными делами, было приказано направить их всех в столицу для экзамена и не понимающих сутр и классических сочинений исключить из числа монахов. Монахи старше шестидесяти лет от экзамена освобождались. Законы о монахах становились все строже, число буддийских и даосских монахов по сравнению с периодом правления династии Юань очень резко сократилось, уменьшились также расходы на них при дворе и в народе, а количество рабочей силы в сельскохозяйственном производстве соответственно увеличилось. К тому же буддийским и даосским монахам было запрещено иметь жен и наложниц, и этим они отличались от мирян.

За несколько десятилетий сравнительно спокойной жизни, активного поощрения производства производительные силы общества были не только восстановлены, но даже еще более развиты.

Об этом можно судить по приросту площади обработанных земель с 1368 по 1380 г. Он составлял:

1368 г. — 770 с лишним цинов

1369 г. — 898 цинов

1370 г. — 2135 цинов (данные по Шаньдуну, Хэнаню и Цзянси)

1371 г. — 106 662 цина

1373 г. — 353 980 цинов

1374 г. — 921 124 цина

1375 г. — 62 308 цинов

1376 г. — 27 564 цина

1377 г. — 1513 цинов

1379 г. — 273 104 цина

1380 г. — 53 931 цин

За 13 лет прирост обработанных земель составил 1 803 171 цин. К 14-му году Хунъю (1381 г.) общая площадь казенных и частных земель по всей стране составляла 3 667 715 цинов. Прирост площади за счет поднятой целины за 13 лет составил половину площади казенных и частных земель по всей империи. Иначе говоря, в 1-м году Хунъю (1368 г.) площадь обработанных земель по всей империи составляла только 1800 тыс. с лишним цинов (не включая еще не усмиренные земли Северо-Востока и Северо-Запада, владения государства Ся в Сычуани и земли в Юньнани, Гуйчжоу и др.), а количество заброшенных

земель было чрезвычайно велико. Через 24 года, в 1392 г., пахотные земли всей страны составляли уже 3 874 746 цинов. После многих лет подъема целины был проведен в больших масштабах обмер земель, в результате которого были выявлены и зарегистрированы большие площади земель, утаенных землевладельцами и могущественными домами. К 26-му году Хунъю (1393 г.) площадь всех зарегистрированных обработанных земель по стране составляла 8 507 623 цина. По сравнению с 1392 г. прирост составил 4840 тыс. цинов, а по сравнению с 1368 г. — 6 700 000 цинов, то есть учтенная обрабатываемая земельная площадь увеличилась за 24 года примерно в четыре раза, в среднем на душу населения приходилось по 16—17 му обработанной земли. Покажем теперь рост поступлений продовольственного налога в казну: в 18-м году Хунъю (1385 г.) поступления по всей стране в пшенице, рисе, бобовых и зерновых составили 20 889 617 даней, в 23-м году (1390 г.) — 31 607 600 даней, в 24-м году (1391 г.) — 32 278 983 даня, в 26-м году (1393 г.) — 32 789 800 даней. Налоговые поступления в 1393 г. по сравнению с 1385 г. возросли на $\frac{1}{3}$. По сравнению с ежегодными поступлениями в период правления династии Юань, составлявшими 12 114 700 с лишним даней, они возросли почти втрое. Историки в то время писали: «В настоящее время страна богата и многонаселенна, налоги поступают в избытке; рис и просо, кроме нескольких миллионов даней, перевозимых в столицу, в большом изобилии накапливаются на складах и в амбарах префектур и уездов и даже гниют из-за невозможности все съесть. В неурожайные годы местные власти всегда сначала оказывают помощь, открывая склады, а уже потом доводят до сведения двора». Изложенное — не преувеличение, имеющиеся данные подтверждают это. Например, в 7-й луне 20-го года Хунъю (1387 г.) охранявший Данин помощник главного уполномоченного авангардных войск Шан Хао докладывал: «В построенном Данине и других четырех городах накоплено продовольствия: в Данине — 310 тыс. даней, в Сунтингуане — 580 тыс. даней, в Хуйчжоу — 250 тыс. даней; этих запасов хватит на несколько лет для снабжения пограничных районов». А в 9-й луне 28-го года Хунъю (1395 г.) министр финансов Юй Синь докладывал: «На двух складах — Гуанчжу и Гуанфэн — в префектуре Цзинань (пров. Шаньдун) 757 тыс. с лишним даней продовольствия расходуется только на

выдачу месячного пайка войнам, тренирующимся в Линьцине... собранного на этих двух складах продовольствия очень много, и за долгие годы хранения оно гниет... следует осенний налог нынешнего года пересчитать на хлопчатобумажные ткани для создания запасов на пожалования».

Покажем теперь рост численности населения. В период правления Юаньского Шицзу насчитывалось 10 633 281 двор, или 53 654 337 человек; в 14-м году Хуньу (1381 г.) во всей империи было 10 654 362 двора, или 59 873 300 человек; а в 26-м году Хуньу (1393 г.) насчитывалось 16 052 860 дворов, или 60 545 812 человек. Следовательно, население по сравнению с годами Шицзу возросло на 5400 тыс. дворов, или на 7 млн. человек.

Далее, при династии Мин были установлены категории округов и уездов в зависимости от количества налоговых поступлений: уезды делились на высшие, средние и низшие, критерием был поземельный налог в 100 тыс., 60 тыс., 30 тыс. и менее даней. Округа также подразделялись на высшие, средние и низшие, критерием был поземельный налог в 200 тыс., менее 200 тыс., 100 тыс. и менее даней. В связи с тем что сельскохозяйственное производство восстанавливалось и развивалось, увеличивались площади пахотных земель и численность населения, возрастали доходы по поземельному налогу. Начиная с 8-го года Хуньу (1375 г.) правительство непрерывно повышало категории некоторых округов и уездов. Например, Кайфын был сначала округом низшей категории, но так как продовольственный налог здесь стал превышать 380 тыс. даней, то в 1-ю луну 8-го года Хуньу (1375 г.) он был переведен в категорию высших округов. Продовольственный налог с округа Хуайцин (пров. Хэнань) увеличился до 150 тыс. даней.

Поскольку в Тайюане, Фэньяне, Хэнане и Сиане ежегодный сбор продовольствия увеличился, они были переведены в высшие округа; Янчжоу, Гучан, Цинъян стали средними округами, а уезд Иньсянь в Минчжоу стал высшим уездом. Разрушения в Янчжоу были особенно тяжелыми, но в течение восьми лет он был восстановлен и стал средним округом со сбором поземельного налога менее 200 тыс. даней в год. Эти факты позволяют судить о положении с восстановлением и развитием производительных сил общества в стране.

В связи с увеличением сельскохозяйственного производства, особенно в результате повсеместного выращивания технических культур — тутовника, конопли, хлопка, — а также фруктовых деревьев, по сравнению с предшествующим периодом крестьянские доходы несколько увеличились, а по сравнению с военными годами — тем более. Разумеется, что и покупательная способность населения соответственно повысилась. Восстановленное и развивающееся сельскохозяйственное производство обеспечивало сырьем текстильное производство, а возросшая покупательная способность крестьянства также ускоряла и стимулировала развитие торговли; города, где появились многочисленные прядильные и хлопчаткацкие предприятия, стали центрами оптовой торговли шелковыми и хлопчатобумажными тканями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Внутренние противоречия в среде господствующего класса

1. Дело партий Ху и Ланя

После создания империи Мин многие из руководителей повстанцев превратились в крупных землевладельцев, владевших большим количеством земель, и влились в состав господствующего класса во главе с императором, титулованной знатью и высшими чиновниками, управлявшими 60 млн. подданных.

По данным 4-го года Хунъу (1371 г.), шесть представителей знати, имевших титул гун — Ли Шаньчан, Сюй Да, Чан Мао (сын Чан Юйчуня), Ли Вэньчжун, Фэн Шэн, Дэн Юй, — и 28 обладателей титула хоу владели большими поместьями, где трудились 38 194 семьи арендаторов.

Император был хуайцем, канцлеры Ли Шаньчан и Сюй Да, заслуженные сановники Тан Хэ, отец и сын Гэн Цзюньюн и Бинвэн и многие другие были родом из Фэнь-

яна, из них Тан Хэ, Чжоу Дэсин были к тому же односельчанами Чжу Юаньчжана. Большая часть обладателей титулов гун и хоу и придворных чиновников на важных должностях были хуайцами.

К тому времени, когда Чжу Юаньчжан создал империю и стал императором, хуайцы все больше и больше овладевали высшими позициями в органах политической и военной власти, оттесняли нехуайцев, которые были недовольны и придумывали разные способы, чтобы добиться доверия Чжу Юаньчжана. Таким образом, внутри господствующего класса феодалов началась борьба за власть и богатства между нехуайцами и западнохуайской группировкой, и эта борьба, чем дальше, тем больше обострялась. Чжу Юаньчжан играл на противоречиях, назначая хуайцев на высокие должности, а нехуайцев использовал для того, чтобы следить за хуайцами, и усиливал и упрочивал личную власть.

Некоторые сановники за заслуги в кровавых битвах получили высшие титулы гун и хоу, имели отряды личной охраны и большое количество рабов-слуг, к тому же они поддерживали тесные связи с командирами гарнизонов и их отделений в разных местах. В период мира такого рода вооруженные силы, хотя и небольшие по численности, а также связи соратников все же могли быть использованы в целях свержения царствующего дома.

Система чжуншуншэн (секретариата), органа, управляющего политическими делами всей империи, была унаследована от династии Юань. Канцлеры секретариата в целом ведали политическими делами, их служебные права были очень велики. Чем больше усиливалась власть канцлеров, тем больше ослабевала власть императора, а Чжу Юаньчжан стремился к сильной личной власти, хотел все дела вершить сам. Однако имевшая долгую историческую традицию система канцлеров играла сдерживающую роль на пути достижения императором абсолютной власти.

По мере усиления государственного аппарата противоречия между канцлером и императором непрерывно росли; столкновения между ними с каждым днем становились все серьезнее. Чжу Юаньчжан, опираясь на поддержку мелких и средних помещиков, используя инспекторов и непосредственно им самим управляемые войска, прибег к кровавым методам и упрочил свою власть. В 13-м году Хуньу (1380 г.) был убит канцлер Ху Вэйюн, а в 26-м году

(1393 г.) — заслуженный сановник Лань Юй. Те, которые были убиты как «преступники», связанные с Ху Вэйюном и Лань Юем, именовались членами партии Ху и Ланя, и таких людей было около 40 тыс.

Положение, при котором знать и помещики посягали на доходы государства и двора и нарушали законы, существовало издавна. В 1363 г. Чжу Юаньчжан говорил Сюй Да, Чан Юйчуню и другим: «Все вы, последовав за мной, возвысились и добились таких почестей и положения, которые за один день не достигаются. В последнее время слышу, что ваши прислужники зазнаются и своевольничают, преступают нормы поведения и законы, ни с чем не считаются, и если своевременно их не наказать, то возникнут раздоры, и разве вы не пострадаете из-за них?» Поскольку многие заслуженные сановники, используя свое положение, преступали законы, их рабы и слуги убивали людей, а сановники скрывали это и не сообщали властям, поскольку представители феодальной правящей группировки нарушали законоположения императорского двора, Чжу Юаньчжан в 5-й луне 6-го года Хуньэ (1373 г.) приказал министерству общественных работ отлить железную доску с текстом предостережений гунам и хоу в случаях:

когда их семьи насильно захватывают казенные и частные земли в горах, причалы на озерах, чайные плантации, тростниковые заросли, золотые, серебряные и медные копи и железоплавильни;

когда управляющие поместьями семей заслуженных сановников и другие лица, пользуясь положением своих господ, в деревнях обманывают и избивают людей;

когда арендаторы поместий семей заслуженных сановников, помощники управляющих поместьями, работники, слуги, рабы и их родственники, опираясь на силу, притесняют народ, захватывают его земли и имущество;

когда семьи гунов и хоу, кроме определенного числа членов свиты и арендаторов, занесенных по правилам в реестры у чиновников, осмеливаются иметь таких арендаторов, которые тайно переходят в зависимость, чтобы избежать повинностей;

когда семьи гунов и хоу, опираясь на свою власть и влияние, третируют добропорядочных и хороших людей, вымогают у них купчие без оплаты и насильственно захватывают у людей землю, дома и скот;

когда семьи заслуженных сановников незаконно присваивают у людей поля и другое имущество.

Затем по пунктам были определены законы о штрафах и наказаниях. Согласно этим законам, члены семей гунов и хоу, которые притесняют людей, насильственно захватывают у них земли и имущество, равно как и те крестьяне, что тайно становились в зависимость от них, чтобы укрыться от государственных повинностей, подлежали казни через отсечение головы. Из того, что Чжу Юаньчжан должен был устанавливать специальные законоположения для обуздания князей, гунов и хоу из западнохуайской группировки, а также управителей их поместий, видно, что перечисленные на железной доске преступления стали повсеместными. Ясно также, что Чжу Юаньчжан и другие лидеры этой группировки, пройдя в прошлом вместе через опасности и невзгоды, не сплотились, однако, восдино, но постепенно дошли до конфронтации. Вот конкретные факты. Муж тетки Тан Хэ утаил земли в Чанчжоу и был казнен Чжу Юаньчжаном. После установления железной доски Лань Юй собрал в поместьях несколько тысяч рабов и использовал их для захвата богатств. Частные земли в Дунчане он раздал в награду подчиненным; население обратилось с жалобой к цензору, цензор на основании закона предпринял расследование, но Лань Юй избил его палкой и выгнал. Го Ин тайно держал в доме более 150 рабов, к тому же самовольно убил пятерых мужчин и женщин. Чжан Дэсин построил дом, превосходящий установленные законом размеры. Как видно, законы феодального императорского двора были не таким уж большим препятствием для знати и землевладельцев хуайской группировки.

Чжу Юаньчжан в целях упрочения собственного господства всеми силами защищал законы, служившие господствующему классу, и не давал спуску тем, кто нарушал их. В свое время после захвата Цзинхуа из-за нехватки продовольствия он строго запретил пить вино; в это время видный военачальник Ху Дахай как раз повел войско на осаду Шаосина, а его сыновья нарушили этот запрет, и Чжу Юаньчжан приказал казнить их. Делопроизводитель Ван Кай уговаривал его: «Ху Дахай возглавляет сейчас войска, атакующие Шаосин, можно ввиду его такого большого чина простить их». Юаньчжан в ярости сказал: «Пусть лучше взбунтуется Ху Дахай, но не допущу, чтобы

нарушались мои приказы!» — и, выхватив меч, лично убил этих людей. Когда старый военачальник со времен переправы через Янцзы Чжао Чжунчжун, охранявший Аньдин, бежал после осады и захвата города армией Чэнь Юляна и Юаньчжан в гневе приказал казнить его, согласно закону о наказании за сдачу города, Чап Юйчунь уговаривал его: «Чжунчжун — старый сподвижник со времен переправы через Янцзы, поэтому надо простить его». Юаньчжан ответил: «Если не опираться сейчас на военные законы, то потом нечем будет удерживать людей», дал Чжунчжуну тетиву от лука и приказал удавиться. После того как Се Цзайсин взбунтовался и сдался Чжан Шичэну, его младшие братья Се Сань и Се У несли оборону Юйхана. Ли Вэньчжун осадил город и предложил им сдаться. Тогда Се У со стены сказал с поклоном: «Гарантирую мне жизнь, и я сразу сдамся». Вэньчжун, указав на небо, поклялся: «Я, главнокомандующий, не убью тебя». Се У и его младший брат сдались, а затем были доставлены под охраной в Нанкин. Вэньчжун считал, что если убить обоих Се, то люди перестанут верить обещаниям и поэтому никто не будет сдаваться. Но Юаньчжан сказал: «Се Цзайсин, мой родственник, изменил мне и сдался Чжан Шичэну, обстоятельства не позволяют простить его!» И он убил Се Саня и Се У. Он предпочитал бунт военачальников, возглавлявших войска на фронте, но не мог не казнить нарушителей законов. Чжу Юаньчжан всегда решительно придерживался этой точки зрения и говорил: «Разве варварская династия Юань пала не из-за великодушия? Я не могу без жестокости умиротворить Срединное государство!» Жестоко расправился он и со своими ближайшими сподвижниками из западнохуайской группировки.

Центральной фигурой в бюрократической клике хуайцев был Ли Шаньчан. Когда Чжу Юаньчжан поднял восстание, он был секретарем его военного штаба, после провозглашения Чжу князем стал его правым канцлером, после провозглашения императором — левым канцлером, затем — левым главным канцлером и занимал первое место при дворе. Его сын был зятем императора. Его родственник и односельчанин Ху Вэйюн вслед за ним стал канцлером. В течение семнадцати лет, пока Ли Шаньчан и Ху Вэйюн один за другим держали власть в своих руках, они всеми силами теснили нехуайцев, не допуская их к власти. Лю Цзи, лидер чжэдунских землевладельцев, так-

же заслуженный сановник периода создания империи, был ближайшим доверенным советником Чжу Юаньчжана. В ходе войн с Чэнь Юляном и Чжан Шичэном он всегда предлагал Чжу Юаньчжану верные планы. Организация системы военных гарнизонов в армии периода начала Мин, также предложенная им, была его большой заслугой. Однако во время великих пожалований заслуженным сановникам Лю Цзи получил только титул бо и ежегодное жалование 240 даней зерна. Ли Шаньчан же был пожалован титулом гуна и ежегодным жалованием 4 тыс. даней зерна. Когда Чжу Юаньчжан поехал на большой сбор военачальников, а Ли Шаньчан и заместитель главного цензора Лю Цзи остались охранять Нанкин, личный доверенный Шаньчана, делопроизводитель в секретариате Ли Бинь преступил закон. Шаньчан просил помиловать его, но Лю Цзи не согласился. В письме он обо всем доложил Юаньчжану и после утверждения им приговора тут же казнил Ли Биня. Группировка чжэдунских землевладельцев была бельмом на глазу у западнохуайской группировки; возникло это дело, вражда еще больше углубилась. Возвратившись, Чжу Юаньчжан выслушал перемешанные Ли Шаньчаном правду с ложью и позволил Лю Цзи просить отпуск для поездки домой. А в 4-м году Хуньу (1371 г.) он заставил последнего просить разрешения по старости вернуться на родину и жить в покое. Перед этим Юаньчжан обсуждал с Лю Цзи возможные кандидатуры на пост канцлера, и, хотя некоторые нападали на Ли Шаньчана, Лю Цзи сказал, что тот старый сподвижник, имеет заслуги, умеет примирять всех военачальников. Юаньчжан спросил: он много раз вредил тебе, почему же ты так хорошо отзываешься о нем? По-моему, как раз ты должен стать канцлером. Лю Цзи знал, что в обстановке хозяйничания западнохуайской группировки он не удержится у власти, и решительно отказался. Юаньчжан спросил, что он думает о Ян Сяне, Ван Гуаняне и Ху Вэйюне? Ян Сянь был хорошим другом Лю Цзи, но Лю Цзи считал, что, хотя Ян Сянь имеет талант, у него недостает характера. Ван Гуанянь — человек ограниченный, а Ху Вэйюн тем более не подходит на пост канцлера. Ху Вэйюн возненавидел Лю Цзи за плохой отзыв о нем и, когда несколько лет спустя стал у власти, использовал любой повод для очернения его перед Чжу Юаньчжаном и даже урезал ему годовое жалование. Лю Цзи пришлось приехать в Нанкин, чтобы

узнать, в чем он виноват. От волнений он заболел, но вернуться из Нанкина домой не осмелился. Ху Вэйюн прислал врача для осмотра. Лю Цзи выпил лекарство, болезнь еще больше обострилась, и в 8-м году Хунъю (1375 г.) он умер.

Позже Юаньчжан, беседуя с сыном Лю Цзи, часто говорил: «Когда Лю Цзи был здесь, двор был разделен на партии, только он один не примкнул ни к одной из них и был отравлен». И еще говорил: «Ты сам знаешь, что отец был отравлен хуайцами. Только он разбирался во всем, и они за это ненавидели его. Не будь у него таких знаний, они бы не ненавидели его. В настоящее время при моем дворе есть знающие люди, но никто так и не превзошел его».

Признания Юаньчжана в известной мере характеризуют обстановку ожесточенной борьбы двух землевладельческих группировок из разных районов страны внутри господствующего феодального класса. Об этой борьбе свидетельствуют и другие факты. Ян Сянь, уроженец уезда Янцюй в Шаньси, в ранний период правления Чжу Юаньчжана был инспектором, потом достиг чина заместителя главного цензора. Юаньчжан любил его за ум, часто говорил, что Ян Сянь мог бы быть канцлером. Ян Сянь и инспекторы Лин Шо, Гао Цзяньсянь и Ся Юй пытались внушить Юаньчжану, что Ли Шаньчан не годится на пост канцлера, что надо снять его с этого поста. Но Юаньчжан сказал им: «Шаньчан хотя и не обладает способностями, необходимыми для канцлера, но он мой земляк. Как только я начал восстание, он последовал за мной, прошел через все трудности, усердно работал моим секретарем, имеет много заслуг. Раз я стал императором, он, естественно, должен быть канцлером, это и есть использование старых заслуженных чиновников. Отныне не следует больше говорить об этом». Хотя он и сказал так, но услышанное все же оставило у него некоторые сомнения, и он даже обсуждал с Лю Цзи вопрос о назначении канцлером Ян Сяня. Ху Вэйюн, узнав об этом, поспешно сообщил Шаньчану: «Если Ян Сянь станет канцлером, то я и другие хуайцы не получают высоких постов».

Кровные интересы всей западнохуайской группировки сплотили ее воедино, и члены этой группировки совместными силами стали вредить Ян Сяню. Тот в конце концов был убит; Лин Шо, Гао Цзяньсянь, Ся Юй также были казнены друг за другом. Подобным же образом Ян Сянь

использовал все способы, чтобы оттеснить людей, лично с ним не связанных. Гонения представителей чжэдунской группировки членами западнохуайской группировки, гонения представителей западнохуайской группировки Ян Сянем и другими, оттеснение людей, не связанных с гонителями личными узами, межгрупповая борьба, порождаемая земляческими интересами, — все это было одной из особенностей политической жизни в первый период Хуньу.

Измена Се Цзайсина и раскрытие заговора Шао Жуна, угрожавшие власти императорского дома, сделали Чжу Юаньчжана крайне осторожным, побудили его повысить бдительность и использовать все способы для защиты собственного деспотического правления.

Юаньчжан не доверял военачальникам и потому оставлял их семьи в столице в качестве заложников. После казни Шао Жуна и Чжао Цзицзу Юаньчжан стал по отношению к военачальникам еще более недоверчивым, с помощью инспекторов следил за ними; военачальники боялись его. Сюй Да и Тан Хэ были людьми крайне осторожными и предусмотрительными, но также оказались на подозрении, дворцовые чиновники непрерывно распространяли слухи и создавали еще более напряженную атмосферу. В тексте железной доски от 6-го года Хуньу (1373 г.) в форме закона говорилось, что командиры гарнизонов в столице и в провинциях, тысячники, сотники, судьи в гарнизонах, командиры взводов и их помощники не должны тайно получать от гунов и хоу золотые ткани, одежду, деньги; чиновники всех столичных и провинциальных гарнизонов, когда они не идут в поход, не смеют стоять у парадных дверей гунов и хоу и ждать приказаний; гуны и хоу и другие чиновники без особого приказа императора не смеют тайно использовать в своих интересах правительственные войска. Чем строже становились ограничения Юаньчжана в отношении крупных военачальников, тем глубже становились противоречия между ним и ими.

В конечном счете противоречия внутри феодального господствующего класса вылились в борьбу между императором и канцлерами за власть.

Когда Юаньчжан находился в Хэчжоу, Ху Вэйюн был его адъютантом; он, как родственник Ли Шаньчана, являлся важной фигурой в западнохуайской группировке. Благодаря энергичной поддержке Ли Шаньчана в 3-м году Хуньу (1370 г.) он занял должность помощника управ-

ляющего в секретариате, в 6-м году (1373 г.) был назначен правым канцлером, а затем и левым канцлером. Он пользовался глубоким доверием Юаньчжана, и влияние его росло с каждым днем. Опираясь на старых хуайцев и пользуясь поддержкой Ли Шаньчана и других опытных важных сановников, он сразу же стал единолично решать важнейшие дела, касающиеся жизни и смерти людей, понижения и повышения чиновников и т. п., не докладывая даже Юаньчжану. Доклады столичных и провинциальных учреждений, не выгодные ему, он задерживал у себя. Желавшие стать чиновниками, подняться в чине, незадачливые сановники и военные — все отовсюду устремлялись к нему, присылали дорогие ткани, лошадей, безделушки. За семь лет пребывания его на посту канцлера вокруг него сложилась небольшая прочная группа друзей из старых бюрократов.

Секретариат был центральным административным органом империи, а канцлер решал самые разнообразные дела, возглавлял правительство и был ответственен только перед императором. До Ху Вэйюна канцлером был осторожный и хитрый Ли Шаньчан, а Сюй Да, возглавлявший войска, постоянно находился вне столицы. После Ли Шаньчана канцлером был уроженец Гаю Ван Гуанъян, который любил вино, своей точки зрения обыкновенно не имел и делами занимался не слишком охотно; по проискам западнохуайской группировки он был обвинен в преступлении и казнен. Ху Вэйюн был в секретариате дольше всех, имел самую большую власть. В конце концов Юаньчжан стал чувствовать, что сам он утрачивает верховную власть. Тогда он покончил с системой канцлеров. В 13-м году Хунъю (1380 г.) он казнил Ху Вэйюна по обвинению в узурпации власти и извращении законов и, воспользовавшись этим, ликвидировал пост канцлера и секретариат. Важные государственные дела стали решаться непосредственно императором, одновременно был установлен закон, не позволявший впредь восстанавливать должность канцлера. В 28-м году Хунъю (1395 г.) было опубликовано распоряжение: «В древности три князя вырабатывали Путь правления, а шесть главных министров распределяли между собой обязанности по управлению. При династии Цинь впервые учредили должность канцлера, не вернулись к старым порядкам и погибли. Династии Хань, Тан и Сун последовали примеру Цинь, и хотя они имели

мудрых канцлеров, однако среди последних было немало подлых людей, узурпировавших власть и повергавших страну в хаос. Моя династия ликвидировала должность канцлера, создала пять комиссий¹, шесть министров, цензорат, главный судебный двор и другие учреждения, распределила между ними все дела Поднебесной. Они друг от друга не зависят, друг другу не подчиняются, общее руководство ими осуществляет двор, и тем самым достигается устойчивость. В будущем наследные правители ни в коем случае не смеют учреждать должность канцлера, а если кто из подданных осмелится подать доклад с просьбой восстановить ее, то военные и гражданские чиновники немедленно должны доложить об этом, чтобы наказать виновного, как за тяжелое преступление». После ликвидации должности канцлера вся верховная власть сосредоточилась в руках императора, чтобы «тем самым достигнуть устойчивости». С того момента, когда секретариат был ликвидирован и верховная административная власть сосредоточилась в руках императора, последний стал полновластным деспотом.

Чжу Юаньчжан убил Ху Вэйюпа, чтобы монополизировать власть. В 26-м году (1393 г.) снова нашлись люди, которые донесли о замышлявшейся измене верховного главнокомандующего Лань Юя, и того казнили со всем родом. Лань Юй, уроженец Динъюаня, был братом жены Чан Юйчуня. Будучи в подчинении у Чан Юйчуня, командовал войсками, мужественно сражался и стал заслуженным генералом. После смерти Чан Юйчуня и Сюй Да он стал верховным главнокомандующим, возглавлял армию в походах, имел большие заслуги и стал надменным и своевольным, собрал в поместьях несколько тысяч рабов, пользуясь своим влиянием, свирепствовал, в армии самовольно увольнял одних и назначал других командиров, не подчинялся указам и распоряжениям императора. Поскольку он много лет возглавлял армию, имел в подчинении несколько десятков храбрых полководцев, то влияние его было огромно. В 26-м году (1393 г.) чиновники стражи в парчовых халатах первыми доложили, что Лань Юй замыслил измену, говорили, что он вместе с Цао Чжэнем и другими гуннами и хоу рассчитывал поднять мятеж, когда Юань-

---

¹ Имеются в виду пять Главных военных комиссий, учрежденных вместо единого Главного военного совета. — *Прим. ред.*

чжан выедет на обряд первой борозды. В результате расследования за соучастие в преступлении были казнены вместе с семьями более 15 тыс. человек.

Дело Ху Вэйюна стало для Чжу Юаньчжана удобным орудием для ведения политической борьбы. Те гражданские и военные чиновники и знатные землевладельцы, которых подозревали во враждебности императору и которые представляли угрозу власти императорского дома, все были поочередно причислены к «партии» Ху и казнены с семьями. Обвинения против «партии» Ху Вэйюна множились по мере развития противоречий в господствующем классе. Сначала его сторонников обвиняли в тайной связи с Японией, а затем и в тайной связи с Монголией с целью организации переворота. Позднее их обвинили в замысле переворота в сговоре с Ли Шаньчаном, и тогда главные силы западнохуайской группировки были полностью уничтожены. Самым последним было дело Лань Юя, в результате чего подверглась истреблению большая часть военной знати, связанной с хуайской группировкой. Казнили не только обвиняемого, но и всю его семью. Многие представители титулованной знати были причислены к «партии» Ху и казнены вместе с семьями. Дело Ху описано в «Записях, раскрывающих дело преступной партии», а дело Ланя — в «Записях о мятежном сановнике», в которых опубликованы устные показания при допросах под пыткой и подробные записи решений по этим судебным делам, чтобы весь народ знал «обвинения против них».

Через десять лет после казни Ху Вэйюна, в 23-м году Хуньфу (1390 г.), великий наставник гун Ли Шаньчан также был привлечен по делу Ху Вэйюна. Чжу Юаньчжан, ссылаясь на то, что звезды изменили свое расположение и что поэтому необходимо убить крупного сановника, чтобы избежать бедствий, казнил Ли Шаньчана (ему исполнилось 77 лет), его жен, дочерей, младших братьев и племянников — всю семью, более 70 человек.

Помимо казней по двум указанным судебным процессам, были убиты заслуженные сановники периода создания империи: в 8-м году Хуньфу (1375 г.) гун Ляо Юнчжун; в 13-м году (1380 г.) гун Чжу Лянцзун и его сын были забиты плетью; в 17-м году (1384 г.) гун Ху Мэй был казнен за нарушение запретов; в 25-м году (1392 г.) хоу Чжоу Дэсин был убит по тайному обвинению в расстреливании; в 27-м году (1394 г.) были убиты хоу Ван Би, хоу

Се Чэн, гун Фу Юдэ; в 28-м году (1395 г.) — гун Фэн Шэн.

Последовательно уничтожались не только военачальники и представители титулованной знати, но был засечен плетью за «скрытые дурные намерения» приемный сын и родной племянник Юаньчжана Чжу Вэньчжэн, в свое время совершивший большой подвиг: он в течение 75 дней упорно защищал Наньчан и всеми силами противостоял Чэнь Юляну. Приемный сын и родной племянник Ли Вэньчжун, покоряя Юг и завоевывая Север, совершил великие подвиги, но также был отравлен за то, что был окружен конфуцианцами, почитал мудрых и принижал воинов. Подобной участи не избежал и Сюй Да, первый из заслуженных сановников периода создания империи: когда в 18-м году (1385 г.) на спине у него появился фурункул и все говорили, что надо избегать есть вареного на пару гуся, Чжу Юаньчжан специально пожаловал ему вареного на пару гуся, и Сюй Да, проливая слезы, на глазах у присланного с подарком сановника съел этого гуся и через несколько дней умер.

Было всего несколько случаев, когда заслуженный сановник или опытный военачальник могли спокойно умереть. Первым был Тап Хэ, который отказался от руководства войсками; он односельчанин Чжу Юаньчжана, вместе они росли и пасли буйволов. После смерти Сюй Да и Ли Вэньчжуна Юаньчжан задумал лишить власти всех опытных военачальников, но ему было трудно осуществить это намерение. Тап Хэ сам понял старого товарища и заблаговременно ушел в отставку по старости. Юаньчжан очень обрадовался, немедленно направил чиновника передать ему заново отстроенный дом областного управления в Фэньяне и щедрые награды и подарки. Подобное было с гуном Ли Цицзунем и хоу Го Ином, которые возвратили свои поместья и арендаторов в казну. В 23-м году Хунъю (1390 г.) хоу Ли Синь предложил: «Члены семей гунов и хоу и семьи их родственников по женской линии имеют установленное содержание, поэтому все сверх того они должны вернуть двору». Юаньчжан, очень недовольный этой группой знати и земельных собственников, располагавших в большом количестве землями и арендаторами, выслушал его с большой радостью. Он издал распоряжение о высылке в Фэньян, переводя в простолюдины всех членов семей знати, превысивших установленное содержание. А еще

повеле! министерству обрядов составить «Записи о системе ревизий», в которых строго запрещалось гунам и хоу роскошествовать, преступая границы. В 26-м году (1393 г.) Ли Цзинлун вернул в казну шесть поместий, более 200 циннов угодий, земель в горах, водоемов и зарослей. Го Ин возвратил арендаторов, чтобы с них взимали налог по закону. Эти два человека в период Хунъю не имели неприятностей.

2. Дело о пустых бланках и дело Го Хуаня

Алчность и коррупция были характерными чертами бюрократического правления в феодальном обществе. Всеми средствами добывать деньги, скупать земли, иметь побольше домашних рабов, получать возможно большие чины и как можно больше денег, подниматься в чинах и богатеть — такова была жизненная философия образованной части феодального общества.

Алчность чиновников и безграничная эксплуатация вынуждали страдающий от голода и холода народ восставать и оказывать сопротивление; «чиновники угнетают — народ восстает». В феодальном обществе одной из причин сотен крестьянских восстаний были алчность и угнетение со стороны чиновников.

Чтобы смягчить противоречия между феодальным господствующим классом и широкими народными массами и укрепить базу своего господства, Чжу Юаньчжан вел длительную и жестокую борьбу против тех местных чиновников, которые были корыстолюбивыми и вредили народу; он применял при этом крайне жестокие наказания.

По взяточничеству и лихоимству дворцовой и местной бюрократии, причинившим серьезный ущерб интересам двора, Чжу Юаньчжан всеми силами, повсюду и в больших масштабах наносил беспощадные удары. По двум делам — делу о пустых бланках в 15-м году Хунъю (1382 г.) и делу Го Хуаня в 18-м году (1385 г.) — было привлечено к ответственности и казнено 70—80 тыс. человек. Большинство среди них составляли чиновники разных степеней.

Согласно существовавшим тогда правилам, каждая провинция ежегодно должна была посылать ведающего

сметой доходов и расходов чиновника в министерство финансов с докладом о статьях прихода и расхода в местном бюджете, для того чтобы подсчитать и проверить суммы денег, количество продовольствия и военные расходы. Обязательно полагалось, чтобы область докладывала провинции, провинция — министерству, каждая нижестоящая ступень — вышестоящей, и только тогда министерство финансов, проверив и установив полное совпадение сумм, утверждало баланс, только тогда считалось, что вся процедура завершена. Если в суммах денег и количестве продовольствия были хотя бы небольшие несоответствия, то общий баланс тут же отклонялся и составлялся запово. Дальние провинции отстояли от столицы на 6—7 тыс. ли, а ближние — примерно на 1 тыс. ли. При повторном составлении сметы баланс обязательно заверялся печатью данного провинциального управления, и только тогда он считался законным, однако, чтобы поставить эту печать, на поездку в провинцию и обратно требовалось от одного до нескольких месяцев. Чтобы избежать придирок министерства финансов и сократить хлопоты в связи с поездками туда и обратно, местные финансовые чиновники обычно имели при себе заранее заготовленные, заверенные печатями пустые бланки, и если вдруг случались придирки со стороны министерства, то своевременно заполняли их. По сути, такой способ был секретом полишинеля, и все считали его справедливым и разумным, удобным и экономным.

Вдруг в 15-м году Хунъю (1382 г.) Чжу Юаньчжан неожиданно раскрыл этот секрет, страшно разгневался, считая, что обнаружил большое зло и что без строгих мер не обойтись, и тут же издал распоряжение: всех старших чиновников учреждений, ведавших печатями, казнить, а их помощников наказать ста ударами тяжелых батонов и сослать на каторгу в пограничные земли. На самом деле пустые бланки, которые провинциальные финансовые чиновники везли с собой в столицу, не могли быть использованы иначе, чем указано выше; заготовленные заранее, они к тому же не обязательно использовались. По всей стране люди в местных учреждениях придерживались такой практики, чиновники министерства финансов в свою очередь по обыкновению молчаливо признавали ее, и она получила самое широкое распространение. Дело о пустых бланках было поднято как раз

в то время, когда процесс по делу партии Ху Вэйюна создал крайнее напряжение при дворе; никто не осмеливался разбираться по существу в этом вновь возникшем деле, лишь один простолюдин, рискуя жизнью, подал доклад, в котором ясно растолковал, что к чему, но это оказалось бесполезным. Местных старших чиновников, о которых речь шла выше, все-таки уничтожили всех до одного. Самый известный добродетельный чиновник того времени, Фан Кэцинъ (отец крупного сановника периода Цзяньвэнь (1399—1402 гг.) Фан Сяожу), также погиб по этому делу; человек же, подавший доклад, был осужден на каторжные работы.

В 18-м году Хунъю (1385 г.) кто-то донес, что чиновники двух управлений в Бэйшине и заместитель министра финансов Го Хуань сообщают занимаются злоупотреблениями, и, начиная с левого и правого заместителей министра финансов и ниже, все были казнены по обвинению в получении в качестве взяток 7 млн. даней продовольствия. Были обвинены в получении взяток и привлечены к суду и очень многие крупные землевладельцы по всей стране. Опубликованное обвинение гласило: «Го Хуань и другие получили осенний продовольственный налог с Чжэси и должны были сдать на казенные склады 4,5 млн. даней риса. А Го Хуань и другие сдали на склады только 600 тыс. даней и внесли 800 тыс. дин деньгами, что по пересчетам могло соответствовать 2 млн. даней, а остальные 1900 тыс. даней на склады не доставили. Затем Го Хуань и другие затребовали с Чжэси и других областей 500 тыс. гуаней денег; местный чиновник Хуан Вэньтун и другие в преступном сговоре с подлыми мелкими чиновниками Бянь Юанем и другими совершили злодеяние и присвоили себе эти деньги и продовольствие; затем чиновники Чжан Цинь и другие вступили в преступный сговор и совершили злодеяние, не доставив на склады ни единого зернышка по летнему и осеннему земельным налогам с нескольких сот (цинов) конфискованных в казну земель в Интяне и пяти других областях и уездах, а все разделили между собой и чиновником министерства финансов Го Хуанем и другими.

Украсть столько казенного продовольствия — это все равно что полностью расхитить трехлетний военный запас страны. «Раньше в уведомлении об этом деле мы хотели написать обо всем, но побоялись, что народ не

поверит нам, и написали только о хищении 7 млн. даней зерна со складов всех 12 провинций. Если же учесть хранившееся на складах продовольствие, которое, как обнаружено, было разворовано и распродано по преступному сговору, а также не поступившие в казну 500 тыс. гуаней денег, полученных с Чжэси и других областей, и тайно распроданные 1900 тыс. даней риса да подсчитать похищенные доходы по разнообразным налогам на рыбу, соль и т. п., а также золото и серебро, украденное по преступному сговору чиновником хранилища драгоценностей Фань Чжаоцзуном, 6 млн. гуаней денег, растраченных чиновником денежного хранилища Чжан Юем, то, считая украденное из хранилищ золото, серебро и драгоценности, распроданное со складов продовольствие и полагававшееся к поступлению, но не поступившее на склады продовольствие и доходы от разнообразных налогов на рыбу, соль и т. п., все присвоенное преступниками составит в пересчете на рис более 2/4 млн. даней чистого зерна».

Согласно записям некоторых современников — детей и внуков крупных землевладельцев, в Цзянсу, Чжэдуэ и Чжэси «из-за преступлений были искоренены кланы» многих старинных и больших домов, «большие семьи богатых людей были начисто выкорчеваны». Такого рода записи, хотя они и являются некоторым преувеличением, отражают факт уничтожения части класса крупных земельных собственников, и это не вызывает сомнений. Такие тяжелые удары, конечно, вызывали страх и недовольство среди крупных земельных собственников и бюрократии, которые, разумеется, не осмеливались открыто говорить, что воровская торговля казенным зерном не является серьезным нарушением закона. Они могли только втихомолку обвинять в необъективности цензоров и судей, разбиравших это дело, что будоражило многих и настраивало против суда и властей. Чжу Юаньчжан понимал, что если так дело пойдет дальше, то это будет крайне невыгодно и для него самого, поэтому он, с одной стороны, собственноручно написал и широко обнародовал указ о преступлениях Го Хуаня и других, где перемешал правду и ложь, а с другой — казнил судей, первоначально расследовавших эти преступления, и, таким образом, сделал уступку классу земельных собственников и бюрократии.

Помимо массовых расправ по делу о пустых бланках и делу Го Хуаня, были и другие.

За сорок лет, согласно некоторым подсчетам, было проведено более 10 тыс. судебных дел, по которым четверговали, выставляли на шесте голову казненного, казнили весь род виновного, и более 10 тыс. дел, по которым виновных подвергали публичной казни (отсечение головы) и менее тяжелым наказаниям. Впрочем, некоторым приговоренным к казни сохраняли жизнь. Так, из 364 обладателей степени цзиньши и учеников столичной школы, которые нарушали законы, были на первый раз избавлены от казни или ссылки и оставлены в должности 30 человек, а 328 человекам, осужденным на смерть или ссылку за одно преступление, было позволено искупить вину принудительным трудом. Принудительный труд взамен казни или ссылки — это введенное Чжу Юаньчжаном наказание, которому были подвергнуты цензоры, им приказали носить на ногах колодки, заседать в суде и разбирать там дела. Были и наказанные восемьюдесятью ударами больших палок чиновники, возвращенные работать в свои учреждения. Наказания смягчались потому, что ощущалась нехватка чиновников, некому было заменять подвергнутых наказаниям.

Четвергование было самым диким и жестоким из наказаний. Далее следовало выставление отрубленной головы на шесте, казнь рода, когда за преступление одного человека казнили всю семью и даже род. Кроме этих наказаний, были еще соскабливание кожи, подвешивание на шесте, вытаскивание внутренностей, сдирание кожи, клеймение, отрезание ног или носа, осклопление, вырывание коленных чашечек, также волочение по земле привязанным к лошади и другие наказания. По своей жестокости Чжу Юаньчжан, вероятно, превзошел всех императоров и князей. Всевозможные жестокие казни создавали среди чиновников двора атмосферу крайнего ужаса, все были перепуганы насмерть. Говорили, что во время приемов при дворе было легко заметить, решал Чжу Юаньчжан проводить массовые казни или нет. Если в этот день он опускал яшмовый пояс ниже живота, то это был знак большого гнева, означавший, что большая группа чиновников будет казнена; тогда все придворные чиновники бледнели от страха и начинали дрожать. Если же в этот день его яшмовый пояс был повязан высоко

на груди, это означало вероятность того, что убитых будет немного. Так как дворцовые чиновники по установленному правилу должны были каждый день являться на рассвете ко двору, то они поднимались до рассвета, умывались и одевались. После того как прошло несколько крупных судебных дел, многие чиновники перед выходом из дома прощались с женами и детьми, составляли наставления на будущее, и если вопреки ожиданиям кто-то из них возвращался домой живым, то вся семья поздравляла его, считая за благо, что он проживет еще хотя бы день.

Несмотря на применение жестоких наказаний против нарушавшей законы бюрократии и убийство нескольких десятков тысяч человек, результат борьбы против коррупции был все-таки невелик. В 18-м году Хунъю (1385 г.) Чжу Юаньчжан жаловался: «Став императором, я подражал древности, повелевал чиновниками, разделял китайцев и варваров. Разве я ожидал, назначая на должности, что избранные преданные и честные люди, прослужив долгий срок, окажутся алчными и корыстолюбивыми. Именно тогда я понял, что законами нельзя предотвратить уголовные преступления. Ведь дело дошло до того, что из столичных и провинциальных чиновников лишь немногие остаются хорошими и добросовестными в течение длительного времени, а казненных за преступления лично и с семьей оказывается великое множество». После начала дела Го Хуаня он говорил: «Прослышав об алчности и корыстолюбии Хуаня, за ним, как река, хлынули жадные последователи, и в течение полугода злодеи умножились, как саранча; не сосчитать числа людей, убивших тем самым себя и погубивших свои семьи. Чтобы остановить их, предложили пять видов наказаний: вытягивание сухожилий, втыкание игл под ногти, отрубание ног, обривание преступников, клеймение — разве это чрезмерные наказания для них?» Он не понимал и не мог понять, что его деспотическое правление, жестокая диктатура класса земельных собственников, хозяйничание бюрократии сами по себе порождают коррупцию и злоупотребления и что только жестокими пытками, наказаниями и кровавыми методами нельзя добиться существенных результатов в искоренении коррупции.

Чиновников, совершивших сравнительно легкое пре-

ступление, наказывали также посылкой на тяжелые физические работы. Так, в 9-м году Хунью (1376 г.) более 10 тыс. чиновников, совершивших проступки, были наказаны легкими батогами, сосланы на поселения в Фэньян.

В доступных исследованию записях об убитых дворцовых чиновниках есть имена заместителей министра обрядов Чжу Туна и Чжан Хэна, министра финансов Чжао Мяня, министра чипов Юй Ци, министров общественных работ Се Сяна и Цинь Куя, министров юстиции Ли Чжи и Кай Цзи, министра финансов Жун Тайсу, президента столичной школы Сюй Цуньжэня, левого главного цензора Ян Цзина, главного министра палаты ревизий Ли Шилу и его заместителя Чэнь Вэньхуая и многих других. Заместитель директора отдела министерства Чжан Лайшо, который советовал прекратить отбирать во дворец уже просватанных девушек, сказав, что «по справедливости так поступать не следует», был за это подвергнут срезанию мяса мелкими кусочками и умер.

Зверские казни и наказания столичных и провинциальных чиновников Чжу Юаньчжаном вызывали недовольство бюрократической группировки. Еще в 7-м году Хунью (1374 г.) люди говорили, что убитых слишком много, что «за прошедшие несколько лет способных чиновников уцелело всего лишь один-два из ста». В 1376 г. Е Боцзюй подал императору прошение, в котором говорилось, что применяемые наказания слишком жестоки.

Юаньчжан прочитал это прошение и рассердился до предела, голос его задрожал, с трудом он сказал: «Этот негодяй осмеливается вести себя так безобразно! Немедленно пришлите его, я должен сам убить его!» Прошло несколько дней, чиновники секретариата, воспользовавшись моментом, когда Юаньчжан был весел, попросили изменить наказание Е Боцзюю и заключить его в тюрьму, где тот вскоре умер.

В ужасной атмосфере страха, порождаемой массовыми наказаниями в виде порки плетью и батогами, изнурительного физического труда, сдирания кожи, вырывания коленных чашечек, казней, вплоть до искоренения семьи и всего рода, чиновники, крупные и мелкие, столичные и местные, которые когда угодно и где угодно могли подвергнуться таким наказаниям, находились всег-

да в состоянии тревоги и напряжения, жили, дрожа от страха. А некоторые люди не выносили этого и всячески стремились отказаться от должности, вернуться домой и стать простолюдинами. Но если такое случалось, то уязвляло Юаньчжана до боли, и тогда он говорил об этих людях, не желавших служить двору: «Все те, кто говорит, что трудно работать чиновниками при дворе, — это корыстолюбивые незадачливые людишки, занимающиеся злонамеренной клеветой. Они не заслуживают ни малейшего уважения, и их нельзя не казнить».

Были и такие заслужившие наказание чиновники и знатные люди, которые, прикинувшись сумасшедшими, счастливо избежали злой участи. Один из них — цензор Юань Кай. Как-то Юаньчжан хотел казнить много людей и велел Юань Каю взять свиток с делами и направиться к великому наследнику, чтобы еще раз обсудить их. Великий наследник настаивал на помиловании. Юань Кай вернулся и доложил об этом. Тогда Юаньчжан спросил его: «Я хочу казнить этих людей, а великий наследник все-таки хочет помиловать их, уменьшить наказание, по-твоему, кто прав?» Юань Кай не мог сказать, кто не прав, и только смог ответить: «Вы, Государь, хотите казнить, чтобы отстоять законы, великий наследник хочет амнистировать, чтобы быть великодушным». Юаньчжан очень рассердился, полагая, что Юань Кай рассудил двулично и хотел схитрить. Юань Кай испугался, что его казнят, и тут же притворился сумасшедшим. Юаньчжан сказал, что сумасшедшие не боятся боли, и повелел деревянным шилом колоть ему кожу. Юань Кай крепко сжал зубы, чтобы не закричать от боли. Вернувшись домой, он надел себе на шею железные оковы, взлохматил волосы, вымазал грязью лицо и стал сыпать бессвязными словами. Но Юаньчжан все еще не верил, послал человека с указом о назначении его чиновником. Юань Кай вытаращил глаза на посланца и запел песню о высокой луне, на четвереньках подбежал к бамбуковому плетню и съел собачий помет. Посланный вернулся и доложил, что Юань Кай действительно сумасшедший, и только после этого не стали больше проверять его.

Чжу Юаньчжан управлял страной жестокими методами и был глубоко уверен, что поступает правильно. Но он все же не позволил потомкам учиться по его образцам и в 5-м месяце 28-го года Хунью (1395 г.) написал:

«С того момента, когда я поднял войска, и до сего дня прошло сорок с лишним лет. Я сам управлял всеми делами Поднебесной и испытал все виды человеческих отношений — хорошие и дурные, истинные и ложные. Особенно грубо нарушали законы коварные и хитрые люди. Это ясно и не вызывает сомнений. Поэтому, кроме специальных распоряжений и законов, я усилил наказания, стремясь к тому, чтобы люди знали, чего следует бояться, и не осмеливались легко преступать законы. Но это меры особого периода власти, когда нужно было положить предел мошенничеству, а не законы, применяемые в течение долгого времени монархами, уже упрочившими власть. Впредь наследные правители, которые будут управлять Поднебесной, должны придерживаться только «Кодекса законов» и «Великих предостережений», ни в коем случае не должны применять такие наказания, как клеймение, отрезание ног, носа, осклопление. Подданные, осмелившиеся подавать доклады с просьбой применять эти наказания, по донесениям гражданских и военных чиновников, должны немедленно наказываться как за тяжелое преступление».

3. Литературные судебные процессы

В господствующем классе особо следует отметить борьбу части ученых из среды старых землевладельцев против сотрудничества с новой императорской династией и ее чиновниками. Они негодовали по поводу того, что мятежный бедный крестьянин стал императором и осуществлял управление, и потому категорически отказывались от сотрудничества с новой династией.

Эти ученые питали жгучую ненависть к императору Чжу, выходцу из «красных войск». Классическим примером могут служить конфуцианцы из Гуйси Ся Боци и его племянник, которые отрубили себе пальцы и поклялись не быть чиновниками. Их арестовали и доставили в столицу. Юаньчжан спросил их: «Где вы находились прежде, во время беспорядков?» Они ему ответили: «Во время мятежа красных бандитов мы укрывались на границе Фуцзяни и Цзянси». Юаньчжан страшно рассердился: «Я знаю о глубокой ненависти и злобе Боци, поскольку он полагает, что я получил Поднебесную не в соот-

ветствии с принципами Неба». И, обратившись прямо к Боци, сказал: «Когда ты, Боци, говорил о мятеже красных бандитов, то ты дал волю своему гневу. Ныне ты отрубил себе пальцы, чтобы не служить мне. Надо будет выставить твою отрубленную голову на шесте и приказывать конфисковать имущество семьи, чтобы все знали, как я буду поступать по отношению к подражающим тебе отчаянным глупцам». Он специально послал людей отвезти их закованными в колодки на прежнее место жительства и казнить. Были казнены также уроженцы Сучжоу Яо Жунь и Ван Мо, которые категорически отказались стать чиновниками новой династии, а имущество их семей было конфисковано.

Некоторые литераторы боялись суровых наказаний и тяжелых законов Юаньчжана, боялись, что по первому же капризу монарха они будут побиты и даже лишатся головы. Они всячески отказывались от приглашений на службу новой династии, но фактически не могли уклониться от этого, насильственно доставлялись в столицу, и все же отказывались становиться чиновниками. Например, уроженец Шаньиня в Чжэцзяне Ян Вэйчжэн по прозвищу Теань (Железная скала) во 2-м году Хуньу (1369 г.) был приглашен в столицу, но вежливо отказался и не поехал. В следующем году он все же был принужден местными чиновниками отправиться в дорогу. В сочиненной им «Балладе о пришедшей старухе» он писал, что, подобно тому как старая женщина-вдова не может снова выйти замуж и скоро умрет, так и он, если император не будет милосерден, вынужден будет утопиться в море. Юаньчжан, учитывая большую известность Ян Вэйчжэна, не стал принуждать его стать чиновником. Вэйчжэн жил в Нанкине несколько месяцев и постоянно просился домой. Сун Лянь в стихах говорил о нем: «Не принял указов владыки, в простой одежде появился и в простой одежде возвратился».

Было, кроме того, несколько литераторов, которые в свое время служили чиновниками при династии Юань и Восточной У, но решительно не хотели служить чиновниками при новой династии. Например, уйгурский поэт Дин Хэнянь и вся его родня служили династии Юань. Теперь же он уклонился от приглашений ко двору, на склоне лет стал изучать буддийские каноны и умер уже после смерти Юаньчжана. Чэнь Ляна из Чанлэ, считав-

шего себя конфуцианским ученым династии Юань, неоднократно приглашали в начале династии Мин ко двору, но он не ехал туда и до конца жизни не служил. Чжан Сянь из Шаньиня, изучавший поэзию у Ян Вэйчжэна и служивший в Восточном У в должности секретаря в Главном военном совете, после падения Восточного У изменил имя и фамилию и до смерти жил в ханчжоуском буддийском монастыре.

Вообще же в начале Мин, если не считать таких ученых из среды крупных землевладельцев, как Лю Цзи и некоторые другие, которые сразу же примкнули к Чжу Юаньчжану, остальные ученые из среды средних и мелких помещиков подразделялись на две группы. Одни, опираясь на поддержку новой династии и заняв при ней выгодное положение, так или иначе сотрудничали с ней, получив назначение на службу, принимались тут же за работу и стремились всеми силами обзавестись протекцией, добиться повышения в должности, обогатиться и тем самым улучшить общественное положение своей семьи и приобрести известность; такие люди составляли подавляющее большинство и были главной силой, на которую опиралась власть Чжу Юаньчжана. Они были главным источником пополнения чиновников для разного рода ведомств. Другие, напротив, затаили глубокую ненависть к «красным войскам» и, естественно, заняли непримиримую позицию в отношении новой династии и не желали сотрудничать с ней. Хотя эта группа была численно невелика, однако она все же имела соответствующее влияние в обществе.

В отношении не желающих сотрудничать с ним феодальных ученых Чжу Юаньчжан применял строгие наказания и даже установил специальный закон: «В пределах страны все являются подданными правителя, и если ученые люди в его владениях не служат ему, то таких надо казнить, а имущество их семей конфисковать». Наказанием ученых, которые не желали служить императору, была казнь.

Чжу Юаньчжан немедленно применял к ним особые законы, казни, вплоть до истребления всего рода, принуждая их поступать на службу чиновниками. Таким образом, открывался еще один аспект длительной и кровавой борьбы внутри господствующего класса.

Некоторые феодальные ученые были по разным при-

чинам недовольны правлением Чжу Юаньчжана, а тот тоже ненавидел этих людей, осмеливавшихся сопротивляться ему, и использовал все методы подавления их.

Он обращал особое внимание на соблюдение запретов тех иероглифов, употребление которых могло напомнить о его низком происхождении.

Эти запреты были многочисленны. Например, Чжу Юаньчжан в детстве жил очень бедно, был буддийским монахом; особая примета буддийского монаха — бритая голова; поэтому он запретил пользоваться иероглифами «гуан» («голый, блестящий») и «ту» («лысый, голый»), могущими напомнить о том, что и он был когда-то бритоголовым монахом. Иероглиф «сэн» («буддийский монах») очень колол ему глаза, даже иероглиф «шэн» («живой, ученик»), сходный по звучанию с «сэн» («монах»), также не нравился ему. Или еще: в юности он был воином в «красных войсках», а тогдашние правители Юань, помещики и чиновники устно и письменно именовали «красные войска» «хуан коу» («красный разбойник») или «хун цзэй» («красный бандит»). Чжу Юаньчжан сердился, даже читая иероглиф «цзэ» («правило, параграф»), похожий по форме и произношению на «цзэй».

Запреты на пользование некоторыми иероглифами показывают, что Чжу Юаньчжан не хотел, чтобы люди вспоминали о его низком происхождении. В то же время он кичился иногда своим происхождением из простого народа.

По обычаю все императоры и князья разных эпох, основывающие империи, выискивали какого-либо знаменитого человека древности той же фамилии и объявляли его своим предком. Отец и дед Чжу Юаньчжана были арендаторами, а предки по женской линии — знахарями, и те и другие в феодальном обществе считались простолюдинами и ничем не славились. Говорят, что когда он с образованными чиновниками обсуждал вопрос о родословной своей семьи, то хотел объявить своим предком знаменитого ученого сунской династии Чжу Си. Как раз в это время прибыл на аудиенцию архивариус из Сучжоу по фамилии Чжу, и Чжу Юаньчжан спросил: «Ты не потомок ли Чжу Вэньгуна?» Этот мелкий чиновник не понял тонкости вопроса и, боясь ложью навлечь беду, прямо сказал, что это не так. Юаньчжан подумал, что даже

мелкий чиновник, жалкий архивариус, и тот не может вопреки истине признать знаменитого человека своим предком. К тому же никто никогда не слышал, чтобы его хуйчжоуские предки из Чжу имели именитых родственников, и если бы он, паче чаяния, признал вопреки фактам его знатное происхождение, то есть сделал бы себя потомком именитого рода, то был бы осмеян знавшими правду людьми. Разве мог он так поступить? Осталось только отказаться от этой мысли и не делать себя потомком известного конфуцианца, но по примеру своего земляка — императора ханьского Гаоцзу просто подчеркивать, что, хотя он не знатного происхождения, все же возвысил свой род. Он частенько щеголял словами: «Я сам — простолюдин с правобережья Хуайхэ» или «простолюдин с левобережья Янцзы» вплоть до «мужик, возвысившийся от земли», «выходец из униженных». И таким образом, самоуничтожение сразу превращалось в самовозвеличивание и в сравнение себя с ханьским Гаоцзу. Ведь он, что называется, голыми руками, не имея и пяди земли, приобрел Поднебесную. Подчеркивая это постоянно, он в то же время запрещал говорить так о себе другим людям. А если кто так говорил, то считалось, что тот копается в происхождении императора, в итоге появлялось еще одно кровавое судебное дело.

Поздравительные письма, которые чиновники местных управлений, начальники областей и уездов, чиновники гарнизонов и их подразделений посылали на Новый год, в день рождения императора и по торжественным дням императорской семьи, согласно правилам, составлялись чиновниками — преподавателями школ. Эти письма сплошь были заполнены пышными фразами, хвалебными словами, и потому Чжу Юаньчжан очень любил читать их. По природе он не был человеком узкого кругозора, но он не мог разобраться в тонкостях стилистики. Он использовал большое число образованных людей из класса землевладельцев, которые выполняли для него различные дела, требующие знаний и образованности. После создания империи проекты ритуалов, дворцовых церемоний, система военных гарнизонов, система учета населения и т. д. были подготовлены ими. Чем дальше, тем больше он ценил образованных, считал, что нельзя управлять империей, не используя ученых. Последние добились большого влияния, и это вызывало недовольство представи-

телей хуайсийской группировки, добившихся высоких титулов на военном поприще. Они считали, что своей кровью добыли Поднебесную, а хозяйничают в ней не они, а книжники. Неоднократно они обращались с жалобами к императору, но он на все это не обращал внимания. У него был один ответ: когда в мире беспорядки, то используют военную силу, когда же мир упорядочен, то используют ученых чиновников; на лошади можно завоевать Поднебесную, но нельзя управлять с лошади Поднебесной; вообще нельзя управлять Поднебесной без помощи образованных людей.

Он с большим вниманием относился к докладам и прошениям подданных, но некоторые места в этих прошениях казались ему подозрительными; в самом деле, во многих местах встречались слова «монах», «бандит», «разбойник», словно с намерением обругать его; чем больше он проникался подозрениями, тем больше находил в писаниях слов со смыслом, обидным для него. Он все больше подозревал сочинителей в использовании скользких намеков относительно его персоны, подходил со своей меркой к их сочинениям и под наплывом гнева повелевал авторов этих сочинений арестовывать и казнить.

Приведем примеры некоторых литературных судебных дел. Учитель школы в Личжоу Мэн Цип составил от имени чиновников этой области «Доклад с поздравлениями по случаю зимнего солнцестояния», где была фраза: «шэн дэ цэо цэ» («совершенную добродетель сделал правилом»); Юаньчжан прочитал иероглиф «цэ» («правило») как «цэй» («бандит»). Помощник учителя областной школы в Чанчжоу Цзян Чжэнь от имени чиновников этой области написал «Доклад с поздравлениями по случаю первого дня Нового года», во фразе которого «жуй сип шэн чжи» («мудрость от природы порождает знание») иероглиф «шэн» был прочитан как «сэн» («буддийский монах»); помощник учителя областной школы в Хуайцине Люй Жуй от имени чиновников этой области написал «Доклад с благодарностью за пожалование лошадьми», в нем была фраза «яо чжань ди фэй» («издалека смотрим на императорские врата»), и «императорские врата» были прочитаны как «императорские преступления»; учитель уездной школы в Сяньфу Цзя Чжу от имени чиновников уезда написал «До-

клад с поздравлением по случаю первого дня Нового года», где во фразе «цуй фа сян вэй» («брат за образец и подражать Вэй») первые два иероглифа были прочитаны как «сбрить волосы»; помощник учителя в Бочжоу Линь Юнь от имени чиновников округа написал «Прощение с благодарностью за банкет, пожалованный в Восточном дворце», где во фразе «ши цзюнь фу и бан цзюэ лу» («следовать примеру владыки и отца для установления порядка в назначении титулов и жалованья») слова «следовать примеру владыки и отца» были прочитаны Юаньчжаном как «пусть пропадет владыка и отец», и он сказал, что это — проклятие в его адрес; учитель школы в уезде Юйши Сюй Юань составил «Доклад с поздравлениями и пожеланиями долголетия», в котором иероглифы «ти цянъ фа кунь, цзао ши тай пин» («следуя Небу и подражая Земле, сделал прекрасным великое спокойствие») были прочтены неправильно: «следуя Небу» стало «голой головой», а «сделал прекрасным великое спокойствие» — «давно потерял великую справедливость»; помощник учителя в области Дэань У Сянь от имени чиновников области написал «Доклад по случаю назначения великого наследника-внука», в котором была фраза «тянь ся ю дао, ван бай цин мэнь» («Поднебесная имеет принципы и с почтением взирает на голубые ворота»). Парные слова «имеет принципы» превратились в «имеет бандитов», а «голубые ворота» стали «буддийским храмом». Чжу Юаньчжан распорядился всех людей, составлявших эти доклады, казнить. Дошло до того, что помощник учителя окружной школы в Чэньчжоу за слова «шой юй цянъ цю» («долголетие на тысячу осеней») в составленном им от имени чиновников округа «Докладе с пожеланием долголетия», которые император не придумал, как переиначить, все же был казнен.

Учитель уездной школы в Сяншане Цзян Цзингао за ошибку в поздравительном письме был отправлен в столицу и там казнен. Учитель областной школы в Ханчжоу Сюй Икуй написал в поздравительном докладе: «Гуан тянь чжи ся, тянь шэн шэн жэнь, вэй ши цзо цзэ» («Под сверкающим небом Небо породило святого человека, и он для поколений создал правила»). Юаньчжан прочитал, сильно рассердился и сказал: «Шэн» («породило») — это «сэн» («буддийский монах»), он ругает меня за то, что я был буддийским монахом. «Гуан» («сверкающий») —

это значит «бритый», говорит, что я был бритоголовым монахом. «Цзэ» («правила») — это «цзэй» («бандит»), ругает меня за то, что я был разбойником». Чиновники министерства обрядов попросили императора издать образцы докладов, чтобы все знали, чего следует придерживаться. В 29-м году Хунъю (1396 г.) Юаньчжан специально повелел канцлеру Академии Ханьлинь Лю Санью и правому учителю этикета в левом директорате обучения Ван Цзюньхуа отобрать образцы докладов с поздравлениями, благодарностями за милость и распространить по всем учреждениям Поднебесной, чтобы впредь при поздравлениях и благодарностях следовали этим образцам. Копия с установленного образца доклада подписывалась заполнявшим бланк чиновником, только после этого ученые стали считать себя в безопасности.

Период преследования литераторов продолжался с 1384 по 1396 г., то есть тринадцать лет. Единственным счастливым, избежавшим казни литератором, оказался составитель бумаг в Академии Ханьлинь некий Чжан. Этот человек во время разговоров в Академии Ханьлинь высказал ошибочное мнение, был понижен в должности и назначен учителем окружной школы в Пучжоу в Шаньси. Он составил поздравительный доклад по всем правилам. Юаньчжан помнил его имя и, просматривая текст доклада, нашел в нем две фразы: «Тянь ся ю дао» и «вань шоу у цзян» («Поднебесная имеет принципы» и «долголетие на 10 тыс. лет не имеет пределов») — и с гневом сказал: «Этот старец еще и обзывает меня бандитом!» Послал людей привезти его для допроса и сказал: «Я отдаю тебя судебным органам, можешь еще что-то сказать?» Чжан ответил: «Скажу только одну фразу и потом умру без промедления. Вы, Государь, разве не говорили, что в докладах не разрешается выдумывать, а надо всегда выбирать из классических книг соответствующие выражения? «Поднебесная имеет принципы» — это сказано Конфуцием, а «долголетие на 10 тыс. лет не имеет пределов» взято из «Ши цзин», если говорят, что я клевету на Вас, то только таким образом». Юаньчжан был приперт его доводами и не мог сказать ни слова, думал полдня, только тогда сказал: «А этот старец веско умеет говорить, освободите и отпустите его». Все прислуживавшие чиновники тайком

говорили: «За несколько лет оказался прощенным только один этот человек!»

В 3-м году Хунью (1370 г.) Чжу Юаньчжан запретил простоядидам использовать в именах иероглифы, имеющие значения: «небо», «империя», «владыка», «сановник», «священный», «духи», — имена легендарных правителей древности: Яо, Шуня, Юя, Тана, Вэнь-вана — и названия древних империй: У-вана, Чжоу, Цинь, Хань, Цзинь и другие. В 26-м году (1393 г.) было издано уведомление, запрещавшее простому народу брать для имен иероглифы в сочетаниях: великий предок, внук свяченомудрого, внук дракона, желтый (то есть императорский) внук, княжеский внук, великий дядя, великий старший брат, великий наставник, великий опекун, великий охранник, принимающий указы, ученый великий врач, великий надзиратель, крупный чиновник, директор. Вместе с тем запретили издавна привычные народу названия, например врач («ишэн») разрешалось называть только «иши», «ижэнь», «ичжэ», не разрешались названия «великий врач», «ученый», «директор», парикмахеров разрешалось называть только «человек с гребенкой» или же «приводящий в порядок внешность человека», было запрещено название «принимающий указы», управляющих в семьях чиновников можно было называть только привратниками, не разрешалось название «великий надзиратель»; нарушители присуждались к тяжелым наказаниям.

Например, из числа помещиков-ученых был казнен учитель областной школы в Чучжоу Су Бохэ за поздравительное письмо с запрещенными иероглифами; главный министр Двора императорских жертвоприношений Чжан Юй был осужден и бросился в Янцзы; уполномоченный провинциального административного управления в Хэнане Сюй Би умер в тюрьме; Ван И был осужден на смерть по делу Вэй Гуаня; помощник редактора «Истории империи Юань», заместитель налогового уполномоченного в Шаньдуне Чжан Мэнцян, пачальник уезда Бое Фу Шу, помощник уполномоченного по надзору в Фуцзяни Се Су — все были осуждены на смерть. Избежали гибели: некогда редактировавший «Историю империи Юань» Чжан Сюань, сосланный в Хаочжоу, Ян Цзи, сосланный на тяжелые каторжные работы, У Сыдао, сосланный на принудительные работы в Динъюань, Янь Дэхуй и его

сын, сосланные в Хаолян после гибели Чжан Шичэна; можно сказать, что всем им повезло.

В начале эпохи Мин было четверо талантливых поэтов из У: Гао Ци, Ян Цзи, Чжан Юй и Сюй Би, — все они общались с Чжан Шичэном, а Ян Цзи и Сюй Би были даже его чиновниками. Все четверо в разное время были убиты или сосланы. Исключение составил только Чэнь Цзы из Линьхая, он участвовал в военных операциях на стороне Чжан Шичэна, а в начале Мин был приглашен редактировать «Историю империи Юань», но в 3-м году Хуньу (1370 г.) умер. Будучи в штабе Чжан Шичэна, в написанных тогда книгах он очень ругал Чжу Юаньчжана, и если бы не умер так рано, то не избежал бы казни.

Чжу Юаньчжан казнил несколько сот тысяч человек, в числе которых были гуны и хоу, крупные военачальники, канцлеры, крупные чиновники министерств и цензората, чиновники всех ведомств, мелкие служащие округов и уездов, цзиньши, ученики столичной школы, цзиньшэны, конфуцианские ученые, литераторы, ученые, буддийские и даосские монахи, богачи, помещики и другие. Он последовательно проводил курс «управлять империей жесткостью» и укреплял господство императорской династии рода Чжу.

Вместе с тем он решительно боролся против отстаивания местнических, земляческих интересов в политике, с давних пор имевшего место в китайском обществе. Он считал, что быть императором — значит править в интересах всей страны, а не какой-то одной местности, что используемые им люди также должны представлять интересы всей страны. Ли Шаньчан и Ху Вэйюн из западнохуайской группировки погибли, потому что придерживались узкогруппового взгляда, что только хуайцы могут держать власть в своих руках и быть крупными чиновниками. Именно потому, что он обладал более широким кругозором, чем ревнители местнических интересов, в 30-м году Хуньу (1397 г.) возникло дело об экзаменуемых с Севера и Юга. Обстоятельства его были таковы: главными экзаменаторами на столичных государственных экзаменах того года были назначены президент Академии Ханьлинь хунанец из Чалина Лю Саньу, учитель этикета Бо Синьдао и другие; когда было опубликовано уведомление о результатах экзаменов, то первым из по-

лучивших степень был назван Сун Цун, уроженец Тай-хэ в Цзянси, и во всем уведомлении не было ни одного северянина. Цзюйжэни оживленно обсуждали это и были недовольны тем, что на Севере якобы не оказалось ни одного человека, соответствующего экзаменационным требованиям. Донесли об этом императору, заявив, что главные экзаменаторы сами с Юга и потому благоволят южанам. Юаньчжан рассвирепел, приказал помощнику главного толкователя Чжан Синю и другим просмотреть все экзаменационные свитки, в них действительно не нашлось ни одного северянина. Юаньчжан пришел в ярость. Бао Синьдао и других экзаменаторов казнили. Лю Саньу, которому исполнилось уже 85 лет, по старости избавили от казни и сослали на каторгу на окраину империи; получивший первую степень Сун Цун тоже был сослан на каторгу. Юаньчжан лично предложил темы для повторного экзамена, после которого отобрали 61 человека, все они были с Севера.

Обстановка того периода была такова, что Север, испытав длительные войны, был разрушен, уступал Югу по уровню производства, а также по уровню развития образования и культуры. Экзаменационные свитки, согласно старым правилам, плотно запечатывались, и экзаменаторы не могли знать, кто из экзаменующихся южанин, а кто — северянин. Лю Саньу и другие основывались при отборе только на экзаменационных свитках, и когда они отобрали свитки, то оказалось, что все выдержавшие экзамен были южанами, следовательно, дело заключалось вовсе не в пристрастном подходе к Югу. После неоднократных протестов экзаменующихся с Севера Чжу Юаньчжан обратил на это дело пристальное внимание. Для того чтобы привлечь на свою сторону северных помещиков и ученых, он после повторного экзамена отдал все степени северянам и ни одной — южанам. Он исходил из интересов политики, из наличия большого единого государства, а не только из качества экзаменационных свитков.

Внутренние противоречия в господствующем классе проявлялись в форме местничества: между западнохуайской и нехуайскими группировками, между северянами и южанами шла ожесточенная борьба. Борьба между западнохуайцами и нехуайцами завершилась уничтожением западнохуайской группировки. Но противоречия между

южанами и северянами все еще продолжались. Позже, когда столица империи была перенесена на Север и императоры сами превратились в северян, хозяйничать при дворе все больше и больше стали северяне. И в течение двухсот лет после эры Хун'ю хозяйничали при дворе северяне, а южане отошли на задний план, те и другие исходили из необходимости защиты своих узкоместнических классовых интересов, они теснили друг друга и боролись между собой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Семейная жизнь

1. Много жен — много сыновей и внуков

Жена Юаньчжана, урожденная Ма, была приемной дочерью командующего «красными войсками» Го Цзысяна.

Имен родителей императрицы Ма никто не знал. В исторической литературе сообщается, что она после замужества звалась госпожой Ма, а после провозглашения мужа императором — императрицей Ма и что посмертным именем ее было Сяоцзы. Когда они поженились, мужу было двадцать пять и жене двадцать один год. По представлениям того времени, они считались перезрелыми женихом и невестой.

Ма никогда не училась и собой не была особенно хороша; в первый период она играла немалую роль в делах Чжу Юаньчжана благодаря тому, что была приемной дочерью командующего.

Когда однажды Цзысин, разбушевавшись, запер Юаньчжана в пустую комнату, не разрешив приносить ему еды, госпожа Ма украдкой принесла ему за пазухой горячие, только что из котла пампушки и обожгла грудь. Всегда она держала при себе сколько-нибудь печений и соленого мяса для мужа. Она, бывало, лучше сама будет голодной, но придумает что-нибудь, чтобы муж был сыт,

Во время форсирования Янцзы она охраняла Хэчжоу как наместница во главе членов семей офицеров и солдат. Когда коммуникационные линии через Янцзы были перерезаны юаньской армией и Хэчжоу оказался отрезанным, она воодушевляла офицеров и бойцов и успокаивала их семьи.

Некоторых грамотных людей в армии она просила обучать ее иероглифам и тайно переписывала иероглифы по образцам. Сделавшись императрицей, она требовала, чтобы фрейлины ежедневно читали ей книги. Она помнила рассказы о многих знаменитых женщинах из исторических сочинений. Юаньчжан, вспомнив, что ему надо сделать или как ему сделать что-то, записывал это на клочках бумаги, чтобы не забыть. К вечеру императрица Ма старательно сортировала их и, когда муж спрашивал, немедленно подбирала нужную записку. Юаньчжан постоянно говорил подчиненным чиновникам о мудрости и добродетелях императрицы.

Когда родной племянник Юаньчжана Чжу Вэньчжэн попал под подозрение и был обвинен, когда были казнены многие чиновники из его ставки и более чем пятидесяти подчиненным, составлявшим его свиту, были перерублены сухожилия ног, Юаньчжан, на глазах у них допросивший Вэньчжэна, хотел казнить и его. Тогда она стала всеми силами отговаривать его: «Если даже племянник возгордился и избаловался, все же надо помнить, что он отличился при захвате Тайпина, разгроме Чэнь Есяня и взятии Цзинина, а также при защите Хунду. К тому же он наш единственный кровный родственник. Пусть даже он и ошибся, надо все же принять во внимание его молодость. Пощадите его последний раз!» Вэньчжэн избежал казни и был брошен в тюрьму. Когда Ян Сянь донес, что начальник обороны Яньчжоу Вэньчжун совершает противозаконные поступки, Юаньчжан хотел немедленно отозвать последнего. Но императрица Ма считала, что когда так легко меняют начальника обороны, то это не выгодно с военной точки зрения, тем более что округ Яньчжоу граничит с противником. К тому же Вэньчжун всегда был осторожен и осмотрителен, и потому нельзя так легко доверять словам Ян Сяня.

Императрица Ма заболела и умерла в 8-ю луну 15-го года Хуньу (1382 г.) в возрасте пятидесяти одного года. Во время болезни она не захотела принимать

лекарств, боясь навлечь беду на врачей, которые были бы обвинены в ее смерти. Юаньчжан тяжело переживал ее смерть и больше ни одну из своих жен не возводил в императрицы.

Многоженство было одной из привилегий господствующего класса в феодальном обществе. У Юаньчжана было очень много жен. От них он имел 26 сыновей и 16 дочерей.

Среди императорских жен были корейки и монголки, бывшие жены Чэнь Юяна, а также принятые из дворца юаньского императора и отобранные среди населения.

Все императорские жены — монголки и корейки рожали детей. Предание говорит, что минский император Чэнцзу был рожден императорской женой — монголкой. Нет никакого сомнения в том, что в жилах сыновей и внуков Юаньчжана текла монгольская и корейская кровь.

Юаньчжан глубоко сожалел, что сам в молодости не имел возможности учиться. Поэтому он придавал большое значение образованию сыновей. Во дворце был специально оборудован зал, где были собраны разные картины и книги. Для обучения наследника престола и князей были вызваны и приглашены из всех провинций ко двору знаменитые конфуцианские ученые, которые поочередно проводили занятия с детьми. Из учителей и наставников самым знаменитым ученым был Сун Лянь, который в течение девятнадцати лет нес ответственность за воспитание наследника престола. Доктор Кун Кэжэнь был назначен преподавателем — хранителем книг у князей. Младшие братья и сыновья заслуженных чиновников по указу императора также учились вместе с князьями. Юаньчжан специально давал чиновникам — конфуцианским ученым инструкции по воспитанию своих сыновей: «Если у вас есть кусок чистого золота или кусок прекрасного драгоценного камня, то из них вы сможете сделать вещи лишь тогда, когда будет хороший золотых дел мастер или ювелир. Когда у человека есть хорошие сыновья и младшие братья, но он не ищет умных наставников для них, это разве не значит, что он не любит сыновей и младших братьев? Хорошие наставники и учителя послужили бы примером для них и, обучая их, вырастили бы таланты. Мои же дети будут

управлять государством и вершить дела, сыновья и младшие братья заслуженных чиновников также станут чиновниками и будут заниматься чиновничьими делами. Что касается методов обучения их, то важны правильные методы. Лишь бы дух был правильным, тогда учение пойдет на лад; если же методы неправильны, то получится неразбериха в обучении, а это крайне нежелательно. Вы должны обучать их наукам, а не запоминанию и декламированию фраз из сочинений классиков. От последнего нет никакой пользы!»

Так как в первый период правления династии Юань не назначались наследники престола и это вызывало многочисленные дворцовые перевороты, то Юаньчжан, будучи еще князем государства У, назначил наследником своего старшего сына Бяо, который стал затем наследником императорского престола. В связи с тем что в прежние эпохи чиновники дворца наследника престола образовывали свою «партию», придерживались своего мнения и даже противостояли двору императора, Чжу Юаньчжан приказал, чтобы важные придворные сановники по совместительству состояли чиновниками дворца наследника. Чжу Юаньчжан хотел во что бы то ни стало воспитать идеального наследника, способного императора второго поколения, который сохранил и укрепил бы власть династии Мин.

Когда в 4-ю луну 25-го года Хунью (1392 г.) заболел и умер наследник престола Бяо, Чжу Юаньчжан назначил его сына от первой жены Юаньвэня наследником-внуком. Он воспитывал наследника-внука теми же методами. Этот наследник просматривал доклады чиновников и выносил по ним решения, решал политические вопросы и учился, как вести себя, когда он станет императором.

Не считая старшего сына Чжу Юаньчжана, назначенного наследником престола, а также рано умерших девятого и двадцать шестого, все остальные его 23 сына были пожалованы титулами князей и имели свои уделы. Так как отец всегда обращал большое внимание на их домашнее воспитание, то все они выросли образованными и работоспособными людьми. После 26-го года Хунью (1393 г.), когда все старые заслуженные генералы, участвовавшие в создании династии, погибли от рук палачей, Чжу Юаньчжан передал в ведение второго сына —

Циньского князя, третьего сына — Цзиньского князя и четвертого сына — Яньского князя вопросы, относящиеся к военным действиям против монголов на северных границах. Остальные молодые князья также получили уделы на окраинах. Что касается успехов сыновей Чжу Юаньчжана в области литературы, то, например, его пятый сын, Чжоуский князь, сочинял стансы и оды. Им были написаны «Стансы из дворца Юаньгун» в ста главах. Кроме того, он изучал систематику растений, произвел отбор четырехсот с лишним видов их, изобразил их в альбоме с пояснениями и составил книгу «Корни и травы, помогающие при голоде», представляющую собой вклад в ботанику. Семнадцатый сын Чжу Юаньчжана, Нинский князь, написал несколько десятков исторических и литературных произведений, в том числе «Развернутые суждения о всеобщем зеркале», «Неофициальная история династий Хань и Тан», «Решения по вопросам истории», «Каталог сочинений», «Каталог стихотворений» и другие. Он также очень любил музыку и драму. Восьмой сын императора — Таньский князь, десятый — Луский князь, одиннадцатый — Шуский князь и шестнадцатый — Цинский князь были культурными людьми, любили науки и интересовались литературой. Двенадцатый сын императора, Сянский князь, был и образован и хороший воин. Он часто просиживал ночи над книгами; отличаясь большой физической силой, хорошо стрелял из лука, отлично владел саблей и боевой секирой и мчался на коне как стрела. У себя во владении он открыл дворец «Цзиньюаньгэ» («Главный светлый дворец»), где принимал приглашенных литераторов. Даже в военные походы он брал с собой много книг и читал их. Из сыновей Чжу Юаньчжана были и двое, не отличавшиеся добродетелями. Один из них, его тринадцатый сын, Дайский князь, наделал много глупостей в молодости; дожив до седых волос, он все еще бродил по городу со своими молодчиками, пряча гирию в рукаве, и убивал и калечил горожан. Последний сын императора — Иский князь, пожалованный уделом в Лояне, — любил пускать в ход дубинки и мечи. Вооружившись арбалетом и обоюдоострым мечом, он, сидя на коне, гнал людей за город. Кроме того, ему нравилось ради забавы сдирать одежду с мужчин и женщин из престоляродья и смотреть, как они мечутся нагишом.

Двор постоянно выплачивал содержание всем императорским родственникам. В 9-м году Хунъю (1376 г.) были установлены размеры годового содержания князей и принцесс. Принцу крови (цинъ-ван) выдавалось 50 тыс. даней риса, 25 тыс. гуаней ассигнациями, 40 кусков парчи, 300 кусков шелковых тканей, тонкой ткани по 100 кусков, 500 кусков тафты, полотна по 1 тыс. кусков, 2 тыс. лянов ваты, 200 инь соли, 1 тыс. цзинеи чая в год и фуража на 50 лошадей в месяц. Принцессе, получившей удел, жаловалась одна усадьба и ежегодно выдавалось 1500 даней зерна и 2 тыс. гуаней ассигнациями; князю области (цзюнь-ван) — 6 тыс. даней риса, а принцессе области (цзюнь-чжу) — 100 даней зерна в год. Далее нормы ежегодного содержания уменьшались в зависимости от титулов. Старшему сыну принца крови от первой жены по достижении десятилетнего возраста присваивался наследственный титул наследственного княжича (ваншицзы) и старшему внуку — титул наследника-внука (шисунь). Остальным сыновьям принца крови жаловался титул князя области (цзюнь-ван), который переходил по наследству к его старшему сыну от первой жены.

В 28-м году Хунъю (1395 г.) в связи с тем, что первоначальные нормы содержания оказались слишком большими, число родственников императора все увеличивалось, а финансы императорского двора не выдерживали расходов на содержание императорских родственников по этим нормам, было установлено, что отныне годовое содержание принца крови составляет 10 тыс. даней риса, князя области — 2 тыс. даней, генерала-усмирителя государства — 1 тыс. даней, принцессы вместе с императорским зятем — 2 тыс. даней, принцессы области — 800 даней. Хотя расходы на содержание императорских родственников и были уменьшены во много раз, но последних расплодилось много. Через сто лет число их достигало пятидесяти с лишним тысяч человек, а в 29-м году эры правления Цзяцзин минского императора Шицзуна (1550 г.) приблизилось к 100 тыс. По данным 11-го года Цзяцзин (1532 г.), на снабжение столицы в год расходовалось 4 млн. даней зерна, а на содержание княжеских резиденций — 8,53 млн. даней, что превышало расходы на снабжение столицы более чем в два раза. В последний период эры правления Хунъю, когда

годовые поступления зерна были наибольшими, расход риса на содержание княжеских резиденций составлял более четверти налоговых поступлений зерна по всей стране.

По закону многочисленные императорские родственники не имели права сдавать государственные экзамены и становиться чиновниками, им также не разрешалось заниматься сельским хозяйством, торговлей и ремеслами; они ничего не делали, сидели на народных хлебах и были паразитами, которые не работают, но едят. Принцы крови и областные князья, занимавшие высокое положение, совершали много злодеяний и преступлений на местах; они не только терзали народ, но также притесняли и чиновников. Некоторые дальние императорские родственники, занимавшие низкое положение, оставаясь без средств к существованию, обманывали и шантажировали простой народ и совершали преступления. К тому же их стало слишком много, и императорский двор не мог позаботиться обо всех. Только к концу эпохи Мин был снят запрет для императорских родственников на экзамены с целью стать чиновниками. Они теперь могли сдавать государственные экзамены и становиться чиновниками, но вскоре после снятия этого запрета власть минской династии была свергнута.

2. Принципы и жизнь

Находясь в окружении ученых-конфуцианцев, Чжу Юаньчжан усиленно учился у них и часто обсуждал с ними древние и современные события, принимая себе на вооружение опыт и уроки прошлого, как компас в управлении армией и решении политических вопросов.

В результате этой учебы, продолжавшейся в течение многих лет, Юаньчжан не только изучил некоторые конфуцианские каноны, но и сам стал писать стихи, рифмованные прозаические сочинения и мог оценить достоинства и недостатки литературных произведений. До провозглашения императором, как только выпадало свободное время, он садился рядом с учеными-конфуцианцами и слагал стихи вместе с ними. Сделавшись императором, он стал еще больше заниматься сочинительством. Он писал на общедоступном разговорном языке,

придерживаясь того мнения, что сочинения должны быть написаны просто и ясно.

Чжу Юаньчжан особенно любил исторические сочинения. Он постоянно читал «Историю династии Ранняя Хань» (206 г. до н. э. — 7 г. н. э.) и «Историю династии Сун» (960—1279 гг.). В 11-ю луну 1-го года У (1367 г.), обсуждая события истории с чиновниками свиты, он сказал: «Ханьский император Гаоцзу (206—194 гг. до н. э.) сравнивает деятельность военных с преследованием хитрого зайца, обнаружением следа зайца. Хотя аллегория здесь эффектна, но смысл ее неглубок. По-моему, закладывать фундамент и начинать дело создания государства — это все равно что строить большой дом. Для того чтобы срубить лес, срезать листья и ветви с деревьев, обтесать и остругать бревна, надо использовать военных чиновников, а чтобы построить, расписать и украсить дом, тут не обойтись без гражданских. Если использовать гражданских и не использовать военных, то, не говоря уже о возведении стен, нельзя заложить даже фундамент. Если использовать военных и не использовать гражданских, то будет как бы только пустой сруб — грубо отесанный, непобеленный и нераскрашенный; будет ни то ни се. Неправильно, когда допускается односторонность. Не испортите дело лишь в том случае, если гражданские и военные будут помогать друг другу». Прочитав в «Истории династии Сун» о том, что сунский император Тайцзун (976—997 гг.) переименовал Фэнчжуанское хранилище в дворцовое хранилище, он стал осуждать сунского Тайцзуна: «Тайцзун считается мудрым государем династии Сун, а видно, что он все же был таким мелочным». Еще в 6-ю луну 11-го года Лунфэн (1365 г.) Чжу Юаньчжан назначил ученых-конфуцианцев Тэн Ни и Ян Сюньвэня императорскими хронистами (ци цзюйчжу) и приказал им собрать сведения о преступлениях таких безнравственных древних государей, как Цзе из династии Ся¹, Чжоу из династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.), Шихуан из династии Цинь (246—207 гг. до н. э.) и Янди из династии Суй (589—519 гг. до н. э.). Он сказал: «Я интересуюсь ими, потому что хочу узнать причины помутнения и потери рассудка у них и тем самым предостеречь себя». Он изучал исто-

¹ Легендарная эпоха в истории Китая.

рию с целью вобрать в себя опыт успехов и неудач древних и положить его в основу своей деятельности.

Чжу Юаньчжан также изучал конфуцианскую классическую литературу. Он читал «Чуньцю» («Весны и осени») ¹, и «Цзочжуань» («Комментарий Цзо») ², и «Хун-фань» («Великий закон») ³, и «Цзю-чоу» («Девять принципов управления») ⁴ с комментарием Чэнь Наньбиня. Читая «Цай ши шу чжуань» («Комментарий господина Цая на «Шу цзин») ⁵, Чжу Юаньчжан обнаружил, что в нем толкование отличается от комментария Чжуцзы ⁶, и, специально вызвав к себе конфуцианских ученых, приказал им исправлять комментарий. Он написал книгу «Императорский комментарий к «Хун-фань», в которой было использовано много интерпретаций Чэнь Наньбиня.

Бывший послушник буддийского монастыря, Чжу Юаньчжан, став императором, естественно, исповедовал буддизм. Он вызывал к себе в столицу ревностно соблюдающих монашеский обет, высоко нравственных известных монахов и на горе Цзяпшань в Нанкине устраивал большие богослужения, где вместе со своими чиновниками молился и отвешивал земные поклоны. Монахам, которые приходились ему по душе, он жаловал позолоченные накидки и черные шелковые рясы, вызывал во внутренние покои дворца, усаживал их там и беседовал с ними. У Инь, Хуа Кэцин и некоторые другие буддийские монахи вернулись в мир и сделались крупными чиновниками. Юаньчжан считал, что буддийским монахам, порвавшим с мирской суетой, можно верить свои сокровенные мысли; он пользовался ими как своими агентами, заставляя следить за поведением чиновников и доносить ему тайно о замеченных преступлениях. Опираясь на свои «заслуги» по части доносов и разоблачений, монахи ходатайствовали перед императором о том,

¹ История княжества Лу (VII—IV вв. до н. э.).

² Как принято считать, комментарий Цзо Цюмина на «Чуньцю».

³ Глава конфуцианского канона «Шу цзин» («Книга истории»).

⁴ Положения, приписываемые древнему мифическому правителю Китая и изложенные в главе «"Великий закон" "Шу цзина"».

⁵ Комментарий писателя эпохи Южная Сун (1126—1279 гг.) Цай Шэня на «Шу цзин».

⁶ Чжуцзы (Чжу Си) — выдающийся конфуцианский ученый, основатель школы неоконфуцианства. Жил в 1130—1200 гг.

чтобы он учредил специальное управление, ведающее буддийскими монахами, назначил бы туда левого и правого воспитателей мирян, левого и правого толкователей учения, левого и правого проповедников сутр, просветителей и других чиновников и повысил бы их ранги.

Юаньчжан постоянно читал каноническую книгу даосской религии «Дао-дэ-цзин» и написал сочинение из двух глав «Юйчжу дао-дэ-цзин» («Дао-дэ-цзин» с императорским комментарием). Что касается его взгляда на «Дао-дэ-цзин», то он считал, что «эта книга есть высший учитель для правителей и ценнейшее сокровище для чиновников и народа, а не изложение искусства приготовления пилюли бессмертия из золота и киновари», то есть рассматривал ее как классическое сочинение по теории управления. В написанном им предисловии к «Дао-дэ-цзину» он говорит: «Вступив на трон, я еще не знал принципов управления и философии прежних эпох; будучи в неуверенности дни и ночи, я спрашивал у людей о принципах управления, но все они еще не постигли прежних мудрецов. Однажды, взявшись рассматривать книги, среди них обнаружил сочинение «Дао-дэ-цзин» и прочитал в этом каноне: «Народ не боится смерти. Зачем пугать его смертью?» В то время Поднебесная была только что умиротворена, народ был упрям и чиновники порочны; если даже утром и казнили десять человек на базарной площади, к вечеру еще сто совершали преступления. Это как раз соответствовало тому, что было сказано в книге, и тогда мы отменили крайнюю меру наказания и стали сажать преступников в тюрьму и отправлять на принудительные работы». Из этого видно, что практика отправки провинившихся чиновников в порядке наказания на работы в военно-земледельческие поселения в районы рек Хуайхэ и Сыхэ имеет касательство к «Дао-дэ-цзину».

Юаньчжан, выросший на селе, проживший жизнь, полную лишений, и хорошо познавший материальные трудности, жил сравнительно просто и после вступления на трон, ценил бережливость и не любил вино. Когда в 12-м году Лунфэн (1366 г.) было предпринято строительство дворца и распорядители работ изготовили макет его, Юаньчжан выбросил все те части, где требовались резьба по дереву и полировка. По окончании работ дворец выглядел просто, был лишен украшений и расписан

лишь броскими картинками на сюжеты исторических событий и на сочинение сунского ученого-конфуцианца «Расширенный смысл «Великого учения». Когда какой-то чиновник, подлаживаясь к Юаньчжану, сообщил ему, что в таком-то месте добывается очень красивый камень, из которого можно сделать пол во дворце, он разбранил этого чиновника. Все детали экипажей и одежды императора, которые должны были быть золотыми, изготавливались из бронзы. Когда астрономическая академия преподнесла Юаньчжану автоматические дворцовые водяные часы, на изготовление которых юаньский император Шуньди употребил всю свою смекалку, он сказал: «Он не интересовался делами управления, а занимался только этой чепухой, что называется, губил полезное с помощью бесполезного». Он не только сам был бережлив, но и требовал того же от других. Однажды он увидел, как какой-то дворцовый слуга идет в дождь в новых башмаках, а другой — оруженосец из свиты — щеголяет в новом халате стоимостью в 500 гуаней, и отругал их обоих.

Принцип простоты, которого Юаньчжан придерживался в жизни, он применял и во внешних сношениях. Напутствуя в 12-м году Лунфэн (1366 г.) политического советника Цай Чжэ, специально указывал ему: «Приехавшие к нам послы Шу наговорили очень много красивых и пустых слов и хвастались своей большой страной, а добились того, что я не поверил им. Ни в коем случае не будь таким, как они; есть вопросы — ставь их и, что нужно, говори прямо». Он также не интересовался различными добрыми приметами и счастливыми предзнаменованиями. Когда во 2-м году Хуньу (1369 г.) преподнесли ему стебли пшеницы с тремя и пятью колосьями, являющиеся счастливыми предзнаменованиями, и чиновники стали поздравлять его, он сказал: «Став императором, я хочу только усовершенствоваться и добиться великого спокойствия в стране. Если стужа и тепло будут приходить кстати, то это и будет счастливым предзнаменованием для государства, но я не считаю что-то другое счастливой приметой. Хорошие приметы и счастливые предзнаменования не могут быть опорой, но нельзя не остерегаться необычных стихийных бедствий». Тут же он приказал, чтобы отныне местные чиновники немедленно докладывали ему о всех необычных стихий-

ных бедствиях, независимо от того, малые они или большие.

Юаньчжан сам строго соблюдал законы и неукоснительно следил за исполнением отданных ранее приказов. Когда в конце годов правления Хунъу старший офицер, императорский зять Ян Лунь, выехав в посольство, взял с собой контрабандный чай с целью спекуляции, Юаньчжан, согласно закону, казнил его, несмотря на то что тот был мужем его родной дочери.

3. Всю жизнь в труде

Чжу Юаньчжан отдавал все силы и все свое время управлению делами империи Мин, созданной им собственными руками.

Он стремился к тому, чтобы самому лично решать все крупные и мелкие дела по управлению империей. Если бы он передавал их на рассмотрение другим, то, конечно, можно было бы сэкономить силы и время. Но во-первых, в этом случае он не был бы спокоен; он не только боялся, что другие не приложат таких усилий, как сам, но и опасался, что они начнут совершать злоупотребления из личных соображений. Во-вторых — что более важно, — если бы он поручил кому-то часть дел, то тем самым его большая власть была бы постепенно утрачена, а этот человек хотел сосредоточить в своих руках всю власть — не только большую, но и малую. Поэтому он вставал до рассвета, садился за стол, просматривал бумаги и делал распоряжения до глубокой ночи; он не отдыхал и никогда не старался перемежать работу развлечениями. Во всех случаях, когда решались вопросы по управлению страной и когда чиновники обращались к императору с предложениями и сообщениями, по существовавшему обычаю пускались в ход письменные документы: доклады императору, докладные записки и т. д. Он усиленно занимался делами целыми днями, из месяца в месяц, из года в год. Иногда это, конечно, и надоедало ему. Особенно досаждали ему те бумаги, авторы которых стремились показать свою эрудицию. Напишет такой чиновник длинно-предлинно, но еще не затрагивает сути своего предложения; напишет всякой всячины, а еще неизвестно, о чем он хочет доложить;

Юаньчжан, бывало, читает такой документ полдня, но еще не имеет представления, в чем суть, и это, конечно, раздражало и злило его. В 9-м году Хунъю (1376 г.) заведующий делами министерства юстиции Жю Тайсу представил императору пространный доклад; после того как Юаньчжану было прочитано 6370 слов, он еще не уловил, что же автор предлагает конкретно, — все это были одни пустые слова; Юаньчжан вышел из себя и, вызвав Тайсу, поколотил его. Когда на второй день вечером он вызвал чтеца еще раз зачитать ему доклад, то только после прочтения 16 500 слов оказалось, что здесь автор касается своей основной темы и предлагает пять пунктов, из которых можно было принять и осуществить четыре, и Юаньчжан тут же приказал соответствующим отделам осуществить их. Одновременно он указал, что по этим пяти вопросам можно было бы ясно высказаться в пятистах с лишним словах. В назидание всем подданным он лично написал и опубликовал сочинение в связи с рассмотрением этих пяти пунктов и установил форму докладных записок чиновников. В этом тексте говорится: «Если у чиновников и народа есть что сказать нам, то разрешается им излагать факты и не дозволяется многословие. Если кто нарушит форму, то взыскивать с того!»

После этого в докладных записках на имя императора стали излагать лишь факты. Юаньчжан при чтении бумаг сэкономил немало сил и времени, и эффективность его труда повысилась. Дел стало еще больше после того, как было упразднено центральное правительство и все шесть министерств, канцелярии и палаты стали нести ответственность непосредственно перед императором. Например, за 8 дней с 14-го по 21-й день 9-й луны 17-го года Хунъю (с 29 сентября по 6 октября 1384 г.) поступило от столичных и периферийных управлений 1660 докладов и докладных записок по 3391 вопросу. Юаньчжану надо было знакомиться в среднем с 200 бумагами и принимать решения более чем по 400 вопросам в день.

К пятидесяти годам он уже изнемогал от чрезмерного напряжения и усталости. К этому времени у него уже сдавало сердце, часто поднималась температура. Он любил предаваться мечтам и видел кошмарные сны. Его охватывало чувство то радости, то гнева, причем в ярости он терял обычное самообладание.

Юаньчжан считал, что не возникнут споры в среде императорской семьи вокруг наследования престола и не начнутся дворцовые перевороты только в том случае, если будут установлены строгие правила престолонаследия. Наилучшим способом достижения этой цели была система, по которой наследовал старший сын от законной жены. После назначения наследника престола, для того чтобы заставить всех остальных князей довольствоваться своей участью, защищать и поддерживать родоначальников, Юаньчжан в 5-м году Хунъю (1372 г.) приказал чиновникам собрать сведения о добрых и преступных делах князей, начиная с династий Хань и Тан, и составить книгу под названием «Описание ясных зеркал», которая была разослана всем князьям для воспитания рода. После назначения им наследника-внука также была написана книга — «Описание вечных зеркал». В 28-м году (1395 г.) Юаньчжан опубликовал сочинение «Поучения родоначальника августейшей династии Мин» и в нем подробно классифицировал все поступки, которые должны или не должны совершать императоры, князья и министры. В нем между прочим говорилось, что если кто из последующих поколений захочет изменить поучения родоначальника династии, то тот подлежит суду за измену и подвергается казни. Он хотел таким образом заставить всех будущих князей и крупных сановников верно служить будущему императору, главе рода из династии семейства Чжу.

Но Юаньчжан потерпел фиаско. Его сочинение не возымело никакого действия. Когда наследник-внук вскоре после вступления на трон принял различные меры, чтобы ликвидировать права других князей, развернулась борьба между императорским правительством и князьями. Четвертый сын Юаньчжана, Яньский князь Ди, ссылаясь на поручения родоначальника династии, выступил на юг во главе армии якобы для ликвидации кризиса в стране. В 4-м году Цзяньвэнь (1402 г.) он занял Нанкин и провозгласил себя императором. Это был минский император Чэнцзу. К этому времени не прошло и пяти лет после смерти старого императора.

В 31-м году Хунъю (1398 г.) Юаньчжану исполнился семьдесят один год. В 5-ю луну (1398 г.) он слег, пролежал тридцать дней и тихо умер. Он был похоронен за городскими стенами Нанкина под горой Чжуншань

в могиле, называемой Сяолин. Его посмертным титулом было Гао-хуанди и храмовым именем Тайцзу.

Если сравнивать Чжу Юаньчжана с феодальными правителями всех исторических эпох, то он представлял собой выдающуюся личность. Его заслуги заключаются в том, что, объединив всю страну и покончив с хаосом двадцатилетних войн конца эпохи Юань, он дал возможность народу жить мирной и стабильной жизнью, сделал некоторые уступки крестьянству, в большой мере стимулировал сельскохозяйственное производство: восстанавливал ирригационные сооружения, поощрял выращивание хлопка, шелковицы и фруктовых деревьев, в северных районах с большим запасом земель и малочисленным населением разрешил крестьянам поднимать целину и вести собственное хозяйство, намного увеличил число крестьян-собственников. Освободив рабов, которые в большом числе находились во владении юаньской знати и бюрократии, он улучшил их плачевное положение и увеличил количество рабочей силы, занятой в сельскохозяйственном производстве. Он в больших масштабах произвел обмер земель, составил карты и книги на эти земли и соответственно несколько уменьшил неравномерность распределения налогового бремени. Он покровительствовал торговле и отменил налоги на книги и сельскохозяйственный инвентарь. Определяя внешнюю политику империи, он воспринял опыт внешних войн династии Юань и обобщил его в том плане, что необходимо отражать иностранные вторжения и в то же время не позволять себе нападать на чужие страны. Сурово наказывая взяточников и казнокрадов, он стремился улучшить дурные политические нравы, сложившиеся в последний период существования династии Юань. Он изменил систему использования трудовых повинностей ремесленников, существовавшую при династии Юань, в результате чего ремесленники, постоянно работающие в столице или обязанные периодически прибывать туда на срок, теперь могли большую часть времени свободно заниматься своим ремеслом; он не верил амулетам и приметам в противоположность некоторым другим императорам, не стремился достичь вечной жизни, соблюдал умеренность и бережливость и не творил глупостей; ограничив численность буддийских и даосских монахов, он уменьшил число бездельников, которые не работают, но едят, и

этим способствовал увеличению рабочей силы в сельскохозяйственном, и ремесленном производстве. Все эти меры благоприятствовали развитию сельского хозяйства и стабильности в ранний период правления династии Мин и должны быть оценены положительно.

Но у него было и много недостатков. Прежде всего, надо отметить, что, будучи сначала одним из вождей крестьянского восстания, ставившего своей целью свержение объединенной власти монгольских и китайских помещиков, он принял к себе и реорганизовал много помещичьих войск во главе с офицерами-помещиками; примкнули к нему многочисленные представители помещичьего класса — ученые-конфуцианцы; он унаследовал монархическую систему власти, существовавшую при династии Юань; традиционные силы старого общества привели его к тому, что он, постепенно переродившись, из борца против власти помещичьего класса превратился в главу этого класса, защитника его интересов и сам стал подавлять крестьянские восстания.

Далее. Он управлял страной как тиран и деспот, пользовался услугами органов тайной полиции, фабриковал многочисленные кровавые судебные процессы, применял варварские и жестокие наказания и истребил большое число людей, дойдя до того, что «не различал, мудры эти люди или нет, и не разбирался, добры они или злы». Многие выдающиеся полководцы и литераторы были варварски истреблены без всякой причины. Стража в парчовых халатах играла зловещую роль в течение всего периода правления Мин.

Как видно из сказанного выше, у Чжу Юаньчжана было много заслуг и много недостатков. Если сравнить те и другие, то окажется, что у него все же заслуги перевешивают преступления. Его деятельность дала толчок развитию общественного производства и прогрессу общества, поэтому он представляет собой историческую личность, которая должна быть оценена положительно.

Кроме того, он был и превосходным полководцем. Его военный талант выковался в практике боев. Из его войн наиболее выдающихся было две. Первой была война против Чэнь Юляна и Чжан Шичэна. Воюя сперва против Чэнь Юляна, а затем против Чжан Шичэна, он избежал опасности ведения войны на два фронта, разгромив их поодиночке. Второй его войной был Северный поход. За-

хватив сперва Шаньдун, Хэнань и Шэньси, он тем самым срезал сначала «ветви и листья», а затем ударил прямо по столице Даду, которая была взята без боя. Он вписал блестящую страницу в историю военного искусства.

Его военный опыт можно обобщить в виде нескольких практических выводов. Во-первых, у него в армии была сравнительно строгая военная дисциплина. Во-вторых, у него была база, где в изобилии производилось зерно. В-третьих, взяв курс на создание военно-земледельческих поселений, он обеспечивал армию провиантом. В-четвертых, он изучал противника, хорошо проводил разведывательную работу, так что знал свои силы и знал силы противника. Поэтому он мог всегда побеждать, закреплять и развивать эти победы. Это объясняет, почему он добился успеха.

КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

- Архаты* — буддисты, достигшие низшей степени святости, буддийские святые низшего ранга.
- Ба* — название древнекитайского государства, существовавшего на территории современной провинции Сычуань. Позднее употреблялось в переносном смысле как наименование географического района, на территории которого существовало это государство.
- Байхуа* — китайское название одного из средневековых государств Юго-Восточной Азии.
- Белый лотос* — священный цветок буддийской религии, символ чистоты и непорочности, служит треном для буддийских святых.
- Белого лотоса секта (Байлянцзяо)* — название буддийской еретической секты, руководители которой неоднократно поднимали народные восстания в Китае, в том числе восстание «красных войск». Секта вела свое происхождение от буддийского религиозного общества Лянцзун (Школа лотоса) или Цзингуцзун (Школа чистой земли), возникшего в Китае в начале V в. В XII в. стала называться Учением Белого лотоса. К XV в. с ней слились буддийская еретическая секта Милэцзяо (Учение Майтрейи) и секта манихейского толка Минцзяо (Учение Света). Секта не имела единой организации и единого руководства. В описываемое в книге время в ней различались северная ветвь, самостоятельно действовавшая в районе нижнего течения Хуанхэ, и южная ветвь, самостоятельно действовавшая в районе среднего и нижнего течения Янцзы и к югу от этой реки.
- Бо* — титул на ступень ниже титула хоу, обычно переводится на западноевропейские языки титулом граф.
- Бог огня* — божество буддийской религии.
- Бодисатва* — святой буддийской религии, достигший высшей степени святости, отказавшийся от пребывания в вечном блаженстве (нирване) и сохраняющий свой телесный облик ради того, чтобы служить посредником между Буддой и людьми с целью помочь последним достичь совершенства.
- Бони* — китайское название одного из средневековых государств Юго-Восточной Азии.
- Будда* — достигший высшей степени святости и пребывающий в

вечном блаженстве (нирване) святой буддийской религии; в последней насчитывается около тысячи будд.

Будда Амигбха — святой буддийской религии, обитающий в Раю западной чистой земли.

Будда Такагака — изображение буддийского святого при его телесной жизни, то есть до того, как он достиг высшей ступени святости и погрузился в вечное блаженство.

Будда Шакьямуни (Святой из рода Шакья) — монашеское имя основателя буддийской религии индуса Сиддхатхи Гаутамы, который по преданию происходил из царского рода и жил в 623—544 гг. до н. э. или на 60 лет позднее.

Буддизм — одна из наиболее распространенных в Индии, Китае и некоторых других странах Востока религий. Зародилась в Индии в VI в. до н. э., со II в. н. э. получила распространение в Китае.

Ван — титул, соответствующий древнерусскому титулу князь и западноевропейскому король.

Варвары — так китайцы презрительно именовали народы, жившие за пределами Китая.

Варвары четырех морей — то же самое.

Великий дух Земли — одно из высших божеств конфуцианской религии.

Верховный владыка — высшее божество конфуцианской религии.

Военно-земледельческие поселения — военные поселения, солдаты которых в мирное время занимались хлебопашеством, сдавая определенную часть урожая в казну. Система военно-земледельческих поселений, имевшая цель облегчить обеспечение армии продовольствием, сложилась в Китае в древности и практиковалась вплоть до начала XX в., особенно в отдаленных районах. Ее широко применял и главный герой книги Чжу Юаньчжан.

Вэнь — мелкая медная монета.

Вэнь-ван (Просвещенный князь) — посмертный титул отца-основателя династии Чжоу. Жил в XII—XI вв. до н. э., был вождем племени чжоу. В китайской исторической традиции считается великим мудрецом и идеалом добродетельного правителя.

Вэньцзун — 1) император династии Тан, правил в 827—840 гг., 2) император династии Юань, правил в 1330—1332 гг.

Гаоцзу (Высокий предок) — посмертное имя основателя китайской императорской династии Хань Любана. Правил в 206—193 гг. до н. э.

Гуань — связка медных монет (китайские медные монеты посредиче имели отверстие).

Гун — титул на ступень ниже титула ван (князь), обычно переводится на западноевропейские языки титулом герцог.

- Даду** — наименование Пекина в период правления монгольской династии Юань. Был столицей Юаньской империи.
- Дадэ** — название годов правления императора Юаньской династии Чэнцзуна (Тэмур), соответствует 1295—1307 гг.
- Дань** — 1) мера веса, равная 59,6 кг, 2) мера объема, равная 103,5 л.
- Даодэцзин (Книга о дао и дэ)** — даосская философская каноническая книга.
- Даосизм** — 1) одна из наиболее распространенных в Китае религий; 2) философское учение в старом Китае, возникло в древности.
- Дин** — монетная единица, равная 50 лямам (1865 г.) серебра.
- Добровольцы** — одно из названий членов помещичьих дружин.
- Доу** — мера объема, равная 10,3 л.
- «Желтые книги»** — реестры налогоплательщиков в период правления династии Мин, были введены Чжу Юаньчжаном, назывались так по цвету обложки.
- Жэньцзун** — 1) император династии Сун, правил в 1023—1063 гг., 2) император династии Юань, правил в 1312—1320 гг., 3) император династии Мин, правил в 1425 г.
- Ибин (добровольцы)** — отряды помещичьего ополчения.
- Интянь** — одно из названий Нанкина в средние века.
- Инь** — 1) в китайской натурфилософии — темное, женское начало в природе, противоположное светлому, мужскому началу (ян); 2) название древнейшей китайской династии и древнейшего китайского государства, существовавшего в XIV—XI вв. до н. э. в районе среднего течения Хуанхэ (Северный Китай).
- Каган** — монгольский правитель, хан, император монгольской династии Юань.
- Князь Света (Мин-ван)** — высшее божество еретической секты Минцзяо, явление которого в мир означает наступление царства благоденствия на земле.
- Конфуцианство** — 1) созданное Конфуцием этико-политическое учение, которое в течение многих столетий было основой идеологии господствующего класса в Китае и освящало существующие порядки. Согласно этому учению, общественные отношения должны основываться на строгом соблюдении иерархии: младшие должны чтить старших, дети — родителей, подданные — государя и т. д.; 2) одна из наиболее распространенных в Китае религий, в основе которой лежат древнекитайские культы предков, Неба и Земли. Конфуций в этой религии причислен к лику святых.
- Конфуций** — древнекитайский мыслитель, создатель этико-политического учения — конфуцианства. Жил в 551—479 гг. до н. э.
- Курилтай** — съезд представителей монгольской знати, избиравший нового императора (хана) после смерти старого.

Ланчжун — старший секретарь.

Левый министр — главный министр (левая сторона в Китае считалась главной).

Легисты — школа законников в древнем Китае, ратовавшая за централизованное государство, строгие законы и неукоснительное их соблюдение.

Ли — мера длины, равная 576 м.

Лунфэн — название годов правления императора повстанческой династии Сун Сяо Мин-вана (Хань Линьэра), соответствует 1355—1367 гг.

Лян — серебряная монета (37,3 г).

Лянгуан (Два Гуана) — общее название провинций Гуандун и Гуанси.

Лянчжэ (Два Чжэ) — общее название провинций Чжэдун (Восточный Чжэцзян) и Чжэси (Западный Чжэцзян) во времена династии Юань.

Ляодун — старокитайское название Южной Маньчжурии.

Майтрейя (Милэ) — будда грядущего, с появлением которого члены секты Белого лотоса (Байлянцзяо) связывали наступление эры всеобщего благоденствия.

Мани — основатель манихейской религии, жил в 216—277 гг.

Манихейство — древнеперсидская синкретическая религия, впитавшая в себя элементы зороастризма, христианства и буддизма.

Мин-ван — см. князь Света.

Минцзяо (Учение Света) — еретическая секта манихейского толка. Возникла в Китае в конце VII в. К XIV в. слилась с сектой Белого лотоса. Согласно верованиям Минцзяо, в мире происходит борьба света, олицетворяющего силы добра, счастья и справедливости, с тьмой, олицетворяющей силы зла. В конечном итоге свет должен победить тьму, и тогда наступит эра всеобщего счастья и благоденствия.

Миньбин («народная армия») — одно из названий помещичьих дружин.

Монгольские рабы — так китайцы презрительно именовали монголов.

Му — мера площади, равная 0,061 га.

Мэнцзы — видный китайский мыслитель-конфуцианец, жил в 372—289 гг. до н. э.

Небесный мандат — по конфуцианским представлениям каждый из правителей Китая правит по мандату, ниспосланному ему высшим божеством — Небом (Верховным владыкой). Если в стране возникают смуты и волнения, это означает, что правитель прогневил Небо и становится недостойным небесного мандата. Если же правителя свергали, то это означало, что он утратил небесный мандат на управление страной.

- Орда* — военно-административная единица у монголов, становище.
- Паньхэн* — китайское название одного из средневековых государств Юго-Восточной Азии.
- Парные четверки и параллельные шестерки* — литературный стиль в средневековом Китае, при котором фраза должна была состоять из того или иного одинакового количества иероглифов.
- Перевоплощения* — по буддийским верованиям душа человека после его смерти должна пройти определенное количество перевоплощений в других людей, в другие живые существа или предметы, прежде чем она обретет вечное блаженство или ад.
- Пинчжан* — офицерское звание.
- Поднебесная* — так китайцы нередко называли свою страну.
- Постриг* — церемония посвящения в монахи.
- Пятикнижие* — собрание древних конфуцианских канонических книг, в него входят: «Книга перемен» («И цзин»), «Книга истории» («Шу цзин»), «Книга песен» («Ши цзин»), «Трактат о правилах поведения» («Ли цзи») и «Историческая хроника Чуньцю» («Весны и осени»).
- Раджа* — княжеский титул в Индии.
- Рай западной чистой земли* — буддийский рай, обиталище будды Амитахбы.
- Ритуал и долг* — понятия конфуцианской этики. Следование ритуалу и долгу является неременной характерной чертой истинно благородных людей (цзюньцзы) и одним из важнейших общественных устоев.
- Рыбчешуйчатые реестры* — земельные реестры в период правления династии Мин, в них заносились схемы земельных участков с указанием их местоположения, площади, качества почвы и фамилии владельца.
- Саньфоцзи* — китайское название одного из средневековых государств Юго-Восточной Азии.
- Северные и восточные варвары* — так китайцы именовали кочевые народы, обитавшие на территории монгольских и маньчжурских степей.
- Срединное государство* — наименование Китая китайцами, которые считали свою страну наиболее цивилизованным, «срединным государством», окруженным со всех сторон варварскими странами.
- Срединный цветок* — одно из названий Китая китайцами.
- Среднеазиаты (сэму)* — общее название представителей народов Средней и Центральной Азии, завоеванных монголами в XIII в. Во времена господства монголов в Китае среднеазиаты (сэму) наряду с монголами занимали там привилегированное положение по сравнению с китайцами.

- Суй* — название императорской династии, правившей в Китае в 589—617 гг.
- Сун* — 1) название китайской императорской династии, правившей в 960—1279 гг.; 2) название повстанческой династии, созданной в результате восстания «красных войск» в районе к северу от Янцзы, правила в 1355—1367 гг.
- Сутры* — 1) афористические правила и сборники таких правил в буддийской литературе; 2) буддийские молитвы.
- Сын неба* — наименование китайских императоров.
- Сюаньмин* — бог тьмы в буддийской религии.
- Сюцай* — наименование студентов уездных, областных и провинциальных школ, готовивших кандидатов для экзаменов на ученые степени.
- Ся* — 1) легендарная китайская династия, будто бы существовавшая в глубокой древности; 2) название повстанческого государства, существовавшего на территории провинции Сычуань в 1362—1371 гг.
- Сянши* — первичные экзамены на ученую степень.
- Сяо Мин-ван (малый князь Света)* — по верованиям секты Минцзяо — потомок князя Света, который должен править страной.
- Тайбао (Великий хранитель)* — высшее, особо почетное чиновничье звание.
- Тайдин* — название годов правления юаньского императора Тайдинцзуна, соответствует 1324—1327 гг.
- Тайхэ* — название некоторых из годов правления сунского императора Нинцзуна, соответствуют 1201—1208 гг.
- Тайцзу (Великий предок)* — 1) посмертное имя основателя сунской династии Чжао Куаньина, правил в 960—975 гг.; 2) посмертное имя основателя минской династии Чжу Юаньчжана, правил в 1368—1398 гг.
- Тайцзун* — император династии Сун, правил в 976—997 гг.
- Тамачи* — войска, состоявшие из представителей среднеазиатских племен и народов (сэму) на монгольской службе в Китае.
- Тан* — 1) древнейшая легендарная китайская династия, существование которой не подтверждается историческими материалами; 2) китайская императорская династия, правила в 618—906 гг.
- Темник* — командир отряда монгольских войск численностью 10 тыс. человек.
- Три князя древности* — легендарные правители древнейшего Китая: Яо (династия Тан), Шунь (династия Юй) и Юй (основатель легендарной династии Ся). Вошли в традицию как великие мудрецы, заботившиеся о благе людей.
- Тусы* — племенные вожди малых народов Китая, выполнявшие должности местных чиновников китайской администрации.

- Тяньвань** — название повстанческого государства, созданного группировкой «красных войск» Сюй Шоухуэя в районе среднего течения Янцзы.
- Тямпа** — название государства, существовавшего в средние века на территории Южного Вьетнама.
- Тяньли** — название годов правления юаньского императора Минцзуна, соответствуют 1328—1329 гг.
- Тяньтай** — одно из направлений в китайском буддизме, буддийская религиозная школа.
- У-ван** (*Воинственный князь*) — основатель династии и государства Чжоу, правил в 1050—1046 гг. до н. э., по другим данным — в 1027—1025 гг. до н. э.
- Уйгуры** — народ, составляющий ныне коренное население китайской провинции Синьцзян. В средние века они имели самостоятельное государство и неоднократно воевали с Китаем.
- У Син** — в китайской натурфилософии — пять первоэлементов: земля, вода, огонь, металл, дерево. Согласно этой философии, они составляют основу материального мира, развитие которого есть не что иное, как взаимодействие и кругооборот этих первоэлементов.
- Ухоу** — императрица династии Тан, правила в 684—704 гг.
- Уцзун** — 1) император династии Тан, правил в 841—846 гг.; 2) император династии Юань, правил в 1308—1311 гг.
- Хань** — китайская императорская династия, правила в 206 г. до н. э. — 219 г. н. э. Историки обычно различают Раннюю Хань (206 г. до н. э. — 208 г. н. э.) и Позднюю Хань (209—219 гг. н. э.).
- Хатун** — ханша, жена хана, супруга монгольского императора.
- Хоу** — титул на ступень ниже титула гун, обычно переводится на западноевропейские языки титулом маркиз.
- Хубилай** — монгольский хан, император династии Юань, правил в 1280—1294 гг. под китайским именем Шицзу.
- Хугуан** (*Обширная Ху*) — общее название провинции Хубэй и Хунань.
- Хунфэнь** (*Великий закон*) — глава в конфуцианской канонической книге «Шу цзин» («Книга истории»).
- Хуньфу** — название годов правления минского императора Чжу Юаньчжана, соответствуют 1367—1398 гг.
- Цайши шу чжуань** — название книги «Комментарии господина Цая на «Шу цзин» («Книгу истории»).
- Автор этой книги Цай Шань жил в XII—XIII вв.
- Царь драконов** (*Лун-ван*) — бог дождя в буддийской религии.
- Цветущий Ся** — одно из названий Китая китайцами (по легендарной династии Ся, которая будто бы правила страной в глубокой древности). Люди Цветущего Ся — китайцы.

Цзе — последний император легендарной династии Ся, который, согласно конфуцианской традиции, прогневил Небо своей жестокостью и распутным поведением и потому лишился мандата Неба.

Цзинлин — одно из старых названий Нанкина.

Цзинь — 1) название династии, правившей в 265—420 гг.; 2) название чжурчжэньского государства и чжурчжэньской династии, существовавших в 1115—1264 гг. на территории Северного Китая.

Цзиньши — 1) столичные экзамены на ученую степень; 2) лица, выдержавшие эти экзамены и получившие высшую ученую степень.

«Цзо Чжуань» («Комментарий Цзо») — название книги, представляющей собою комментарий известного конфуцианского ученого Цзо Цюмина на конфуцианскую каноническую книгу «Весны и осени» («Чуньцю»).

Цзюйжэнь — ученая степень, присваивалась выдержавшим провинциальные экзамены.

«Цзю чоу» («Девять принципов управления») — название раздела в конфуцианской канонической книге «Шу цзин» («Книга истории»).

Цзядин — название годов правления сунского императора Чжэньцзуна, соответствуют 1208—1223 гг.

Цзяннань — одно из старых названий области к югу от Нанкина.

Цзянцзин — название годов правления минского императора Шицзуна, соответствуют 1522—1566 гг.

Цзяньвэнь — название годов правления минского императора Хуэйди, соответствуют 1399—1402 гг.

Цин — мера площади, равная 6,144 га.

Цинь — китайская императорская династия, правила в 246—207 гг. до н. э., императорской стала с 221 г. до н. э., до этого считалась княжеской.

Цинь-ван — титул сыновей императора.

Цюйкоу — категория лично зависимого населения, близкого к рабам и крепостным.

Цянские племена — племена, населявшие северо-восточные районы Тибетского нагорья.

Четыре разряда населения — чиновники, земледельцы, ремесленники и торговцы.

Четырехкнижие — собрание древних конфуцианских канонических произведений, оно включало книги: «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Центр истины и ее бытие»), «Лунь юй» («Рассуждения и беседы Конфуция») и «Мэнцзы» («Записи бесед конфуцианского философа Мэнцзы»).

Чжан — мера длины, равная 3,2 м.

- Чжаньчэн* — китайское название одного из средневековых государств Юго-Восточной Азии.
- Чжида* — название годов правления юаньского императора Уцзуна, соответствуют 1308—1311 гг.
- Чжилин* — 1) название годов правления сунского императора Инцзуна, соответствуют 1064—1067 гг.; 2) название одного из годов правления юаньского императора Шуньди, соответствует 1357 г.
- Чжичжэн* — название некоторых лет правления юаньского императора Шуньди, соответствуют 1341—1352 гг.
- Чжишунь* — название годов правления юаньского императора Вэньцзуна, соответствуют 1330—1332 гг.
- Чжюань* — 1) название годов правления сунского императора Дуцзуна, соответствуют 1265—1274 гг.; 2) название некоторых лет правления юаньского императора Шуньди, соответствуют 1335—1340 гг.
- Чжоу* — 1) последний правитель династии Инь (Шан), который, согласно конфуцианской традиции, из-за своей жестокости и распутства лишился небесного мандата на управление страной; по одним данным он правил в 1075—1051 гг. до н. э., по другим — несколько позднее; 2) название древней китайской династии, царствовавшей в 1050 (либо 1027)—247 гг. до н. э. Однако начиная с VIII в. до н. э. она правила лишь номинально, так как государство Чжоу раздробилось на ряд фактически самостоятельных владений.
- Чжу Вэньгун* — посмертный титул известного конфуцианского ученого Чжу Си (1130—1200 гг.).
- Чжурчжэни* — народ, обитавший на территории Южной Маньчжурии. В 1115 г. они завоевали территорию Северного Китая и создали там свое государство Цзинь, которое было завоевано монголами в 1264 г.
- Чжуцзы* — одно из имен Чжу Си.
- Чжюнь* — бог огня в буддийской религии.
- Чжэдун (Восточная Чжэ)* — провинция в восточной части Китая во времена правления династии Юань.
- Чжэси (Западная Чжэ)* — провинция в восточной части Китая во времена правления династии Юань.
- Чи* — мера длины, равная 0,32 м.
- Чистая земля* — понятие буддийской религии, означает территорию, на которой не совершается каких-либо грехов.
- «Чуньцю» («Весны и осени»)* — древняя историческая хроника, авторство которой приписывается Конфуцию.
- Чэнсян* — главный министр.
- Чэнцзу* — император минской династии, правил в 1403—1424 гг.

Чэнцзун — император монгольской династии Юань, правил в 1295—1307 гг.

Шесть министерств — традиционные для старого Китая министерства: 1) чинов, 2) финансов, 3) ритуалов, 4) военное, 5) юстиции и 6) общественных работ.

Ши Хуанди (Первый августейший император) — официальное имя первого императора династии Цинь Ин Чжэна (правил в 246—209 гг. до н. э.). Он принял это имя в 221 г. до н. э. в связи с созданием им первой в истории Китая централизованной империи Цинь.

Шицзу — китайское имя императора монгольской династии Юань Хубилая, правил в 1280—1294 гг.

Шу — название китайского государства, существовавшего в древности на территории Сычуани. Впоследствии употреблялось как иносказательное название территории, на которой было расположено некогда это государство.

Шунь — один из легендарных правителей древнейшего Китая.

Шуньди — китайское имя императора монгольской династии Юань Тогон-Тэмур, правил в 1333—1367 гг.

Шэн — мера объема, равная 1,03 л.

Юань — китайское название монгольской династии, правившей в Китае в 1280—1367 гг. (в Северном Китае — с 1265 г.).

Юаньтун — название первых двух лет правления юаньского императора Шуньди, соответствуют 1333—1334 гг.

Южная Сун — название китайской династии Сун и китайской империи Сун после захвата чжурчжэнями территории Северного Китая в 1115 г.

Юй — один из легендарных правителей древнейшего Китая.

Ямэнь — название местных административных учреждений.

Ян — в китайской натурфилософии — светлое, мужское начало в природе, противоположное темному, женскому началу (инь).

Янди — император династии Суй, правил в 605—616 гг., согласно конфуцианской традиции, утратил небесный мандат на управление страной из-за беспутного поведения.

Янь — название одного из древних княжеств, существовавших на территории Северного Китая, в районе современного Пекина; позднее употреблялось как одно из названий этого района.

Яньцай — один из годов правления императрицы Уху, соответствует 694 г.

Яо — один из легендарных правителей древнейшего Китая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

5

Глава первая. БРОДЯЧАЯ МОЛОДОСТЬ

19

1. Юный послушник

19

2. Странствующий монах

23

3. Восстание «красных войск»

29

Глава вторая. ПОЛКОВОДЕЦ «КРАСНЫХ ВОЙСК»

48

1. Командир девятки

48

2. Командир крупного отряда

52

3. Великий полководец

62

253

Глава третья.
ОТ ГУНА ДО КНЯЗЯ
74

1. Решающая битва на озере Поянху
74

2. Захват Восточного У
88

3. Карательный поход на Юг, война на Севере
102

Глава четвертая.
ИМПЕРАТОР, ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ
115

1. Название империи — Великая Мин
115

2. Объединение Юга и Севера страны,
внутренняя и внешняя политика Чжу Юаньчжана
121

3. Выбор столицы и
оборона северных границ
131

4. Усиление централизации власти
135

Глава пятая.
КЛАССОВАЯ ОПОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
145

1. Обязанности помещиков,
бюрократии и народа
145

2. Постоянная армия и сеть тайной полиции
164

Глава шестая.
РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ОБЩЕСТВА
178

1. Восстановление и развитие
сельскохозяйственного производства
178

Глава седьмая.
ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В СРЕДЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА
194

1. Дело партий Ху и Ланя
194

2. Дело о пустых бланках и дело Го Хуаня
206

3. Литературные судебные процессы
214

Глава восьмая.
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
225

1. Много жен — много сыновей и внуков
225

2. Принципы и жизнь
231

3. Всю жизнь в труде
236

ИБ № 6011

Редактор М. М. Новакова
Художник В. А. Чернецов
Художественный редактор В. А. Пузанков
Технические редакторы
И. А. Юдина, Т. В. Лесина
Корректор Н. Е. Ужугупене

Сдано в набор 12.10.1979. Подписано в печать 9.01.1980.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
«обыкновенная новая». Печать высокая. Услови. печ.
л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,87. Тираж 35000 экз. Заказ
№ 1883. Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 113105,
Москва, Nagatinskaya, 1

